

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОБЩЕСТВЕНАЯ НАУКА СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ
И ФИЛОСОФИИ

КОМПОНЕНТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
(на материале языков разных систем)

Сборник научных трудов

Новосибирск 1988

Редакционная коллегия:

д.ф.н., проф. М.И.Черемисина, к.ф.н. Е.К.Скрибник
(отв. редакторы), к.ф.н. Л.А.Шамина

О МОДАЛЬНЫХ ФОРМАХ СКАЗУЕМЫХ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В настоящей работе мы хотели бы рассмотреть некоторые формы сказуемых алтайского языка, которые грамматическая традиция не относит к числу форм наклонений глагола, хотя значения, выражаемые этим образом, безусловно относятся к числу модальных значений. В числе таких форм представлены и синтетические формы, — например, формы на -гадый, на -бай, на -базын; и аналитические, которые значительно разнообразнее, поэтому перечислять их сейчас нет смысла.

Как известно, сфера модальности во всех языках характеризуется большой сложностью, и пока здесь для лингвистов остается много неясного. В частности, с теоретической точки зрения очень слабо очерчены границы того множества форм, которые в каждом конкретном языке признаются, представляются в грамматиках как формы наклонений. Конечно, существует определенная традиция, то есть порядок, некогда заведенный и поддерживаемый, поскольку к нему привыкли и "это удобно". Но это как раз оказывается очень неудобным, когда ставится задача сопоставительного изучения языков, в том числе даже и близкородственных, потому что нередко оказывается, что "одни и те же" этимологические формы в одних языках, одними авторами расцениваются как формы наклонений, в других языках, другими авторами в этом качестве не признаются. Безусловно, нельзя исключить, что формы, восходящие к одному источнику, как например к форме -гы дег, в разных языках, развиваясь самостоятельно, приобретали разные свойства и действительно существенно разошлись функционально. Однако наряду с такими ситуациями никак нельзя исключить и того, что формы, объективно близкие в функциональном аспекте, даже независимо от того, восходят ли они к общей праформе, традицией могут быть разнесены в разные рубрики, в разные классы, категории форм. В тюркологии мы нередко сталкиваемся с ситуациями подобного рода.

В полной мере это относится и к вопросу о наклонениях глагола. Так, в алтайском языке традиция признает небольшое число наклонений: кроме изъявительного (индикатива) — повелительное,

представленное целым рядом форм, обращенным к разным лицам; желательное (форма на -зын), сослагательное; иногда говорят об условном наклонении, называя так форму на -за/-са¹, но по своей основной роли это форма зависимого, а не конечного сказуемого, и с нашей точки зрения можно считать ее и спрягаемым деепричастием. Близкое к этому представление о системе наклонений представляют грамматики тувинского языка, где добавляются еще предельное наклонение – но это тоже форма зависимого сказуемого, тофаларского языка, где выделяется предостерегательное наклонение, а также уступительное – форма зависимого сказуемого; аналогично в принципе решается этот вопрос и в хакасской грамматике. Поэтому такой состав наклонений, выделяемых в тюркских языках Южной Сибири мы будем называть "традиционным".

Якутский язык не принадлежит к этой группе и отличается от названных языков глубже, чем любой из них друг от друга. Тем не менее эти различия не настолько глубоки и разительны, чтобы описание наклонений якутского языка, предложенное Е.И.Коркиной², которая выделяет, наряду с названными, такие наклонения как утвердительное, долженствовательное, наклонение возможности, предположительное наклонение, наклонение несовершенного действия (-а илик, ср. -галак), наклонение обычно совершаемого действия... Представляется очевидным, что на своеобразие языка здесь накладывается своеобразное теоретическое представление исследователя, собственный взгляд Е.И.Коркиной на то, что такое наклонение, каким требованиям должны удовлетворять те формы глагола, которые "pretendуют" быть (называться) формами наклонений.

Работа Е.И.Коркиной о наклонениях якутского языка явилась итогом многолетних глубоких исследований, которые велись почти непрерывно на протяжении ряда поколений ученых. На этой же глубоко проработанной почве стали возможны работы Н.Е.Петрова³, посвященные формам модальности как сферы гораздо более широкой, чем категория наклонения. Материалы тюркских языков Южной Сибири, и алтайского в том числе, такому глубокому исследованию еще не подвергались. Поэтому и мы сейчас не можем ставить перед собой задачу пересмотреть сложившееся, традиционное представление о системе наклонений алтайского языка. Но наши наблюдения пока-

зывают, что помимо признанных форм наклонений алтайский язык располагает большим числом еще не учтенных, не описанных, не осмысленных форм, выражающих разные модальные значения и оттенки значений. Среди этих форм есть очень разные, разнотипные формы, в том числе и модальные глаголы, и модальные неглагольные предикаты, и модальные частицы. Но мы в этой статье хотели остановиться только на предикативных формах, формах конечных сказуемых, завершающих простое предложение или главную часть полипредикативной конструкции.

Несколько забегаая вперед, можно сказать, что в подавляющем большинстве случаев те формы, которые нам удалось выявить и которые мы рассмотрим ниже, "заполняют собой" именно ту лауну в традиционной системе наклонений, которой в описании якутских наклонений Е.И.Коркиной соответствуют "потенциальные" наклонения: возможное, предположительное, а также предостерегательное (опасительное) по В.И.Рассадину⁴; безусловно, есть в алтайском языке и соответствие якутскому "наклонению не совершенного действия" – глагольная форма на -галак, которая "по традиции" расценивается как причастие или глагольное имя⁵, что как бы освобождает грамматиста от необходимости оценить ее с точки зрения модальности. Есть здесь и формы "обычно совершаемого действия" – это формы на -атан. Но в этой статье мы их касаться не будем.

Прежде чем переходить к анализу фактического материала, скажем несколько слов о своем понимании наклонения и его границ. С нашей точки зрения, наклонение – это морфологизованное ядро категории модальности, которая как таковая является не морфологической, а синтаксической категорией, то есть категорией ПРЕДЛОЖЕНИЯ, а не глагола. Поэтому, естественно, не должен стоять вопрос об отнесении к области наклонений тех значений или оттенков значений, которые передаются в языке с помощью модальных частиц. На этом же основании вне категории наклонения русская грамматика оставляет вводно-модальные слова, такие как конечно, безусловно, разумеется, наверняка, наверное, вероятно, возможно, может быть, сомнительно, вряд ли и т.п. Но ведь эти вводно-модальные слова в системе русского языка как раз и являются важнейшим средством передачи значений "возможности" и

"предположительности", которые в якутском Е.И.Коркина выделила как особые наклонения.

В тюркских языках Сибири вводно-модальные слова, разумеется, тоже используются, и в частности – для выражения модальных оттенков высказывания. Но, по нашим наблюдениям, они обычно выступают в предложении не "в одиночку", а лишь сопровождают специальную форму сказуемого, модальную форму, которая передает, в принципе, то же модальное значение. Вводно-модальное слово усиливает, подчеркивает, иногда слегка модифицирует это значение, но нам трудно пока сказать, способны ли такие слова как айса, байла и т.п. ярко выражать определенную модальность безотносительно к формам сказуемости. Что же касается форм сказуемости, то они как раз свободно выражают разнообразные модальные значения и оттенки потенциальности и предположительности без всякого участия вводно-модальных слов.

Это обстоятельство представляется нам имеющим большое значение как раз потому, что оно обязывает тюркологов глубже задуматься о природе морфологической категории наклонения применительно к тюркским языкам, где модальные значения выражаются глагольными формами, причем не только аналитическими, но и синтетическими, простыми. Если мы признаем, что алтайская форма на -гадый функционирует как сказуемое простого предложения, что это финитная форма глагола, которая спрягается, принимает единые в этом языке показатели лица (это будет показано ниже) – разве это не поставит перед нами сразу же вопроса о том, какое из наклонений представляет эта форма? А поставив этот вопрос, разве сможем мы ответить, что форма на -гадый – это одна из форм изъявительного наклонения? То же, по-видимому, будет относиться и к форме на -галак, представляющей "еще не совершившееся, но ожидаемое действие". Исследователи, описывающие эту форму в разных языках, по-разному представляют ее сложное временное значение: здесь и прошедшее, потому что действие "уже не совершилось" до момента речи, но и здесь и будущее, потому что говорящий ждет его совершения в близком будущем... Но ведь это как раз и значит, что ведущим значением этой формы является не временное, а модальное, то есть это форма не индикатива, а форма особого наклонения.

Но в каких пределах можно решать вопрос подобным образом?

До каких пор мы должны, имеем право говорить о формах наклонения, то есть глагола, а когда следует говорить уже только о специальных формах сказуемого, предикативного члена предложения, передающего ту или иную модальность, но остающуюся вне системы наклонений.

Прежде чем отвечать на этот вопрос, нужно внимательно рассмотреть конкретный языковой материал, обращая внимание и на своеобразие модальных значений, передаваемых каждой формой, и на другие особенности самих форм, – такие, например, как относительная простота или сложность их образования, регулярность, относительно высокая частота появления в устной речи и текстах (или наоборот, редкость), возможность образования от широкого круга глаголов разной семантики – или только от небольшой группы глаголов и т.д. На то, чтобы быть признанными в качестве форм наклонения, могут, с нашей точки зрения, претендовать лишь относительно простые, синтетические или аналитические формы, образуемые регулярным образом от многих глаголов, употребляемые довольно часто (регулярно) и сохраняющие в разных контекстах относительное единство своей модальной семантики. Этим требованиям отвечают далеко не все формы, используемые в речевой практике для передачи разнообразных модальных значений.

Перейдем теперь к анализу материала. Начнем с простейших, синтетических форм; но, рассматривая какую-либо форму, будем вовлекать в анализ и те более сложные формы, аналитические конструкции, которые образуются на ее базе. Далее мы рассмотрим аналитические формы, стараясь группировать их по признаку близости значений и учитывая также относительную частоту их употреблений в тексте.

1. Синтетические формы модальности

1). Форма на -ГАДЫЙ.

Глагольная форма на -гадый обозначает возможность совершения действия некоторым субъектом, способность субъекта произвести данное действие. По происхождению она восходит к сочетанию формы на -гы (причастия на -гы) с послелогом дег, который в алтайском языке дал аффиксальную морфему -дый, выражающую обычно сравнительное и модально-сравнительное значение. В тувинском,

как и в тофаларском, с ней сопоставима форма -гу дер⁶, в хакасском она выглядит как -гадаг⁷, в шорском как -гадыг⁸. Грамматики называют эту форму причастием предположительным, причастием возможности; Н.П. Дыренкова⁹ называет эту форму спрягаемым именем действия, выражающего возможность, вероятность и выражающей возможное будущее. Предлагаемые ею переводные эквиваленты этой семантики - "пожалуй, как бы, похоже что" (с. 151). В приводимых ею примерах (с. 152) эта форма выступает в основном в определительной функции - как причастие. Лишь в нескольких примерах (с. 153) она является сказуемым.

В наших материалах эта форма представлена значительным числом примеров из литературных произведений, из записей разговорной речи и экспедиционных материалов. Из этих примеров видно, что в I и 2 лицах ед. и мн. числа эта форма принимает личные показатели:

Слердин *огöönöör эт сүүйтен кизи, айдарда, бир эмеш эт сал-гадыггар* (КТ, Т, 9) - 'Ваши мужья любят мясо, значит, вы могли бы немножко мяса положить'; Бу курч сурак аайынча мен статья биче-гедий-им - 'Я смогла бы написать статью по этой острой проблеме'; Морковтын грядказын сен де эдип салгадыгын - 'Грядку для моркови и ты мог бы сделать'.

3-е лицо передается, как и обычно, нулевым показателем:

Алдырбас адына минеле, Ыуре бергедий ле (КТ, К1, 74) - 'Алдырбас, сев на лошадь, мог бы и уехать'; Эмекей мынайда сананып, Ыташ, Степан баштагандарды тирүге Ып ийгендий (КТ, К1, 185) - 'Эмекей, думая таким образом, готов проглотить живьем Ыташа, Степана и других'; Тайгыл ол кижини ады-бойыла Ып ий-гедий (АА, ITI, 53) - 'Тайгыл (собака) этого человека вместе с конем готов был съесть (растерзать)'; Мен көрзөм, үлгерлер Тарагадый (АА, ITI, 12) - 'Мне кажется, стихи могли бы подойти'; Бир сананзам, бу келин кижини шак ла ол чанкыр көстөриний эрке чокторыла Талакай эрмегиле ле эмдеп койгодый (БУ, С, 28) - 'Мне иной раз думается, эта молодая женщина одними ласковыми лучами своих голубых глаз и мягкой речью могла бы вылечить человека'.

Форму на -гадый, как видно из приведенных примеров, принимают как простые, так и сложные глаголы, выступающие в роли простого сказуемого. Принимает эту форму и именное сказуемое, - разумеется, аффикс -гадый ложится на связку:

Бу Ыебрен вагондорди та кайдаг алып келгендер болбой. Николай каан туштагы вагондор болгодый (АА, ITI, 47) - 'Древние вагоны бог его знает откуда взялись. Николаевских времен вагоны могли бы быть, наверное'; Алтай кожондор кунукчыду, Ые азербайджан кожондор бистийинен де кокудаду болгодый (АА, ITI, 38) - 'Алтайские песни печальные, но азербайджанские песни еще печальнее наших, наверное'.

Что касается семантики этой формы, то она у глагольных и именных сказуемых не совсем одинакова. Глагольные сказуемые выражают способность субъекта к действию, которое, однако, остаются неосуществленным: мясо мужу женщина не положила; Алдырбас не уехал, хотя и сел на коня; Эмекей готов проглотить живьем, но не проглотил и т.д. В последних примерах, на именное сказуемое, этого смысла не возникает. Обратим внимание на временную характеристику глагольных форм на -гадый.

Если форма на -гадый понимается как причастие возможного действия или как глагольное имя, она предстает как лишенная временной семантики, собственного временного значения. Но в качестве сказуемого она приобретает временную характеристику, хотя и своеобразную. Действие, которое только возможно, мыслится "еще не происшедшим", то есть проецируется в потенциальное будущее, - подобно тому как ориентируется в план будущего русский инфинитив. От формы на -гадый нельзя образовать форму прошедшего времени с помощью форм прошедшего времени связочно-вспомогательных глаголов: эди, болды, болгон. Однако есть другой способ выразить смещение события, передаваемого с помощью этой формы, в план прошлого. В этом случае глагол, представляющий действие, ставится в форме на -ган; если глагол сложный, эту форму принимает, конечно, вспомогательный компонент. Форму же на -гадый принимает финальный компонент бол-: бол-годый.

Как показывает анализ примеров, этот временной сдвиг существенно влияет и на модальную семантику сказуемого, которое становится теперь многокомпонентным. Характер этого изменения покажем на следующих примерах:

Ол бистинг ираак Ыерден келгенисти, аргаду-чакту эмезисти эски кийимистен, эби Ыок сөзистен, кендир буула кечире тайп койгон чөмөданыстан билип ийген болгодый (АА, ITI, 25) - 'О

том, что мы приехали издалека, что сил-возможностей у нас мало, она могла догадаться (или: наверное, догадалась) по нашей старой одежде, по нашим нескладным словам, по нашим чемоданам, перевязанным конопляной веревкой'.

Мы переводим сказуемое биллп ийген болгодый не сослагательным наклонением: "могла бы догадаться (но почему-то не догадалась)", а формой прошедшего времени "могла догадаться" (и действительно догадалась, поскольку дальше в тексте фраза: "А канайп билбейт!" - 'А как ей не знать!'; то есть говорящий знает, что названное событие реально, оно произошло). Второй вариант перевода - "наверное, догадалась (по указанным признакам)". Разница между этими двумя смыслами или оттенками - могла догадаться / наверное, может быть, вероятно догадалась - состоит в том, что в первом случае) эксплицитно указывается на возможность действия: названных признаков достаточно, чтобы догадаться; но "факт" догадки не утверждается. Иными словами, здесь имеется в виду возможность самого действия, события. Второй перевод, с помощью модального слова интерпретирует высказывание как оценку говорящим истинности своего высказывания, его адекватности действительной ситуации: "я допускаю с определенной степенью вероятности, что то, что я говорю: "она догадалась по названной совокупности признаков" - соответствует действительности; но может быть, с той же, или большей, или меньшей степенью вероятности, что я и не прав".

Еще нагляднее это второе значение проявляет себя в следующем примере:

Кондуктор эмеен биске килеп Ёурген болгодый (АА, ТП, 2I) - 'Должно быть (наверное, вероятно) кондукторша нас жалела'. Перевод "могла бы пожалеть" и "могла пожалеть" здесь отпадает, поскольку эта женщина уже проявила заботу о ребятах, о местах для них. Поэтому модальный компонент "возможность" четко относится не к событию, а к оценке говорящим своего высказывания, то есть своей интерпретации поступка кондукторши.

Анализ контекстов, в которых встречается предикативная форма ТУ-ган болгодый, приводит нас к выводу, что уверенность говорящего в истинности, адекватности своей интерпретации совершившегося события, выражаемая этой формой, выше того сред-

него уровня, которому по-русски соответствует вводно-модальное слово "может быть" (т.е. в равной мере может быть и обратное), и ближе к тому, что соответствует словам "вероятно, должно быть, наверное". Например:

Эркемен задачаларды тан алдыннан бодоп ийрге ченежип турган болгодый (АА, ITI, I3) - 'Наверное, Эркемен хотел решить задачи с самого раннего утра'; Ол тушта бис сэгис класска йетире тёрёл тилисле үренгениске алару эдилген болгодый (там же, 30) - 'Наверное, приняли во внимание то, что мы до 7 класса учились на родном языке'; Кече-башкун Ёурген болгодый - Ёаш олойдө истери чаддытп калган (КТ, Т, 3I) - 'Вчера-позавчера прошел, наверное, - на свежей траве следы его уже не очень заметны (букв. - привяли, стали не свежими)'; Энем менин келеринди сакып, араки Ёууп койгон болгодый (АА, ITI, 52) - 'Мама, ожидая, что я приеду, наверное, собрала араки'; Василий Константинович Плакас Ёаны-Ёаны черүден калген болгодый (АА, ITI, 5I) - 'В.К.Плакас, наверное (должно быть), только-только пришел из армии'.

Проведенный анализ дает, как нам кажется, определенные основания к тому, чтобы поставить вопрос о признании финитных форм с показателем -гадый формами особого наклонения - потенциального, или наклонения возможности. Решение, которое было найдено и принято якутскими лингвистами, может оказаться приемлемым и для алтайского языка. Это наклонение представлено не только простой формой ТУ-гадый, - ей системно противопоставлена сложная, аналитическая форма ТУ-ган болгодый. Семантическая оппозиция этих форм, как мы попытались показать, характеризуется не только различием временных значений; изменение значения времени непосредственно сопряжено с изменением характера модальной семантики.

В терминах русистики эти различия модальности можно было бы представить как оппозицию модальности (простая форма) и субъективной модальности (сложная форма). Но нам не хотелось бы прилагать эти термины к алтайскому материалу; они скорее запутывают, искажают картину, которая восстанавливается в ходе анализа фактов языка, чем проясняют ее. Сдвиг представления о событии в план прошлого уже не оставляет места потенциальности события: оно либо произошло, либо уже не произошло. Но

представление говорящего об этом событии может быть истинным или ложным, а соответственно и свое суждение об этом событии сам говорящий может расценивать как достоверное (адекватное самому событию) в разной степени. Форма T_v — ган болгодый выражает довольно высокую оценку говорящим достоверности своего высказывания. Очевидно, что в этом плане форма на —ган болгодый должна быть противопоставлена каким-то другим формам, выражающим как меньшую по сравнению с ней, так и большую степень достоверности.

Ставя вопрос о признании этих форм формами особого наклонения, мы не хотим и не можем предпринять вопроса о составе входящих в него форм. В нашей выборке, кроме рассмотренных выше, представлены и некоторые другие формы, анализ которых выходит за рамки наших возможностей на данном этапе работы, поскольку примеров таких у нас пока мало. Но привести эти формы вместе с контекстами, по-видимому, будет уместно: это отрицательная форма T_v — ба-гадый (или T_v — баадый):

Оны теп тегин сөслө Гартан айдып албагадый эмтир (КТ, Т, 12) — 'Это самыми простыми словами разъяснить невозможно оказывается'; Бу отурган уч нокор мыны сескилеп те турган болзо, Ie ол керегинде анай да тийдин-беедий (КТ, Т, 14) — 'Сидевшие тут три товарища хотя и чувствовали это, но высказать это не находили возможным'.

Это также аналитическая форма с лексическим компонентом в условной форме на —са, которая может быть связана с формой на —ган отношениями темпорального противопоставления: T_v — са болгодый. Но пример в нашем распоряжении только один:

Бу бойлоры ичсе болгодый ла, а Iаш уулдар олорго не керек болды не (КТ, Т, 49) — 'Сами бы и могли выпить, но молодые парни зачем им понадобились'.

2) Форма на —бай.

Форма на —бай, представленная во многих тюркских языках, обычно оценивается как отрицательное деепричастие, соответствующее положительному деепричастию на —п, а нередко и другим — например, в алтайском деепричастиям на —а и на —ала. Но наряду с деепричастным употреблением форма на —бай в алтайском языке довольно широко функционирует и как конечное сказуемое, выражая при этом значение реальной модальности с подчеркнутой

достоверностью сообщения. В силу своеобразия своей семантики, форма эта характерна для устной, диалогической речи: в художественных текстах она встречается преимущественно в прямой речи персонажей.

Проиллюстрируем её.

- А не апарбас, апарбай а. — А почему не взять, конечно, возьмем.
- Менде ат Iок. — У меня коня нет.
- Бис экуде аттар бар. Учка- — У нас двоих кони есть. Посажып-тэчкэжип Iеде бербей дим к себе в седло и доедем, (АА, IТI, IОЗ) конечно.
- Мынан да кату ойIорди одуп келбей (АА, IТI, 64) — 'Мы и не такие тяжелые времена переживем'; Маадайдын да балдары школго барып турбай (ТШ, БЭИ, 71) — 'И дети Маада, конечно, в школу ходят'; Мундусов бойы да апарбай (КТ, Т, II7) — 'Мундусов сам и отвезет, конечно'; — Ie мен туку байадаг бил турбай, сес турбай. Ылар оны база коргон турбай (КТ, Т, 70) — Но я все еще с того времени, конечно, знал, все чувствовал. И Вы это тоже видели, конечно'; Папай обогон ло Борбок-Кара... Канай-дар, олорди айландыра откон керектер бу бичиктин база бир Ie-рине эбирлип келер болбой (БУ, С, 21) — 'Дядя Папай и Борбок-Кара... Что же поделаешь, вокруг них происходившие дела еще некоторые страницы моей книги, наверное, тоже вернуться'.

Специфические модальные значения могут передаваться и именным сказуемым: в этом случае форму на —бай приобретает связка, в роли которой выступают глаголы бол- и тур-. Например:

Ол Iердин улузунан кожойнын куузи башка турбай (АА, IТI, 61) — 'У тамошнего народа мотивы песен, оказывается, иные'; Корзон кандый! Кулуктин бойы турбай (АА, IТI, 28) — 'Смотри, какой! Оказывается, он совсем бравый молодец!'; Бу тегин поэт эмес, гений болбой? (АА, IТI, 27) — 'Это не простой поэт, это, наверное, гений?'. Как видим, форма A/N турбай выражает неожиданное для говорящего обнаружение признака, A/N болбой — вероятное предположение.

Форма на —бай, выступая в роли сказуемого при субъектах в I и 2 лицах, не принимает личных показателей. Например:

Мен билбей! Бир Iеткер болгон деп, мен сеспей! (БУ, Т) — 'Я же знал! Я же чувствовал, что стряслась беда!'.
12

Это, однако, не относится к форме болбой, которая личные показатели принимает. Это свидетельствует, с одной стороны, о ее лексикализации, то есть об отрыве от остальных форм данного класса; о том же говорит и ее семантика, близкая к семантике формы на -ган болгодый, с другой же стороны, это является наглядным доказательством того, что форма болбой остается в составе сказуемого, не превращаясь во вводно-модальное слово (что в русском языке довольно характерно для лексикализуемых модально-глагольных форм). Приведем примеры:

Үренчик Үрүмисти, 1аш уулчак тужысты бис бу кырлардын түргөн суузынын Гарадында бийик ла 1ажыл теректердин аразында артырып турган болбой-мс (АА, ІТІ, І6) - 'Нашу ученическую жизнь, наше мальчишеское время мы на берегу этой быстрой горной реки, среди высоких зеленых тополей мы, наверное, оставляем'; Киленкейинин бакында түрмеге кирер болбойым (АА, ІТІ, 73) - 'Из-за своей жалостливости я, наверное, попаду в тюрьму'; 1аан куучын бар. Бойнҗ де сезип турган болбой-ын (АА, ІТІ, І13) - 'Есть большой разговор. Да и ты сам, наверное, чувствуешь'.

Однако такие личные формы встречаются нечасто. В подавляющем большинстве случаев формы на -бай соотносятся с 3 лицом, которое вообще аффиксов не принимает.

Сказуемое в форме на -бай нередко сопровождают частицы: а, аа, и особенно - база.

- Бардин деп академик бар, билеринг бе?
- А билбей (АА, ІТІ, І3) - 'Бардин - академик есть, ты знаешь? - А конечно знаю (как не знать!)'.
- Орден берди бе? - А бербей. Маршал Жуков бойы берген (АА, ІТІ, 57) - А орден дали (тебе)? - А конечно дали, Маршал Жуков лично дал'; - Киного барып тураар ба? - А барбай база. (АА, ІТІ, 23) - 'А в кино Вы ходите? - А конечно же хожу'; Уйуктаачы болуп, ончозын угуп 1атпай база (АА, ІТІ, 84) - 'Притворившись спящим, все слышал, конечно же'; Эки айдын туркунына солдаттап Үрүп эригип калбай база (АА, ІТІ, І06) - 'На протяжении двух месяцев, были в солдатах, - конечно же, соскучился'; Үренбегениме мен бурулу эмес, энем олбогон болзо, үренбей аа (СС, АКС, 76) - 'Я не виноват в том, что не учился. Если бы мама не умерла, конечно, учился бы'; Сен биске качан да келбезинг бе?

- Келбей аа! - 'Ты к нам никогда больше не придешь? Конечно же придешь!' По мнению некоторых носителей языка, форма Тv-бай аа более свойственна представителям старшего поколения, тогда как форма Тv-бай - речи молодежи.

Вхождение этих частиц с нашей точки зрения не ведет к усложнению сказуемого, которое остается синтетическим, простым, если оно глагольное, или составным, если оно именное. Но сама форма на -бай, безотносительно к сопровождающим ее частицам, может оформлять и структурно сложные, аналитические конструкции, в составе которых этот аффикс, принимают вспомогательные глаголы тур- и бол-; им предшествует знаменательный глагол в одной из причастных форм, передающих временные значения. Чаще всего это бывает форма на -ган.

Аналитическая конструкция, заключительным компонентом которой является форма турбай, выражает уверенную констатацию говорящим некоторого факта, свидетелем которого, однако, сам говорящий не был. Например:

Бу тоғун кудай болбой! Боро куштарга чыдабай, курсагын блаадып турганда, ненин кудайы бу? Улус сени тегин 1ерге өртөбөгөн турбай (ЛК, АК, 67) - 'Это не настоящий бог! Если он позволяет воробьям отнимать у себя еду, что это за бог? Люди, конечно же, зря тебя не сожгли (как я знаю)'; Кече 1акшы концерт болгон турбай - 'Вчера, оказывается, был хороший концерт'; Ол нени кылынганын улус та билбеген турбай - 'Значит (выходит), люди даже не знали, что он натворил'.

Аналитическая конструкция с заключительным компонентом болбой выражает, как нам представляется, несколько меньшую уверенность говорящего в достоверности сообщаемого; эта уверенность остается высокой, но она несколько ниже, чем в рассмотренной ранее конструкции с болгодый. Например:

Мен ол тушта сүүнүп тургам, койло кожо мени база киного согуп турган болбой (АА, ІТІ, 58) - 'Я тогда радовался, с овцами вместе и меня наверно (вероятно) снимают в кино'; Слерди мен амтажыдып салган болбойым (КТ, Т, 66) - 'Это я вас приучила (привадила), наверное'; ср. также более редкое употребление формы на -атан перед болбой: Олор та нени бичигилеп туратан болбой? (АА, ІТІ, І23) - 'И что они там постоянно пишут?'; ср. также причастие будущее: Нокорим мыны кычпырала, ачынбас болбой

(АА, ITI, 44) – 'Друг мой, читая это, наверно, не рассердиться'. В переводе мы используем и слово "наверное".

Форма на –бай выступает в составе и еще одной аналитической конструкции, которую можно считать идиоматичной. Эта форма Ty-бай кайт-сын (или кайт-ты). Она выражает уверенность с дополнительным экспрессивным компонентом смысла (по сравнению с формой Ty-бай). Конструкция эта используется нередко. Например:

Лазарь бир быыраш чачту, чап-чанкыр косту кыс сууп ийген турбай кайтты (АА, ITI, 49) – 'Лазарь, конечно же (ясное дело, само собой ясно) тут же влюбился в кудрявую девушку с ярко-голубыми глазами'; "Хенде хох!" Генерал колын кудурип ийбей кайт-сын (АА, ITI, 57) – '"Руки вверх!" Генерал, ясное дело, руки поднял (что ему оставалось, куда он денется)'

Сравним также отрицательную форму этого типа: Сеге кандый Iаман эттим дейтен кики манзаарган бойынча кандый Iакшы эттим деп кийгирып ийбей кайтпазын ба! (АА, ITI, 46) – 'Вместо того чтобы сказать "что я тебе сделал плохого, он от волнения возьми и крикни – "что я тебе сделал хорошего"'

Семантическая специфика аналитической конструкции со словом кайт- состоит, как нам представляется, в том, что, во-первых, высказывание приобретает яркую экспрессивную окраску, во-вторых, происшедшее представляется закономерным следствием сложившихся обстоятельств, от которых "некуда деться".

Нужно упомянуть и еще одну аналитическую конструкцию с заключительным компонентом турбай: это конструкция Ty-арга турбай. Значение ее довольно своеобразно: говорящий употребляет ее, чтобы рассеять чьи-то или свои собственные сомнения в том, что он готов исполнить задуманное, совершить данное действие. Например: Чинчейге акча ийерге турбай (III, БЭИ, 70) – 'Конечно, (я) собиравсь послать деньги Чинчей'; Корудбесте, эм слерден сурап ийерге турбай (III, БЭИ, 76) – 'Раз его не видно (букв. он не виден), я, конечно, хочу вас спросить'. Подобные формы характерны для диалога, но в текстах встречаются редко.

Таким образом, мы видим, что форма на –бай, выступая в качестве простого сказуемого или в составе аналитических форм, передает значение уверенности говорящего в истинности, достоверности своего сообщения, хотя степень уверенности в разных конструкциях несколько варьирует. По-видимому, для конструкций, в ко-

торых появление этих форм оказывается закономерным, характерно ожидание говорящим недоверия к своему сообщению со стороны окружающих, а иногда и собственное сомнение в исполнении события или в истинности своих слов. Например: Ондый туш тужелбей, а тужелбей (IK, AIO, 20) – 'Такой сон приснится конечно, конечно же приснится!' Или: энирде одунын Iанында бис нени ле куучындашпай! – 'Конечно же, вечером возле костра мы обо всем поговорим!'

Другой случай употребления таких форм – это ситуации, когда говорящий стремится внушить адресату речи уверенность в себе, в том, что он способен, может и должен найти в себе силы сделать что-то (в чем сам собеседник не уверен). Например: Эр эпчилиле нени ле этпей, Токна (KT, KI, 71) – 'Мужчина своей находчивостью все может сделать, Токна'.

Специфический смысловой оттенок приобретают предложения со сказуемым в форме на –бай, когда этой формой передается настоятельная рекомендация сделать что-то. В этих случаях конструкция со сказуемым на –бай синонимически сближается с конструкцией с модальным предикатом –ар учурлу, отличаясь от нее большей мягкостью. Например:

Улустын айлына кирип Iурбей, куучындакып Iурбей, Iаман-Iакшыны улежип Iурбей, балам (IM, M, 72) – 'Конечно же, надо захаживать к людям в гости, конечно же, надо с ними разговаривать, конечно же, надо делить горе и радости, доченька'.

Насколько мы можем судить, модель предложения со сказуемым в форме на –бай открыта для глаголов самых разных лексико-семантических групп. Эту форму образуют как простые глаголы, так и сложные разных типов. Используется эта форма широко, но преимущественно в устной речи. Она несет на себе явный отпечаток экспрессии, что делает ее мало пригодной для публицистической письменной речи и ограничивает возможности ее использования в нейтральном художественном повествовании.

Все это говорит в пользу того, что форму на –бай тоже можно признать особой формой наклонения алтайского языка, – наклонения, которое можно назвать "утвердительным" наклонением или "наклонением подчеркнутой достоверности". Но, предлагая такое название, мы должны сказать, что полная, "стопроцентная" достоверность выражается нейтральной формой утверждения, то есть

формами индикатива. Всякое, в том числе и максимальное "уверение", подчеркивание достоверности сигнализирует о том, что она является не полной.

3) Форма на -базын.

Форма на -базын с морфологической точки зрения представляет собой отрицательную пару к форме желательного наклонения на -зын - или, как ее тоже оценивают, к форме 3 лица повелительного наклонения. Форма на -зын/-зын выражает пожелание, чтобы кто-то сделал то, на что указывает основа глагола (или с кем-то, чем-то случилось то, что обозначено глагольной основой). Эту семантику можно представить формулой "пусть будет так, пусть сделает или сделается так". Например: Барзын! - 'Пусть уходит'. Но, конечно, в разных конструкциях эта форма пожелания приобретает разные модально-экспрессивные оттенки звучания, от мягкого пожелания до категорического приказа. Например:

Алтайдын чечектериндий солонь бндү чечектер кайдаг келзин! (АА, IPI, 35) - 'Откуда возьмутся такие цветы, как цветы Алтая, всех цветов радуги'; Бу Савелийге олтурш - тонош не де эмес. Бандит те болгон, ак та болгон. Ого кайда да, кем де болзо туней- Ганьс ла кан чыгарылатан болзын (IK, OI, 32) - 'Этому Савелию убийство-разбой ничего не стоит. Он и бандитом-то был, и белым был. Ему хоть где, хоть с кем, все равно - только бы кровь проливалась (только пусть проливается кровь)'; Ийттери - бууда. Гарт? Алмарлардын 1улкүрлери база белем болзын (IK, OI, 33) - 'Собака его - на веревку (букв. - собаки - на веревке; но это приказ). Ясно? Ключи от амбара тоже чтоб были готовы (пусть будут готовы)'. Здесь форма на -зын выражает не просто пожелание, но категорический приказ.

Форму на -базын Н.П. Дыренкова¹⁰ приводит как отрицательную пару к форме на -зын в § 100, но иллюстрирует только словоформами вне контекста, примеров её действительного употребления здесь нет. Как "пара" к форме на -зын, она должна означать "пусть не делает (не делается) так". Но, как известно, в сфере побуждения отрицание часто вызывает серьезные трансформации в самой модальной семантике форм. Как показали наши материалы, форма на -базын, выступая в роли сказуемого простого предложения, выражает модальность опасения. Это значение по-русски точнее всего передается формулой "как-бы не (случилось чего-

то)".

Модальность опасения представляет собой одну из конкретизаций потенциальной модальности. Это значение включает в себя компонент возможности: событие, с точки зрения говорящего, может произойти, - плюс компонент нежелательности этого события для говорящего. Приведем примеры из устной речи и текстов.

Ганьс ла мал кооркийдин кулагына суу кирбезин, божогон ол (IK, OI, 26) - 'Как бы только вода не попала в уши бедняжке-коню, это ему гибель'; Ээ, адам эмезе энем... Кечпезин дешки-леген болбойсын (IK, OI, 21) - 'Эх, (это) отец или мать (спрятали весла). Наверное, думали, как бы (я - сын) не стал переправляться (через Катунь)'. Здесь видим простые глаголы в форме на -базын. Но значительно чаще эту форму принимают сложные глаголы: Бу агаш сына бербезин - 'Как бы это дерево не сломалось'; Айак-казан оодылып калбазын... Калак, уулдар согужа бербезин (АА, IPI, IPI6) - 'Как бы посуда не перебилась... Господи, как бы парни не передрались'; Акыр кижы ажырмак оорула оорый бербезин, не соок таньа туру (АА, IPI, 61) - 'Ох, как бы мне ангиной не заболеть, холодная же ведь (арака)'; Ай, араай айруушта, эместен айруушта! Бүдүн бугулды... Бели-будын кыйжа бербезин! (IK, OI, 13) - 'Ай, тихонько работай вилами, понемножку набирай на вилы! Целый стог... Как бы поясницу не надскадил!'; Машина город Гаар Iүре бербезин - 'Как бы машина не ушла в город'; Кассир Iүре бербезин! Бис акча Iок артып каларыс 'Как бы кассир не ушел! Мы ведь без денег останемся'.

Как видим из этих примеров, форма на -базын может выражать разные оттенки опасения: можно опасаться того, что действие, событие произойдет вообще - или, как в последних примерах, того, что оно произойдет преждевременно, раньше какого-то момента, важного для говорящего.

Форму на -базын может принимать и связка бол- в составе именного сказуемого: Бу эм бистин аптекада Iок болбозын - 'Как бы не оказалось так, что лекарства в аптеке нет'. Оттенок семантики и в этом случае меняется, хотя сущность - модальность опасения - остается.

Форма на -базын встречается в текстах значительно реже, чем ранее рассмотренные формы на -гадн и -бай. Поэтому пока нам трудно говорить об аналитических конструкциях, в которых

участвует эта форма и которые функционируют как сказуемые в простом предложении (использования этой формы, наряду с формой на -зын, в составе зависимой части целевой конструкции мы сейчас не касаемся). Тем не менее одна такая конструкция в наших материалах представлена, — это конструкция Т-ган болбозын. На-пример:

Бу оштулер клеткен болбозын (СС, АКС, 58) — 'Как бы это не враги наши там идут'; Когүстеригерди тындагылап уксагар, улус, ондо тирү согулган Іүрек эмес, а Іүрек болуп кубулып калган таш, соок таш Іаткан болбозын (БУ, С, 33) — 'Внимательно прослушайте Вашу грудь, люди, там не живое бывшее сердце, а превратившийся в сердце камень, холодный камень как бы там не лежал (как бы не оказалось, что там камень, а не сердце)'; Оны узбектер калымы Іок бала деп, качыргылай берген болбозын (АА, ІТІ) — 'Как бы не случилось так, что узбеки ее, девушку, за которую не надо платить калым, похитили (не могло ли случиться, что ее похитили)'; Борбок-Кара бастыгажып олгон тортон койдын ортозында кирип, сыр кожной бойла ололды бирден сойгылап отурган болбозын ба (БУ, С, 15) — 'Войдя в середину затоптавших друга друга и погибших овец, Борбок Кара, — это же надо! — обдирал их одну за другой с громкой песней'. Здесь специфический оттенок модального смысла: удивление, вызванное неестественностью ситуации, ее противоречием нормальному порядку вещей. Убрав частицу ба, получим совсем другой смысл: "как бы он не обдирал их" (опасение).

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что и эта модальная форма способна выступать в составе аналитических форм сказуемого, довольно существенно модифицируя свою семантику — в частности, в связи со сдвигом события в план прошлого.

Итак, мы рассмотрели три синтетических формы, выступающие в роли сказуемого с модальной семантикой потенциальности события и неполной достоверности сообщения о событии. Мы выяснили, что каждая из этих форм может участвовать (и участвует) в определенных аналитических формах модальных сказуемых, причем эти формы сохраняют основное модальное значение конституирующей их простой формы, определенным образом его модифицируя. Все рассмотренные формы, как синтетические, так и производные от них аналитические, в устной речи и в текстах (в основном — отражающих своеобразие устной речи) употребляются регулярно и

не могут быть названы редкими формами (кроме, пожалуй, формы на -базын).

Мы считаем возможным оценить формы на -гадй и на-бай как формы наклонений — наклонения возможности и наклонения подчеркнутой достоверности (—утвердительного). Форму на -базын тоже можно было бы назвать формой "наклонения опасения", но для более четкой постановки этого вопроса необходимо располагать большим фактическим материалом.

Перейдем теперь к анализу и описанию аналитических форм сказуемых, передающих различные оттенки (значения) модальности, но не могущих претендовать на статус форм наклонения.

2. Аналитические формы модальных сказуемых

Аналитические формы сказуемых, передающие разные значения, и оттенки значений модальности, в алтайском, как и в других тюркских языках, представлены широко и разнообразно. Говорить обо всех таких формах в рамках одной статьи невозможно. Поэтому мы рассмотрим лишь одну группу таких форм, связанную с семантикой возможности в разных ее модификациях, что делает границы группы довольно условными. Но такая ситуация в начале исследования довольно закономерна.

Интересующие нас формы аналитических сказуемых строятся путем соединения различных инфинитных форм, т.е. деепричастий — на -п, -а, -ганча; инфинитивной формы на -арга; причастия на -вачы/-баачы, — с вспомогательными глаголами бол- и э- в определенных спрягаемых формах. Функции этих глаголов в составе аналитических форм довольно близки между собой, и не случайно А.М.Шербак, описывая формы "неполной вербальности" (т.е. деепричастия) и группируя вспомогательные глаголы, используемые как компоненты описательных форм, по признаку "степень грамматичности и регулярности", поместил глаголы бол- и э- в одну группу^{II}.

1) Форма Т_v-п бол-

Форма Т_v-п бол- занимает центральное положение в подсистеме модальных сказуемых алтайского языка, выражающих возможность события. Эта форма представлена и в других тюркских языках Сибири — в хакасском, тувинском, тофаларском, — и за пределами Сибири: в татарском, башкирском и др. Исследователи часто на-

зывают ее "формой возможности"¹². А.А.Олдашев отмечает, что форма на -п бол- в тюркских языках выступает в двух вариантах: в спрягаемом, который представлен в сравнительно небольшом числе языков, и в неспрягаемом, который в одних языках характеризуется как форма возможности, в других – как форма видового значения. В последнем значении она выступает в узбекском, уйгурском, каракалпакском и казахском языках, где она обозначает развязку действия, выраженного дееспричастием: езип бул- 'кончать писать' (узб.), айтып бол- 'кончать говорить' (казах.)¹³.

В алтайском языке форма Т_v-п болды в значении возможности встречается очень редко, лишь в вопросительных предложениях. Например: Сен айдып болдын ба? – 'Ты смог ли говорить? (или: Ты решился ли рассказать?)'. На зато здесь широко употребляются другие формы этого структурного типа – с вспомогательным глаголом бол- в отрицательной форме будущего и прошедшего времени: Т_v-п болбос, Т_v-п болбоды, Т_v-п болбогон, Т_v-п болбойтон. Этими формами передается невозможность совершения действия. Например:

Кемнин де кучту колдоры айылдын эжигинин тутказын тартып, ачып болбоды (ЛК, АК, 28) – 'Чьи-то сильные руки, скобку двери юрты дергая, не смогли открыть ее'; Ол санаазын оскөртөргө көксинде кандый да кожонды ыныранып кожондоорго ченешти. Те кожондоп болбоды (ИШ, ТА, 90) – 'Чтобы отвлечься от своих мыслей, он, попытался напевать про себя мелодию какой-то песни. Но петь не смог'; Эртезинде бу кылыгын ол бойы бойына Гартал болбогон (КК, СА, 89) – 'На следующий день он не мог объяснить сам себе этот свой поступок'; Мен эмди онын адын-Юлын да айдып болбозым (КТ, КІ, 193) – 'Я теперь и имя-отчество его не смогу назвать'.

Разница в значениях между этими формами непосредственно обусловлена временными значениями вспомогательного глагола, на которые накладываются аспектуальные компоненты семантики: Сравним, например: Мен кычырып болбодым – 'Я не смогла прочитать'; Мен кычырып болбогом – 'Я (тогда) не смогла прочитать'; Мен кычырып болбойтом – 'Я обычно читать не могу, не способна читать'. Например: Ол улусла куучундажып болбойтон – 'Он не мо-

жет (не умеет, не способен) разговаривать с людьми'; Мен түрген бичип болбойтом – 'Я не могу (не умею, не способна) быстро писать'.

Что касается положительных форм, то реально употребляется только одна из них: Т_v-п болор. Форма Т_v-п болгон, Т_v-п болотон в наших материалах не встретились ни разу и, по-видимому, вообще не употребляются в речи. Естественно предположить, что это связано с тем, что значение возможности по своей природе связано с планом еще не совершившегося, т.е. будущего. Использование в конструкции возможности форм прошедшего времени, если они сохраняют свое временное значение, неизбежно влечет за собой серьезную перестройку, усложнение модальной семантики. Появление таких форм должно серьезно мотивироваться реальными потребностями общества в выражении подобных значений. Потребности современного алтайского общества в выражении этого рода значений удовлетворяются другими формами, в частности, теми, о которых уже была речь в этой статье.

2) Форма Т_v-ганча болды.

Первый компонент этой аналитической формы сказуемого принято считать дееспричастием, хотя надо сказать, что в алтайском языке есть и причастие на -ган-ча, точнее – особая форма причастия на -ган с аффиксом падежного типа -ча. Подобно другим аффиксам в системе предикативного склонения, этот аффикс "отступает" при вхождении лично-притяжательных аффиксов: айт-кан-ым-ча – 'в соответствии с тем, что я сказал'. Но такие формы образуются лишь от нескольких глаголов, тогда как дееспричастие на -ганча свободно образуется от любых глаголов.

Аналитическая форма сказуемого Т_v-ганча болды употребляется довольно редко, что вполне соответствует ее довольно своеобразной семантике и яркой экспрессивной нагрузке. Действие, названное формой на -ганча, предстает не просто как возможное, но и как настоятельно ожидаемое говорящим, – однако, вопреки этому ожиданию, событие "продолжает не совершаться". Поэтому не удивительно, что эта форма сказуемого принимает на себя выражение, кроме модальной семантики, также и эмоциональных значений, от нетерпения, связанного с ожиданием, до возмущения тем, что событие все еще не наступает.

Приведем некоторые примеры:

Уругун Гааш баштала берди. Бу эки койчы койлорды айдап эжелгенче болды. – 'Начался ливень. Пора бы уж этим двум пастухам пригнать овец (– эти два пастуха могли бы уже давно пригнать овец – но почему-то их до сего времени нет!)'; Луун божогончо болды. Адам дезе эмдегече ле Йок. – 'Собрание уже должно было кончиться. А отца до сих пор все нет'; "Скорая помощь" деген машина келгенче болды – 'Машина, называемая "скорой помощью", могла бы уже прибыть (должна была бы прийти, а ее все нет)'.

Конструкция Tv-ганча болды явно находится на пути к лексикализации. Пока мы еще говорим о модели аналитической формы сказуемого, по которой могут строиться разные конкретные формы. Но в действительности она открыта лишь для определенной, и сравнительно небольшой группы глаголов. Так, например, сочетания типа уйуктаганча болды (уйукта- 'спать'), иштегенче болды (иште- 'работать'), айтканча болды (айт- 'говорить') и многие другие, т.е. такие, в которых использовались бы глаголы состояния, глаголы действия, глаголы речи – в языке не употребляются. Здесь естественно реализуются в первую очередь глаголы движения, а также глаголы, специально выражающие фазы процесса (напр., божо- 'кончаться'). Сильное ограничение лексической сочетаемости компонентов – объективная особенность данной аналитической формы в ее современном состоянии; низкая же частотность этой формы в речи может в будущем привести к тому, что в языке удержатся лишь некоторые конкретные сочетания – подобно тому как это уже произошло с причастными формами на -ган-ча.

3) Группа аналитических форм сказуемого: Tv-п чыда(ба)-/бил-/ал-.

В подсистему аналитических форм сказуемого с семантикой возможности/невозможности совершения действия входит в алтайском языке группа еще более редких моделей с разными знаменательными глаголами в роли второго, заключительного компонента. Естественно, эти глаголы в большей или меньшей степени теряют или модифицируют свое основное значение, свойственное им в свободном употреблении.

Ведущим в этой группе является глагол чыда-, основное зна-

чение которого – 'мочь, быть в состоянии, выносить' – наиболее точно соответствует модальной семантике этих аналитических форм. В группу входят также глагол бил-, основное значение которого – 'знать', а закономерные модификации – 'уметь, мочь', а глагол ал-, который в свободном употреблении значит 'брать', в составе данной аналитической формы, употребляясь только с аффиксом отрицания, приобретает модальное значение невозможности.

Глагол чыда- образует две взаимно противопоставленные аналитические формы, положительную Tv-п чыда- и отрицательную Tv-п чыдаба-; первая выражает возможность действия, способность субъекта его совершить, вторая – невозможность, неспособность субъекта к действию. В зависимости от того, в какой временной форме выступает глагол чыда-, возможность или невозможность совершения действия проецируется в соответствующий временной план.

Однако между положительной и отрицательной моделями с глаголом чыда-/чыдаба- нет существенного параллелизма по возможности образования и употребительности разных временных форм. Положительные формы гораздо менее продуктивны и гораздо реже, ограниченнее используются в речи. Реально употребляется только одна временная форма – форма будущего времени. Например:

Мен ёлбёнди чалгыла чаап чыдаарым – 'Я смогу скосить траву литовкой';

Однако даже эта форма употребляется нерегулярно. Что же касается форм прошедшего времени, то они в языке вообще не функционируют. Это отличает алтайский язык от других тюркских языков Южной Сибири. В хакасском, тувинском, тофаларском употребление положительных форм вполне возможно.

Отрицательные формы с глаголом чыдаба- функционируют в алтайском относительно свободно. Но сопоставление этих форм в разных языках Сибири показывает, что семантика их в каждом языке своеобразна. Так, в хакасском языке форма Tv-п сыдабады передает значение 'был не в состоянии что-то сделать, не смог справиться с каким-то делом'. Например: Матвей тогынып сыдабады – 'Матвей не смог справиться с работой'. В шорском аналогичная форма передает другой смысл: 'не выносить, терпеть не мочь'. Например: Ол аны угуп шыдабады – 'Он не выносил (терпеть не мог) такое слушать'. Значение соответствующей формы в алтайском ближе к тому, которое она имеет в хакасском.

Неупотребительность положительных форм с глаголом чыда-, которые должны были бы обозначать возможность, способность субъекта к действию, частично компенсируется конструкцией с глаголом бил-. Но эта конструкция в своем употреблении ограничена ситуациями, когда совершение действия зависит от приобретаемых навыков, в соответствии с семантикой 'уметь'. Например: Мен француз тилле тоолу эркекти айдып билерим - 'Я могу (-умею) сказать по-французски несколько фраз'; А бис сени ойто Кадын Таар салып та ийерис. Таш Ыустук те буулап билерис (ИК, ОI, 32) - 'А мы тебя обратно в Катунь сбросим. Каменное кольцо завязать сумеем (сможем), знаем как это сделать'.

Глагол ал- в составе модальной предикативной аналитической конструкции употребляется только в отрицательной форме. Этим способом передается неспособность субъекта совершить данное действие, которая предстает как очевидный, доказанный факт. На пример: Анчы кере тужине андап, керек дезе тийин де адып албады - 'Охотник, целый день охотясь, не смог подстрелить даже белку'; Мен свитеримнин Тенинде илгишти кодүрүп көйдүм, Те болуп албадым - 'Я пыталась поднять петлю на рукаве свитера, но не смогла'.

Эта конструкция употребляется тогда, когда действие должно было принести какую-то пользу субъекту, но эта цель так и осталась не достигнутой: субъект пытался сделать что-то, но не смог.

Рассмотренные сейчас три аналитические формы сказуемого передают гораздо более конкретные, а значит и более частные оттенки модальных значений возможности и невозможности. Их значение проще, монолитнее тех, которые передаются формами на -гадый, на -бай и даже формой Тү-п бол-.

В заключение нам хотелось бы рассмотреть еще несколько аналитических форм, модальная семантика которых расценивается нами как пограничная с интересовавшим нас значением возможности: есть определенные основания ввести эти формы внутрь данного множества, но есть основания оценивать их и как лежащие по ту сторону его внешней границы. Мы пока смотрели на них как на лежащие на самой этой границе.

4) Форма Тү-п көр-

Эта форма с глаголом көр- 'смотреть' в качестве заключающего компонента широко представлена в разных тюркских языках¹⁴. С ее помощью передается значение "пробного действия", попытки совершить данное действие: алып көрдүм - 'я попробовал, попытался взять'. В такой интерпретации эта форма не должна была бы, видимо, включаться в число форм возможности/невозможности. Однако, рассматривая конкретные употребления этой формы, можно увидеть, как она модифицирует свое основное значение "пробного действия" в направлении сближения с семантикой возможности/невозможности. Эти модификации облегчаются тем, что эта форма часто осложняется эмоциональными и экспрессивными значениями. Рассмотрим примеры ее употребления:

Бот, мындый карындашпа адып көр... (ИК, АIО, 33) - 'Вот, попробуй-ка, поживи с таким братом! (разве можно жить с таким братом?!)' ; Мындый керекке тартырткан кийинде, тирүү артканын күч ле болбой. Эки бука сүзүшсе, ортозына туруп көр. Канайдар, канайдар? (ИК, ОI, 34) - 'После того, как ты был притянут к такому делу, тебе в живых остаться, наверное, было трудно. Если два быка начнут бодаться, попробуй стоять между ними. Что ж делать, что ж делать?'; - Самолетте учуп көрдөөр бб, бббб? - А учпай! (АА, ITI, 58) - 'Вы на самолете летать пробовали, дедушка? - А конечно, летал'; Текени бобо буулап аларыс. Таныс ла бдүп көрзүн (ИК, ОI, 18) - 'Козла сюда привяжем. Пусть только попробует пройти (- не сможет пройти)'; Эрлик-бийдин эжигине Тетире чаап көрзүн (ИК, ОI, 20) - 'Пусть попробует доскакать до дверей Эрлик-бия'; Мен сананып көрбөйүн, ада. Санайын, эне. (ИК, ОI, 8) - 'Я попробую подумать, отец. Я подумаю, мать'; Бу менин Таш тужымдагы найым ла башчым Борбок-Караны да адалганым айыктап ла сананып көрбөгөр (БУ, С, 13) - 'Попробуйте-ка посмотреть и подумать как называли моего друга и предводителя Борбок-Карой (как ему дали такое имя)'.

Этой положительной форме соответствуют две отрицательные. Одна из них связана с отрицательным оформлением самого глагола көр- и передает отсутствие попытки совершить данное действие. Например:

Учар Кадыннын Таардынан ырабай, эжинип туратан, а кечип көрбөгөн (ИК, ОI, 24) - 'Учар плавал, не удаляясь от берега Ка-

туни, а переплывать не пробовал'.

Другая отрицательная конструкция выражает значение попытки не совершать действия; в этом случае отрицательную форму принимает деепричастие. Например:

Айтканысты этпей көр! (ИК, ОI, 34) – 'Попробуй (только) не сделать того, что мы сказали!'.

Просматривая примеры, нетрудно убедиться в том, что сближение значений "пробного действия" и потенциальной возможности происходит в тех случаях, когда глагол көр- несет в себе грамматический компонент побудительности, т.е. стоит в форме повелительного наклонения, в форме на -зын или на -са, которая в роли сказуемого в простом предложении тоже передает значение побуждения. В форме индикатива, особенно прошедшего времени, форма Tv-п көр- теряет ту модальную характеристику, которая сближает ее с интересующей нас подсистемой форм.

5) Аналитическая форма Tv-аачы/-баачы бол-

Эта конструкция довольно широко распространена в разных тюркских языках. Ей присуще яркое модальное значение, которое выражается ею и в алтайском: это значение "имитации действия". Ее называют "формой притворного действия". Употребляя эту форму, говорящий сообщает, что, по его мнению, субъект действия, названного формой на -аачы, не производит данного действия, не находится в данном состоянии, но делает вид, будто дело обстоит наоборот. Соответственно, формой на -баачы выражается, что субъект действия притворяется не действующим, не испытывающим того состояния, которое в действительности имеет место. Заклывательный компонент формы, глагол бол-, может принимать разные

Простейшие примеры употребления этой формы:

Кызычак уйуктаачы болды – 'Девочка притворилась, что спит (спящей)'; Эрмек сураза – укпаачы болор, ёскё Iерге туштаза – көрбөөчи болор (КТ, Т, 67) – 'Если его спросят – не слышащим прикинется, если в чужих местах встретят – невидящим прикинется'.

Такие употребления этой формы по смыслу далеки от рассмотренных выше форм, в них не наблюдается компонента потенциальной модальности. Но эти формы, особенно положительная форма, используется и для передачи специфических модально-экспрессив-

ных значений, где компонент возможности ощущается довольно отчетливо. Например:

ТунIы эмеем ол кўн ак ширдегин тышкары иле Iерге илип са-лаачы болгон (КТ, KI, 205) – 'Бабушка Тунди в тот день должна была (обещала) повесить свой ковер на видном месте'. Как видим, здесь выражена модальность долженствования, – хотя, может быть, в оригинале семантика этой формы ближе к субъективному ожиданию говорящего.

Стоит заметить, что форму на -аачы/-баачы принимают, по-видимому, далеко не все глаголы. Наиболее регулярно в этой форме встречаются глаголы восприятия: слышать, видеть, знать и т.п., и состояния, причем чаще всего глагол уйукта-, который заключает в своей лексической семантике "отрицание восприятий": спит – значит, не видит, не слышит, а притворяется спящим – значит в действительности и видит, и слышит.

Подведем теперь некоторые итоги сказанному.

Мы рассмотрели 3 синтетические формы конечных сказуемых алтайского языка и более 10 аналитических форм, включая сюда и производные от простых, синтетических форм. Все эти формы используются для выражения различных значений и оттенков значений потенциальности, потенциальной модальности, то есть значений возможности или невозможности, способности или неспособности субъекта произвести данное действие или испытать данное состояние. Рассматривая конкретные употребления этих форм, мы показывали сложное взаимодействие между модальным значением отдельных форм в нашей коллекции и теми временными значениями и значениями наклонений, которые для них, как для конечных сказуемых, являются переменными. Так, значение возможности естественно реализуется только в тех случаях, когда речь идет о еще не совершившихся событиях, которые остаются пока во временном плане будущего. Если же речь идет о прошлом, о событиях, которые либо уже произошли, либо еще не произошли, то модальность "потенциального события" преобразуется, модифицируется, обращаясь от события к сообщению об этом событии. Формы модальных сказуемых с семантикой возможности в этих условиях приобретают функцию оценки говорящим достоверности своего сообщения. Эту функцию приобретают аналитические формы, обра-

зующиеся на базе предикативной формы на -гадый; знаменательный глагол в составе этой формы получает форму прошедшего времени на -ган (причастную форму), а форму на -гадый принимает глагол бол-, который можно в этом случае оценить как связку.

Поскольку потребность в оценке достоверности сообщений в практике алтайской речи не особенно велика, т.е. меньше, чем потребность в выражении возможности/невозможности и степени вероятности самого события, постольку многие аналитические конструкции, которые мы рассматривали, полностью или отчасти лишены положительных форм прошедшего времени, т.е. характеризуются дефектностью временной парадигмы. Отрицательные формы, которые в принципе представляют "не состоявшееся" событие, представлены более полными парадигмами. Мы показали это на примере формы T_v -п бол-.

Материал показал также определенную связь между значением побуждения, которое передается соответствующими формами наклонения конечного компонента, и модальной семантикой возможности/невозможности, что особенно ярко было видно на примере аналитической формы T_v -п көр-.

Мы старались по мере возможности сопоставлять семантику разных форм в рамках намеченной в этой статье подсистемы. Поскольку, однако, на материале алтайского языка модальные формы и их значения еще почти совсем не описаны и даже не инвентаризованы, первой нашей задачей было первичное описание тех форм, которые нам удалось выявить, зафиксировать как способы выражения потенциальной модальности. По настоящему системное описание модальных форм алтайского языка сможет стать только тогда, когда будет выявлен и первично описан хотя бы основной арсенал этих средств. Как показывает опыт описания таких языков как якутский, где усилиями многих ученых, в частности Е.И.Убрятовой, Е.И.Коркиной, Н.Е.Петрова, исследованы, описаны, систематизированы сотни разнообразных форм; или опыт описания тофаларской грамматики В.И.Рассадиной, где описание модальных форм глагола дано коротко, но очень компактно, в алтайском языке тоже будут найдены и описаны многие формы, пока остающиеся не учтенными.

На следующих этапах изучения этой сферы алтайского языка

должны будут решаться и поставленные нами относительно синтетических форм вопросы об их квалификации как специальных форм наклонения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербак А.М. О происхождении формы условного наклонения в тюркских языках. - Советская тюркология, 1976, № 2, с.13-22.
2. Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1971.
3. Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. Якутск, 1978; его же. Модальные слова в якутском языке. Новосибирск, 1984.
4. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978, с. 226.
5. Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1941, с.141-151.
6. Сат Ш.Ч. Причастие в тувинском языке. - Уч. зап. ТНУИЯЛИ, 1959, вып. 7, с.83.
7. Грамматика хакасского языка. М., 1975, с.237.
8. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941, с.189-191.
9. Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка, с.151-153.
10. Дыренкова Н.П. Там же, с.157-158.
11. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. 1981, с. 134-135.
12. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 415; Грамматика хакасского языка, с. 243; Щербак А.М. Очерки ..., с. 99; Грамматика башкирского языка. М., 1981, с. 266 и др.
13. Клдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 101.
14. Маманов И.Е. Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата, 1949, с. 45; и др.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА.ІТІ	- А.Адаров. Іаан телекейге Іол. Горно-Алтайск, 1979.
БУ.Т	- Б.Укачин. Туулар туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.

- ИК, АГО - И.Каинчин. Айлыбыс Іаныс ӧзӧктӧ. Горно-Алтайск, 1984.
- ИШ, ТА - И.Шодоев. Тан алдында. Горно-Алтайск, 1972.
- ІМ, К - І.Маскина. Кӧгӧя мӱркӱт уйазы. Горно-Алтайск, 1986.
- КК, СА - К.Кошев. Солоньду айандар. Горно-Алтайск, 1981.
- КТ, КІ - К.Тӧлӧсӧв. Кадын Іаскыда. Горно-Алтайск, 1985.
- ЛК, АК - Л.Кокмшев. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
- СС, АКС - С.Суразаков. Алтай керегинде сӧс. Горно-Алтайск, 1982.
- ТШ, ЫӦИ - Т.Шинжин. Ырыс эжелген ижемІи. Горно-Алтайск, 1986.

МОДАЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале казымского диалекта)

В зависимости от отношения к категории лица в хантыйском языке можно выделить две группы модальных сказуемых. В первую входят сказуемые, образующие безличные предложения. Это могут быть: а) простые модальные сказуемые, выраженные предикативами мосл 'надо, должно' (ан мосл 'не надо') и рахл 'можно' (ан рахл 'нельзя'); б) именные сказуемые, в состав которых входят существительные сир, кем, пись 'возможность'. Ко второй группе относятся модальные сказуемые, в которых полнозначный глагол выступает в инфинитивной форме на -ты в сопровождении или модальных глаголов типа лангхаты 'хотеть', хотты 'уметь', вератты 'мочь' и т.п., или сочетания бытийного глагола в ты с существительными сир, кем, пись 'возможность', йзр 'сила', кэм 'время', вер 'необходимость', каш 'желание'.

Как мы видим, в образовании сказуемых обеих групп участвуют одни и те же существительные сир, кем, пись 'возможность'. В структуре сказуемых, образованных при их помощи, имеется как определенное сходство, так и существенные отличия, которые и определяют принадлежность модального сказуемого к первой или ко второй группе. Описанию этих различий мы уделим особое внимание. Надо отметить, что в Хантыйско-русском словаре¹⁾ данные существительные либо отсутствуют, как, например, существительное сир, либо приводятся другие значения этих слов (например, кем 'приблизительно', пись 'выдумка, чудо, хитрость'). В ходе бесед с носителями языка нам удалось установить, что в данных конструкциях существительные сир, кем, пись употребляются в значении 'возможность'; мы выявили также значение существительных каш - 'желание', кэм - 'время', отсутствующих в словаре.

Рассмотрим подробнее выделенные группы модальных сказуемых.

І. Модальные сказуемые, выраженные предикативами. Для выражения модальных значений в хантыйском языке используются предикативы мосл 'надо, должно' и рахл 'можно', в отрицательной форме - ан мосл 'не надо' и ан рахл 'нельзя'. Например:

Манэм вэн ларась мосл²⁾ - Мне нужен большой ящик; Вой вел'ты хэя мосл пешкан, сэл'я, патронит, карты сэсы, кеши (Р, с. Ю I) Охотнику нужны ружьё, порох, патроны, капкан, нож.

В данных примерах подлежащими являются существительные ларась 'ящик', пешкан 'ружьё', сэл'я 'порох' и др., сказуемым - предикатив мосл.

В качестве подлежащего может использоваться также инфинитивная форма на -ты, которая обозначает действие, а предикатив - отношение к нему как к необходимому, возможному или невозможному. Например:

Тохыл' кев л'эсат-ты мосл (Р, с. 72) - Грузило невода поправить надо; Нёрум муви тулхат канш-ты ан мосл, лив сэмат лольлат (ХЯ-3, с. 63) - В тундре грибы искать не надо, они на глазах стоят; Вусынг пути кавар-ты ан мосл - В ржавой кастрюле варить не надо; Октябрьн, лангки каншты тыласья, хэл па вэнши сэмат акат-ты рахл (ХЯ-3, с. 63) - В октябре, в месяце поиска белки, еловые и сосновые шишки собирать можно; Тата хол-ты ан рахл. Там льяанг пирась ими хот (ХЯ-3, с. 139) - Здесь ночевать нельзя. Это дом злой старухи.

Все эти предложения являются безличными. Безличными являются также и предложения с именными модальными сказуемыми, в которых используются существительные сир, кем, пись 'возможность'. В этих предложениях подлежащее тоже выражается инфинитивной формой на -ты. Сказуемое имеет положительную и отрицательную формы, а также изменяется по временам. В качестве глагола-связки здесь употребляется бытийный глагол вэлти. Примеры со сказуемым в положительной форме:

Тохум лэматсухен ал вуськалы: хулна лэсит-ты сир вэл - По-раванную одежду-твою не выбрасывай: еще починить можно (букв.: починить возможность есть); Мунг хусева ванкулт ханшанг саханг ими вейт-ты пись вэл - У нас часто можно встретить женщин в расшитых малицах (вэл - форма 3-го лица ед.ч. настоящее-будущеего времени); Мунг иханэви кары ёша пават-ты сир вэс - В нашей реке можно было поймать стерлядь (букв.: поймать возможность была); Катра тал мар ЮО лангки вел'-ты пись вэс, там йисн лангкет парсат - Раньше за сезон можно было добыть ЮО белок, теперь все белки перевелись (вэс - форма 3-го лица ед.ч. про-

шедшего времени от глагола вэлти).

Для образования отрицательной формы сказуемого используется отрицательное слово антэм. В настоящее-будущем времени глагол-связка опускается, а в прошедшем он ставится после отрицательного слова. Например:

Лив каркам ёшлал па самлал такла муви вэл-ты сир антэм (ЛПХ, 8.03.87) - Без их ловких рук и дорогих сердец на земле жить нельзя (букв.: возможности нет); tāl šepən jeməŋ hola mal-ti kēm antəm (Шт-I, с. 67) - С пустым карманом к святому мысу ехать нельзя; ... Похатур в с. Лув си арат таь тайс, нэпека ханш-ты кем антэм вэс, нумасн номалма-ты кем антэм вэс (ЛПХ, "Похатур") - ... Богатырь жил. Он столько богатства имел, (что) на бумаге написать возможности не было, устно рассказать возможности не было; Сыры мунг хусева тутанг хопи янгх-ты пись антэм вэс - Раньше поездом к нам доехать возможности не было.

Хотя обычно в таких конструкциях нет необходимости в указании на лицо, встречаются примеры, в которых существительные сир, кем, пись могут оформляться лично-притяжательным аффиксом 2-го лица ед.ч. -эн. Например:

Ултани - усума пунлалэ, элуп олуми ул, вана вхат-ты сир-эн антэ (ХЯ-3, с. 139) - Когда спит-он, под подушку кладет-её, поверхностным сном спит, приблизиться нельзя (букв.: возможности-твоей нет); Мунг перьямасув, вош хулылув хуват сопек таклы ман-ты сир-эн антэ - Мы привыкли, (что) по улицам-нашим без сапог не пройдешь (букв.: пройти возможности-твоей нет).

В подобных случаях этот аффикс выражает не собственно лицо, а скорее обращение к слушающему в диалоге.

Итак, модальные сказуемые первой группы можно представить следующим списком:

<u>мосл</u> 'надо, должно'	<u>ан мосл</u> 'не надо'
<u>рахл</u> 'можно'	<u>ан рахл</u> 'нельзя'
<u>сир вэл/вэс</u> 'можно (было)'	<u>сир антэм (вэс)</u> 'нельзя (было)'
<u>кем вэл/вэс</u> - " -	<u>кем антэм (вэс)</u> - " -
<u>пись вэл/вэс</u> - " -	<u>пись антэм (вэс)</u> - " -

2. Модальные сказуемые второй группы образуются при помощи тех же существительных сир, кем, пись 'возможность', а также

существительных йэр 'сила', кэм 'время', вер 'необходимость', каш 'желание'. Положительная и отрицательная формы, а также настоящее-будущее и прошедшее времена выражаются в обеих группах одинаково. Различным является, прежде всего, отношение к категории лица. Сказуемые первой группы образуют безличные предложения, позиция лица у них отсутствует. Сказуемые второй группы, наоборот, принимают лично-притяжательные аффиксы, указывающие на лицо и число субъекта действия, причем позиция этих аффиксов является здесь обязательной. Часто лично-притяжательные аффиксы являются единственным выражением лица и числа субъекта действия. Кроме того, отличительной чертой данной группы сказуемых является то, что инфинитивная форма на -ты является здесь не подлежащим, а частью сказуемого. Например:

Ма нанг хусена ихатсум, тэп нанг манэм нёт-ты йэр-эн вэл - Я к тебе пришел, только ты мне можешь помочь (букв.: помочь сила=твоя есть); Лапат талта ки йис, школая ман-ты вер-л' вэл - Раз исполнилось семь лет, (он) в школу идти должен (букв.: идти необходимость=его есть); Тэп похатур симась вэн хул вел-ты пись-л вэс - Только богатырь мог поймать такую большую рыбу (букв.: поймать возможности=его была); Ма хураманг ан лэ-ты каш-ем вэс - Я хотел купить красивую чашку (букв.: купить желание=мой было); Шаием хулас, сит паты шайн ял'ся-ты сир-эм антэ - Чай кончился, поэтому чай заварить я не могу (букв.: заварить возможности=моей нет); Янгхийл-ты кем-ем антэ - Я ходить не могу (букв.: ходить возможности=моей нет); Ма мул'хатл' си мурта вевл'л' питсум, хуланг нянь лэ-ты каш-ем антэ вэс - Я вчера так устала, (что) рыбный пирог есть не хотела (букв.: есть желания-моего не было); Мул'хатл' ма хатл' мар пэсантсум, шай яньс-ты кэм-ем антэ вэс - Я вчера весь день стирала, чай попить было некогда (букв.: попить времени=моего не было).

Среди признаков, различающих сказуемые первой и второй групп, следует отметить также и форму отрицательного слова. Оно может употребляться в двух формах: антэ и антэм. По предварительным наблюдениям оказывается, что форма антэм употребляется преимущественно в безличных предложениях со сказуемыми первого типа (в 90% примерах по нашей выборке), форма антэ - в определенно-личных предложениях со сказуемыми второго типа

(в 70% примеров). Пока мы специально не исследовали закономерности выбора той или иной формы, и это предположение требует дополнительной проверки.

Ко второй группе относятся также сказуемые, образованные сочетанием инфинитивной формы на -ты с модальными глаголами типа лангхаты 'хотеть', хоты 'уметь', вератты 'мочь' и т.п.

Ма хош-л-ум вей энт-ты - Я умею шить унтайки; Сясем ая вэл-мал' пурайн таланг хатл' ак-ты вэритас - Бабушка, когда молодая была, целый день танцевать могла; Ма йилуп хоп ву-ты лангхалум Я хочу купить новую лодку.

Сказуемые второй группы можно представить следующим списком:

Тү-ты Vmod

<u>Тү-ты сир-// вэл/вэс</u> - 'мочь'	<u>Тү-ты сир-// антэ (вэс)</u> 'не мочь'
<u>Тү-ты кем-// вэл/вэс</u> - " -	<u>Тү-ты кем-// антэ (вэс)</u> - " -
<u>Тү-ты пись-// вэл/вэс</u> - " -	<u>Тү-ты пись-// антэ (вэс)</u> - " -
<u>Тү-ты каш-// вэл/вэс</u> 'хотеть'	<u>Тү-ты каш-// антэ (вэс)</u> 'не хотеть'
<u>Тү-ты вер-// вэл/вэс</u> 'надо'	<u>Тү-ты вер-// антэ (вэс)</u> 'не надо'
<u>Тү-ты йэр-// вэл/вэс</u> 'мочь'	<u>Тү-ты йэр-// антэ (вэс)</u> 'не мочь'
<u>Тү-ты кэм-// антэ (вэс)</u> 'некогда'	

Итак, рассмотрены основные способы выражения модальных сказуемых в казымском диалекте хантыйского языка. По морфологической природе и по составу они бывают: простыми - выражены предикативами мосл' и рахл'; именными - выражены при помощи существительных сир, кем, пись и связки вэл-ты; составными глагольными - выражены сочетанием инфинитивной формы на -ты с модальными глаголами; сложными - в их состав входит инфинитивная форма на -ты, существительные сир, кем и др. в лично-притяжательной форме и глагол-связка вэл-ты. Различение именных и сложных сказуемых, образованных при помощи одних и тех же существительных, основывается на отношении к категории лица. Именные модальные сказуемые безличны, это объединяет их в одну группу со сказуемыми, выраженными предикативами. Составные глагольные и сложные сказуемые образуют другую группу, в которой в качестве первого компонента используется инфинитивная форма на -ты, а второй компонент - модальный глагол или существительное - содержит указание на определенное лицо и число субъекта действия.

1) Молданова С.П., Нёмысова Е.А., Ремезанова В.Н. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. - Л.: "Просвещение", 1983.

2) Примеры, полученные от информантов, мы записываем в соответствии с традицией, принятой в советских изданиях (см., например; Словарь хантыйско-русский ...). В примерах, взятых из печатных текстов, мы сохраняем орфографию оригинала.

УСЛОВНЫЕ сокращения

Р - Русская Д.Н. Самоучитель хантыйского языка. - Л.: "Учпедгиз", 1961.

ХЯ-3 - Молданова С.П., Нёмысова Е.А. Хантыйский язык. Учебник и книга для чтения для 3-го класса (на языке казымских ханты). - Л.: "Просвещение", 1983.

ЛПХ - газета "Ленин пант хуват".

Шт-I - Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Bd. I. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen. Aus zwei Dialekten. Budapest, Akadémiai Kiadó. 1975.*

ОТРИЦАНИЕ В ГЛАГОЛЬНОМ СКАЗУЕМОМ СРЕДНЕОБСКИХ ГОВОРОВ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Вопрос об отрицании в селькупском языке уже попадал в сферу внимания лингвистов¹. Но все эти работы основаны на материалах тазовского диалекта, который относится к северному наречию; для среднеобских же говоров, входящих в южное наречие, этот вопрос специально не рассматривался. Между тем, по нашим наблюдениям, выражение отрицания в тазовском диалекте и в среднеобских говорах несколько различается. Нас будет интересовать отрицание при глагольном сказуемом в среднеобских говорах в сравнении с тазовским диалектом. Поскольку сказуемое является конструктивной вершиной предложения, постольку отрицание при нем делает отрицательным все высказывание.

Материалом исследования были данные, собранные нами во время экспедиций в места проживания селькупов - Каргасок, Напас, Молодежный (Кочедрово), Нельмач в 1987 г., а также рукописные материалы, любезно предоставленные нам кабинетом общего языкознания Томского педагогического института; кроме того, мы используем опубликованные сказки и бытовые рассказы, записанные от носителей среднеобских говоров.

Вначале коротко остановимся на понятии отрицания и на способах выражения отрицания в разных языках, и в частности самодийских, к южной ветви которых относится селькупский язык. В изучении отрицания выделяются два направления: универсально-логическое и формально-грамматическое. Первое представлено работами О.Есперсена, Й.Вакернагеля, А.А. Сухаревой, Ш.С.Мачабели, А.К.Кочеткова и др. В них отрицание рассматривается широко и охватывает явления лексические, словообразовательные, фразеологические, синтаксические. Второе направление, более близкое нам, - синтаксическое: это труды А.М.Пешковского, Л.В.Жирицкого, В.А.Трофимова, Е.И.Шендельс, А.Н.Гвоздева, Е.М.Галкиной-Тедорук, "Грамматика современного русского литературного языка" (1970) и др. Ср. у А.М.Пешковского: "Сущность этой категории с синтаксической точки зрения сводится к тому, что связь между теми или иными представлениями при помощи этой категории создается отрицательно, т.е. создается, что такая-то связь, выраженная такими-то

формами слова и словосочетаний, реально не существует².

Е.И.Шендельс видит в нем "выражение с помощью определенных языковых средств негативных связей между явлениями"³.

Категория отрицания соотносится с категорией утверждения. А.М.Пешковский подчеркивал, что противопоставленные друг другу утвердительные и отрицательные предложения различаются между собой формально: категория утверждения является нулевой категорией по отношению к категории отрицания. Как утверждение, так и отрицание характеризуют связь между субъектом и предикатом, т.е. отрицание является предикативной операцией, прерывающей смысловые связи в предложении. По мнению Н.В.Вулах, отрицание как синтаксическая категория с помощью специального грамматического средства выражает смысловую разъединенность между двумя членами предложения, несмотря на наличие синтаксической связи между ними. Существенно, что категория отрицания отображает разъединенность как имеющую место в действительности⁴.

Категория отрицания принадлежит к языковым универсалиям: природа отрицания, ее семантика едины для всех языков, но выражается она в разных языках разнообразными способами. Вся совокупность средств выражения отрицания в каком-либо языке образует в нем поле данной категории; структура его ядра в различных языках зависит от их грамматической структуры.

Приглагольное отрицание может выражаться двумя способами: синтетическим и аналитическим. К первому относятся различные аффиксальные морфемы, ко второму – отрицательные частицы и отрицательные глаголы. Средства выражения приглагольного отрицания могут различаться в оппозиции "императив/неимператив"⁵.

В северных самодийских языках способом выражения отрицания является специальный вспомогательный глагол: нен. нись, энец. несь, нган. нисн. В парадигме отрицательного спряжения вспомогательный глагол изменяется по лицам, числам и наклонениям, в то время как смысловой глагол остается в неизменяемой форме, материально совпадающей с основой глагола:

нен. тым' нён мис (Ян., 389) – не отдавай оленя; тым' нёя мис (Ян., 389) – пусть он не отдаст оленя; энец. Эккон нез' ди-ре (Тер.С., 82) – Я не живу здесь; нган. Эмэ дялы дятэнэ нисы-зэрэ ту' (Тер.Н., 262) – Не придете ли вы ко мне сегодня?

Из приведенных примеров видно, что в ненецком и в энецком

финитные личные показатели присоединяются непосредственно к основе отрицательного глагола, а в нганасанском – после неопределенно-деепричастного аффикса –сы.

В северных самодийских языках есть и другие вспомогательные глаголы отрицания, имеющие общее происхождение: нен. вунись "ведь не...", ханясь "как не...", хациясь "чуть не..."; энец. кэ-тись "чуть не...", бунись "ведь не..."; нган. каседя "чуть не..."⁶. Их употребление аналогично употреблению основного отрицательного глагола, но встречаются они реже:

нен. Тарем' вуни на (Тер.С., 87) – Ведь это не так (букв.: так ведь не есть); Тянна хация хаю (Тер.С., 87) – Ты чуть не остался там; нган. Нандуймэ касадя дотчумэ нойкэгэй (Тер.Н., 261) – Лодка моя, чуть не перевернувшись, накренилась.

Селькупский язык, как исчезнувший камасинский, принадлежит к южной ветви самодийских языков. Развитие способов выражения отрицания в камасинском языке прослеживает А.Кюннап⁷. Он отмечает, что отрицание в данном языке осуществлялось при помощи вспомогательного глагола. Но если вначале спрягался вспомогательный глагол, а основной стоял в специальной неизменяемой форме (т.е. так же, как в современных северных самодийских языках), то в процессе развития языка стал спрягаться основной глагол, а вспомогательный утратил эту способность.

В селькупском языке ситуация иная: здесь нет отрицательных вспомогательных глаголов. В отрицательном глагольном спряжении здесь употребляются отрицательные частицы ašša, ikj, которые являются рудиментарными глаголами, и šalka, представляющая собой застывшую форму 3-го л. глагола šankjə "отсутствовать, не иметься". Поскольку селькупский язык существует "как совокупность диалектов и говоров, объединенных общей структурной моделью языка"⁸, то различия в выражении отрицания между диалектами вполне возможны. Обратимся вначале к опубликованным работам по тазовскому диалекту и разграничим сферы употребления указанных частиц в сказуемом.

Частица уку (ikj)⁹ используется, если сказуемое выражено императивом или оптативом: Tyny nennä mat yky šinty cätyläk !(оч., 362) – Впредь бы мне тебя не встречать!

Если простое глагольное сказуемое выражено именем действия, то отрицание выражается при помощи частицы šanka: Tanaltäš, mat

сăпка tokaltıptăr (Оч., 368) - Погоди, я не одет (букв.: отсутствует одевание мое).

В остальных случаях для приглагольного отрицания используется частица аѣа: Кел. тан' ас'е тат'ендал' пускан' ман' ас'е кен'данг корăка (СЦИ., 30) - Пока ты не принесешь ружье, я не пойду на охоту. Она может иметь разнообразные фонетические варианты: а, аѣа, аз, аса Коч. тарѣл хулѣ мат а кѣллага - Сегодня домой я не поеду; Чиж. таб аѣа табін сепса - Он ей не говорит; Ив. мат каѣндо мат аз тѣккусак - Я с зимы домой не приходил.

В среднеобских говорах наиболее распространенным фонетическим вариантом частицы аѣа, по нашим данным, является ее усеченная форма а. Другим ее вариантом мы считаем частицу ја. У нас 36 примеров ее употребления, полученных из сказок и от информантов в Парабельском районе:

Пар. О:о: кайнай' ја то:ланѣ, табн оф'се ја тѣлаѣ (Ч.Ц., 107) - О, никто не придет. Ему невозможно прийти; Тапер ја: а'да (Ч.Ц., 127) - Теперь не видно; ми: а'ува'жаут ја: е'іalem'баут куде'най пут а: кате'ват (Ч.Ц., 99) - Есть не хотим и не устали, никто нас не обидел; Тал. каймаи ја канѣбаѣ і кѣнба - Ничего не сказал и ушел.

В большинстве примеров ја встречается в интервокальном положении; здесь появление [j] можно объяснить фонетическими причинами: этот эпентетический согласный элемент разряжает стечение гласных, устраняет зияние¹⁰, т.е. ја является фонетическим вариантом частицы а для среднеобских говоров Парабельского района. В нашей выборке а и ја употребляются параллельно.

І. Рассмотрим функционирование частицы а в индикативе. Примеры с прошедшим временем:

Нап. кайнаи а кадиѣам - Я ничего не сказал; Пар. аѣам інекка тоіѣим мѣбат куѣат мат а тенѣак тоѣсе кѣаѣпуку - Отец сделал мне лыжи, когда я не умел ходить на лыжах; Ласк. мат а меѣар пар - Я не сделал это; Тал. мат а конѣѣак пилѣомб - Я всю ночь не спал; Коч. кѣерар кѣерар таб а туѣа - Я его звала, звала, он не пришел.

Во всех этих случаях сказуемое выражается финитной формой глагола с показателем ѣ. В тазовском диалекте, в соответствии с исследованиями Е.А.Хелимского, сказуемое в отрицательном спряже-

нии прошедшего времени индикатива выражается не финитной формой, а именем действия в посессивной форме основного падежа, а для отрицания употребляется частица сăпка: Фарк. омѣитіл куп корѣон сăпка конѣирăт - Сидящий человек медведя не видел (букв.: отсутствует видение его); Нілѣук қумур мѣ қонтырăмыт сăпка (Оч., 368) - Такого человека мы не видели.

Имя действия вместо посессивных аффиксов может оформляться финитными личными показателями, т.е. фактически становится глаголом в этом случае сăпка употребляется в усеченном варианте сă и занимает позицию перед именем действия, т.е. окончательно превращается в частицу:

Сă сұрыссăнты (Оч., 252) - Ты не охотился (-nty - аффикс 2-го л. субъектного спряжения); мат тарум сă қонтырăп (Оч., 252) - Я его не видел (ар - аффикс 1-го л. объектного спряжения).

Е.А.Хелимский трактует примеры такого рода как свидетельство становления особого глагольного наклонения, с помощью которого выражается несоответствие между обозначенным действием и действительностью¹¹. В среднеобских говорах мы такого явления не обнаружили (см. табл. І).

Таблица І

Отрицание в прошедшем времени индикатива

таз.	сп.обск.
	я не ел
ман амырăмы <u>сăпка</u>	Коч. мат аза аѣерhak Пар. мат <u>а</u> аурhak Нап. мат <u>а</u> аурhak Нел. карт <u>а</u> аурhak
	Я тебя не увидел
мат сінты <u>сă</u> қонтырăк	Нап. мат таѣнѣа қонѣерhak Коч. мат таѣнѣа <u>а</u> конѣирhak Нел. мат таѣнѣа <u>а</u> конѣирhak
	Мы в лес не ездили
мѣ сѣтты <u>сă</u> қорăптăмыт	Коч. мѣ <u>а</u> коѣаѣут маѣонд

По-видимому, одна из причин отсутствия "отрицательного наклонения" в среднеобских говорах заключается в том, что имя действия, одно из его слагаемых, не получило, по нашим наблюдениям, широкого распространения в этих говорах. В полевых материалах во всех фразах, которые были предложены информантам и предполагали употребление имени действия, действие было передано не в номинализованной форме, а описательным путем: инфинитивом, деепричастием, предикативным узлом:

Пар. Я слышу плач детей: *mat ūntelʒar kibamarlat čurembadit* (букв.: я слышу, дети плачут); Нап. Его крик меня разбудил: *mat kōndak kodita parka mat ūntelʒembap bešembak* (букв.: я сплю, кто-то кричит, я услышал, проснулся); Мой сын пойдет на работу: *man ijam užuqi kbela* (букв.: мой сын работать пойдет); Коч. Человек пришел домой с рыбалки: *hūlʒe kup tōmba kbelsala pulā* (букв.: порыбачив).

В печатных и рукописных материалах употребления имени действия редки: Умби нул мат *ōmdytēt šūndž'ēšpa nadʒu: lʒe ča: dʒugu* (Т.С., 25) - Теперь в церкви моление заканчивается, надо домой идти; Ласк. а *ačalā aralʒiga ūntelʒit čuretāt čūmbanelat* - Старик вдруг услышал вой волков.

2. Отрицательная частица *iki* обычно употребляется при формах императива:

Нап. *iki šidešpēs mat onnek kelčalage* - Не буди меня, я сам проснусь!; Нел. ну паја *ъгъ ч'у:рък* (К.К., 123) - Ну, старуха, не плачь.

Но частица *iki* используется в тазовском диалекте и в среднеобских говорах также с формами на *l(ä)*; при них могут употребляться разные частицы отрицания, в наших материалах это преимущественно частица *ašša*, но иногда и *iki*. В современном тазовском диалекте фиксируется только *iki*. Можно предположить, что употребление двух показателей отрицания при формах с аффиксом *l(ä)* обусловлено различием смыслового содержания этих форм.

В тазовском диалекте Г.Н.Прокофьев рассматривает формы с показателем *l(ä)* как будущее время повествовательного (предположительного наклонения, которое может использоваться в функциях повелительного, побудительного и желательного наклонений: это обозначение действия в будущем, в достоверности которого сам говорящий не уверен^{II}. Е.Д.Прокофьева трактует аффикс *l(ä)* как показатель футурума индикатива, т.е. реального действия в буду-

щем¹³. В "Очерках по селькупскому языку" *l(ä)* оценивается как показатель оптатива, формы которого выражают возможность или желательность совершения действия в будущем¹⁴. Показатель же будущего времени индикатива - *nt*; по форме оно совпадает с настоящим временем глагола несовершенного вида. Г.Н.Прокофьев рассматривает формы типа *qonnetak* (я пытаюсь спать, я буду спать) только как *imperfectum*, понимая его как видовую форму. Здесь можно отметить, что до недавнего времени в ненецком и энецком языках не выделялось суффикса будущего времени. Считалось, что для выражения футурума в них служат суффиксы несовершенного вида (по Г.Н.Прокофьеву, неначатого вида, что, видимо, точнее), в ненецком - *nqo, dV, tV*, в энецком - *qua, d*. Но в последних работах К.Лабанаускас вслед за А.М.Щербаковой и Н.М.Терещенко считает, что в ненецком языке на современном этапе его развития "формы будущего времени и несовершенного вида уже ясно разграничены"¹⁵. Н.М.Терещенко, И.П.Сорокина в энецком языке тоже выделяют будущее время¹⁶. Развитие будущего времени происходило в этих языках на базе категории вида, но оно шло различными путями. В ненецком языке форма осталась почти той же, а значения расщепились, в энецком формы разграничились по значению. В тазовском диалекте селькупского языка процесс протекал аналогично ненецкому. На переосмысление показателя несовершенного вида в баишенском говоре (северное наречие) указывает Л.А.Варковицкая: хотя *-nt* и сохраняет свое видовое значение, но большинство случаев его употребления приходится на выражение будущего времени¹⁷. Выражение будущего времени суффиксом *-nt* повлекло за собой модализацию показателя *l(ä)*. На первый план выдвинулось обозначение возможности и желательности совершения действия в будущем, что и стало по-видимому, основанием для выделения форм с показателем *l(ä)* в особое наклонение - оптатив. По данным Е.А.Хелимского, в тазовском диалекте при оптативе, как и при императиве, используется частица *iki*: *tat təpym yky cōtylāl* (Оч., 245) - Пусть ты его не встретишь; *tat cāpkyrmānty mat yky wāšylāk* (Оч., 246) - Если тебя не будет, я не встану.

В наших материалах по среднеобским говорам в подавляющем большинстве случаев с формами на *l(ä)* отрицание выражается частицей *ā*: Нап. *tat ā tūlende mi ā ašerlu* - Ты не придешь, мы не будем есть; Коч. *tab ā čurla* - Он не будет плакать; Пар. мат

та'пер ти:шндът а: ʏндpɫa'ge, ти: ма'тк наи а: ʏндpɫи:
(Ч.Ц., 100) – Я теперь вас больше не увижу. Вы меня тоже не увидите.

По данным Л.В.Моревой и по нашим наблюдениям, основное значение этих форм индикативные: они обозначают реальное действие которое совершится после момента речи. Но форма будущего времени, как показывают материалы, употребляется не только для обозначения объективного будущего действия, но также для выражения определенных модальных значений, установить которые можно, только опираясь на контекст. Л.В.Морева усматривает здесь четыре разных значения: 1) долженствования, возможности, желания; 2) побуждения совершить какое-либо действие; 3) повелительного наклонения; 4) реального действия в придаточных предложениях условия с условным наклонением¹⁸. Примеры: Нел. *tikka tölendə* – Иди сюда; *tuldəp tādilel mekka* – Принеси-ка мне ружье; *koşklage kit tomn* – Пойду-ка я на речку; Чиж. *koşkilend mat matkit eläge* – Сходи, я дома побуду.

Приведем примеры отрицательного спряжения форм будущего времени, когда они приобретают модальные оттенки: Нел. *iki parkle-şplendə* – Не кричи!; *mat taşendə iki konşirlak* – Чтобы я здесь тебя не видела!; *iki kəjalend na pəttoute naşat war* – По пространству той дороги не ходи, там медведь!; Пар. *ʔ'гъ манъмбъ* // *ʔ'т, ман у'до:м кошка*: (Ч.Ц., 115) – Не смотрите! Моя рука худая.

Для отрицания в этих фразах, которые употребляются при обращении к собеседнику, как и при императиве, используется частица *iki* (хотя во втором примере побуждение, адресованное второму лицу, выражается формой 1-го лица). Примеры употребления частицы *iki* с формами будущего времени немногочисленны; это, по-видимому, свидетельствует о том, что формы на *1ā* по своей основной, наиболее частотной функции принадлежат системе индикатива, а для императива являются периферийными, вторичными. Мы располагаем примерами с формами 1-го и 2-го л., случаи же употребления частицы *iki* с формами 3-го лица нам пока не встретились – возможно, потому, что формы 3-го лица не подразумевают непосредственного собеседника, а значит, обладают меньшей императивностью. Формы 2-го л. будущего времени, хотя и втягиваются в императивную парадигму, но, вероятно, о полной их взаимозаменяемости с формами

императива говорить неправомерно. Сравним:

(1) Нап. *mat a parşelage ik şaşeşpād* – Я не крикну – не стреляй!

(2) Ласк. *mat andomde iki nadek* – Нельзя брать (букв.: не бери) мою лодку!

(3) *şençek ik alambik* ! – Говори по правде, не обманывай!

Предварительно можно сказать, что императивные формы более категоричны, они подразумевают долженствование, передают резкий приказ, в то время как индикативные – менее категоричны, с их помощью выражается просьба, мольба, предупреждение, хотя это предположение, учитывая разнообразие форм 2-го л., требует тщательной проверки.

Формы 1-го л. будущего времени индикатива, выражая намерение совершить действие, обладают скорее модальностью оптатива, нежели императива. Поскольку императивная парадигма селькупского языка представлена формами 2-го и 3-го л., то данные формы 1-го л. могут восполнить пробел в системе императива.

Итак, употребление разных отрицательных частиц при формах с показателем *1(ā)* в тазовском диалекте и в среднеобских говорах обусловлено различием их значений. В среднеобских говорах основное значение этих форм – индикативное и для отрицания с ними используется частица *aśša*. Однако они могут приобретать модальное значение, и когда оттенок повелительности значителен, т.е. когда они втягиваются в императивную парадигму, с ними употребляется частица *iki*, которая и указывает на приобретение этими формами большей категоричности.

Тот факт, что формы будущего времени не только в селькупском, но и в других языках могут употребляться в императивных предложениях, обусловлен некоторой общностью их семантики. Будущее время, как и императив, обозначает действие еще не реализовавшееся. Отметим, что когда в императивных предложениях используются неимперативные формы, т.е. повелительная модальность не выражена грамматическими средствами, то маркером императивности является интонация.

Поскольку мы приняли точку зрения, что периферийные императивные формы в отрицательном спряжении могут употребляться с частицей *iki*, постольку мы считаем необходимым и возможным вы-

явить те формы, которые могут приобретать императивное значение, опираясь на использование при них частицы *iki*.

В русском языке в императивном значении могут выступать индикативные формы настоящего-будущего времени, прошедшего времени, вопросительные конструкции, формы сослагательного наклонения, инфинитив, аналитические формы, образуемые каузативными глаголами со значением "позволять, допускать, разрешать".

Решение этой задачи для малоисследованных среднеобских говоров требует анализа большого фактического материала, которым мы пока не располагаем; поэтому сейчас ограничимся лишь некоторыми формами. Прежде всего рассмотрим инфинитив, который в силу своих семантических и морфологических свойств во многих языках, в том числе и в селькупском, используется в императивных конструкциях. Как в тазовском диалекте, так и в среднеобских говорах инфинитив может иметь императивное значение приказа, и в таких случаях он употребляется с отрицательной частицей *iki*: *yky mēgo* ! (Оч., 250) - Не делать!; Пар. мат ти:анда те: н'трак *ōg* ше:ргу, а ти: кайко ше: ргумбалт (Ч.Ц., 98) - Я ведь вам запретил заходить (букв.: сказал - не входить), а вы все-таки заходили; *neiz'a niz'ik tabyn tū' kuly' vatpugu* (Ч.Ц., II4) - Нельзя запрещать ей говорить (букв.: так ей не говорить).

С отрицательной частицей *iki* инфинитив употребляется также в целевых построениях: *štoβ ik ūdiq omnimba tarip pot takkit* - Чтобы не промокнуть, я сел за большое дерево; *nabi iqi kittalzuqu elle larciβannak* - Чтобы утку не спугнуть, я присел.

Инфинитив используется в моносубъектных целевых построениях, а в аналогичных разносубъектных употребляется императив: *taβ katparond oralbat iki caβimD* - Он за плечо схватил, чтобы тот не стрелял.

В среднеобских говорах нам также встретились формы желательного наклонения, имеющего в рассматриваемых говорах показатель *n3*: Ласк. *kβanded ārend pork tab iqi kanden3i* - Отнеси отцу лубу, чтобы он не замерз; *kut larimbadiβ tabin elle pone iqi can3eja* - Люди боялись, чтобы душа его наружу не вышла; Тухт. *azdər hartku tab iqi kunnija* - Оленя надо привязать, чтобы он не убежал.

Мы считаем *j* показателем желательного наклонения: [j] можно рассматривать как фонетический вариант фонемы [3] на основе

функциональных соответствий и с учетом того факта, что ослабление смычной аффрикаты [3] приводит к образованию среднеязычного спиранта [j].

Подведем итоги.

1) Во всех существующих сегодня самодийских языках приглагольное отрицание осуществляется аналитическим способом. Но если в северных языках в парадигме отрицательного спряжения используются отрицательные вспомогательные глаголы, то в селькупском - отрицательные частицы *ašša*, *iki*, *čā/čāŋka*.

2) Сфера употребления этих частиц в тазовском диалекте и в среднеобских говорах несколько расходится:

а) в среднеобских говорах противопоставление частиц *ašša* и *iki* проходит в оппозиции императив/неимператив. В тазовском диалекте отрицание в неимперативе передается частицами *ašša* и *čā* - последняя в среднеобских говорах для выражения отрицания при сказуемом не используется.

б) формы с показателем *l(ā)* имеют разное основное значение. В тазовском - опатив, в среднеобских - футурум индикатива. В тазовском диалекте для отрицания используется частица *iki*, в среднеобских говорах в большинстве случаев - *a/ašša*, а когда основному значению сопутствуют модальные оттенки - *iki*.

3) В обоих диалектах частица *iki* употребляется с инфинитивом, когда он выступает в императивном значении.

4) В среднеобских говорах частица *iki* встречается в целевых конструкциях с формами желательного наклонения и инфинитивом.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. - Л., 1935, с. 95-96; Прокофьева Е.Д. Селькупский язык// Языки народов СССР, т.3. - М., 1966, с. 410; Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. - М., 1980, с. 361-364; Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. - Л., 1973. - С.83.

2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1938. - С. 351.

3. Шендельс Е.И. Отрицание как языковая категория// Учен. зап. к МГИИЯ, т. 19, М., 1959. - С. 125.

4. Рулах Н.В. Средства выражения отрицания в немецком литературном языке. - Ярославль, 1962. - С. 7.

5. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. - Л., 1986, с. 107.

6. О происхождении вспомогательных глаголов 'быть' и 'не быть' на материале ненецкого языка пишет П.Хайду. Подробнее об этом см.: Haidu P. Zur Syntax der negativen Verbalformen im Samojedischen // Symposium über Syntax der uralischen Sprachen Göttingen, 1969. - S.100

7. Кюннал А.К. Происхождение отрицания в уральских языках // Вопросы финно-угорской филологии, вып. 4. Л., 1984, с.120-124.

8. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Selkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Сов. финно-угроведение, № 7, 1971, с. 43.

9. В примерах, взятых из печатных источников, мы сохраняем орфографию авторов. Фразы, полученные от информантов или взятые из рукописных материалов, записываем в ФУТ.

10. Например, см.: Деннинг Н.В. Среднеязычные согласные фонемы в тымском диалекте селькупского языка // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. - Томск, 1983. - С. 73.

11. Кузнецова А.И. и др. Очерки..., с. 252.

12. Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика, с. 68.

13. Прокофьева Е.Д. Селькупский язык, с. 407.

14. Кузнецова А.И. и др. Очерки..., с. 245.

15. Лабанаускас К. Будущее время в ненецком языке // Сов. финно-угроведение, 1976, № 2, с. 108.

16. Терещенко Н.М. Энецкий язык // Языки народов СССР, т.3, М., 1966, с. 449; Сорокина И.П. Будущее время в энецком языке // Структура палеоазиатских и самодийских языков. - Томск, 1984, с. 115-120.

17. Варковицкая Л.А. Глагольное словообразование в селькупском языке (на материале баишенского говора): Дисс... филол.наук. - М., 1947, с. 26.

18. Морева Л.В. Будущее время в селькупском языке // Языки и топонимия Сибири, вып. 7, Томск, 1975, с. 119-124.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

I. Экспедиционные материалы из населенных пунктов:

Ив.	- Иванино	Коч.	- Кочеедрово	Нел.	- Нельмач
Карг.	- Каргасок	Ласк.	- Ласкино	Пар.	- Парабель
Кел.	- Келлог	Нап.	- Напас	Тал.	- Талиновка

Тюхт. - Тюхтерево Фарк. - Фарково Чиж. - Чижатка

2. Текстовые источники

К.К. - Морев Д.А. Сказка про крота и кротику // Сказки народов Сибирского Севера, вып. IV. - Томск, 1982.

Тер.Н. - Терещенко Н.Н. Нганасанский язык. Л., 1979.

Тер.С. - Терещенко Н.Н. Синтаксис самодийских языков. - Л., 1973.

Т.С. - Морев Д.А. Сказка про трех сестер // Сказки народов Сибирского Севера, вып. IV. - Томск, 1982.

Ч.Ц. - Дульзон А.П. Сказка про черного царя и трех его дочерей // Языки и топонимия Сибири. Вып. I. - Томск, 1966.

ЯН - Языки народов СССР, т. 3. - М., 1966.

ССП - Воеводина Н.М. Сложноподчиненные предложения // Сказки народов Сибирского Севера, вып. II. - Томск, 1976.

ТИПЫ ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Именное сказуемое, как и глагольное, по своей природе является гибкой синтаксической формой и характеризуется разнообразием функциональных и структурных типов. Он выступает предикативным центром как в двусоставных, так и односоставных предложениях, например: Ол коммунарым баһтапкы председатели Койдук ооёгон эмди де тирү (БВ) 'Председатель той коммуны старик Койдук и по сей день жив'; Клубта соок. Улус тонду (Ш, БЭИ, 194) 'В клубе холодно. Люди в шубах'. Последнее предложение соответствует модели $N_1 \leftrightarrow N_{\text{с.л.}}$. В алтайском языке именное сказуемое употребляется преимущественно в двусоставном предложении.

Именное сказуемое двусоставного предложения называет тот признак предмета, обозначенного подлежащим, о наличии или отсутствии которого говорящий в этом предложении сообщает: Санал — малчы 'Санал — пастух'; Мен поэт болбогом 'Я не был поэтом'.

В структурном отношении именное сказуемое в современном алтайском языке всегда является как минимум двухкомпонентным, однако второй его компонент, связка, может быть нулевым*: Эртен кун изу болор 'Завтра день будет жарким'; Эбире Галаңдар элбек 'Кругом поля обширны'. Такое сказуемое, состоящее из связки и присвязочной именной формы, называется составным.

Исследователи некоторых тюркских языков (татарского, казахского, хакасского и др.)¹, а также других языков алтайской общности (калмыцкого, бурятского)² выделяют в особый тип — простое именное сказуемое. В этих языках имя существительное в роли сказуемого принимает те же самые показатели грамматического лица, что и глагол, например: Син торычызың 'Ты рабочий' (хак.); Біз солдатпыз 'Мы солдаты' (каз.). Ср. в бурятском: Би Кухельбекер би 'Я Кухельбекер'. А. Н. Кононов отмечает, что в отдельных тюркских языках в предложениях с именным сказуемым личные местоимения функционируют в спряжении в двух видах: как личное местоимение и как аффиксы сказуемости, претерпевая в последнем случае фонетические изменения. Грамматическая

связь между подлежащим и сказуемым проявляется в оформлении предиката аффиксами. Исторически употребление личных местоимений было обязательным, хотя в современных языках (узбекском и др.) они употребляются факультативно³. Для современного алтайского языка такое употребление нехарактерно. Именное сказуемое с таким оформлением встречается лишь в его диалектах — кумандинском и чалканском. Итак, в алтайском языке именное сказуемое всегда состоит из именного компонента и связочного глагола. Разнообразие типов именного сказуемого зависит, во-первых, от того, какой частью речи выражен именным компонент; во-вторых, от того, что представляет собой связочный компонент. В роли именного компонента могут выступать имя существительное в неопределенном падеже, имена наличия-отсутствия бар 'есть' и юк 'нет', имя прилагательное, наречие, имя существительное в косвенных падежах и с послелогами, имя числительное, местоимение, звукоподражательные слова. Служебный, т.е. связочный компонент может быть выражен собственно-вспомогательными глаголами бол-, э-. В этой роли могут выступать также и глаголы, совмещающие синтаксическую функцию связки с выражением собственного лексического значения, на этом мы остановимся позже. В состав связки могут входить разного рода частицы.

Известно, что предиктируемый признак может рассматриваться в трех временных планах: а) как присущий предмету в момент речи, причем он может быть и временным, и вневременным, постоянным; б) как такой, который присущ предмету до момента речи, причем к моменту речи он может уже перестать существовать или сохраняться; в) как такой, который должен или может появиться у предмета после момента речи. Именное сказуемое, связанное с семантикой настоящего времени в алтайском языке, обычно выступает без предикативной связки, т.е. без служебных глаголов бол- и э-, которые в двух других временных планах обязательно появляются для выражения временной отнесенности главного компонента именного сказуемого.

Вспомогательный глагол э- в форме эди часто включается в состав именного сказуемого, выражая значения: а) прошедшего времени, б) реальной модальности (подчеркнутой). Например:

*Исторический аспект в данном случае во внимание не принимается.

Тозулов колхозтын эн Тапшы койчызы эди 'Тозулов был самым лучшим пастухом колхоза'; Менде керек десе тен плащ та ток. Бу ээн-туяк тайганын ортозы жаар кемге, неге иженип келген кики эдим (БУТ, 43) 'У меня, надо сказать, даже плаща нет. Посреди этой густой зарослей тайги на кого, на что я надеялся (букв. - надеявшимся человеком я был). Из последнего предложения видно, что слово кики в роли присвязочной части сказуемого могут выступать прономинализаторы. Вспомогательный глагол эди иногда употребляется в значении настоящего времени, придавая утверждению категоричность: Мен колхозтын председатели эдим 'Я являюсь председателем колхоза'. Вспомогательный глагол э- используется и для выражения отрицания. В этой роли он выступает в форме эмес, к которой присоединяются личные показатели: Мен анчы эмесим 'Я не охотник, т.е. не являюсь охотником'; Сенин адаанын турар улус көп. Сен Тапшыкан эмесин (ПК, ТАП) 'Людей, которые постоят за тебя, много. Ты не один'.

Исследователи отдельных тюркских языков отмечают, что глагол бол- входит в состав именного сказуемого как связка и как вспомогательная частица временных и модальных значений⁴. Такую же функцию, даже шире, данный глагол в алтайском языке выполняет как компонент именного сказуемого; своими грамматическими показателями, морфологически присущими глаголу, он сообщает вещественной части именного сказуемого определенные значения категорий времени и модальности.

Рассмотрим структурные типы и семантические характеристики именных сказуемых алтайского языка. Именное сказуемое может быть как двухкомпонентным (присвязочная часть и связка), так и многокомпонентным (присвязочная часть + связка + служебные слова, выражающие модальные оттенки). Именные сказуемые имеют специфические особенности образования, в связи с чем они подразделены на подтипы. Предлагаемое нами описание сказуемого несколько отличается от традиционных описаний исследователей тюркских языков⁵. Мы попытаемся на материале алтайского языка описать данный член предложения в структурно-семантическом плане.

Рассмотрим подробнее намеченные выше структурные типы именных сказуемых, выделяемые по признаку "грамматическая при-

рода именного компонента".

1. Именным компонентом - имя существительное, координированное с подлежащим в форме неопределенного падежа, такое сказуемое указывает на различные типы признаков подлежащего:

А. Подлежащему дается нейтральная характеристика:

1) В предложениях, где подлежащее характеризуется как единичное в его отношении к общему по профессии, родству, полу и т.д. Например: Карман - шофер 'Карман - шофер'; Маныр эдем болор 'Маныр является моей старшей сестрой'; Сапыштын калганчы балазы - кыс 'Последний ребенок Сапыша - девочка'.

2) Предложения, где подлежащее характеризуется как частное в отношении к общему, например: Карагай - агаш 'Сосна - дерево'; Арба - ол аш. Күскиде оны бойынны ойинде Туур керек 'Ячмень - это хлеб. Осенью его нужно убирать в свое время'.

3) В предложениях, выражающих тождество двух обозначений (представлений) одного предмета или множества предметов, например: Лазарь Кокышев - баштапкы алтай тилле бичиген романнын авторы 'Лазарь Кокышев - автор первого романа, написанного на алтайском языке'; Горно-Алтайск - бистин областтын сок жааныс города 'Горно-Алтайск - единственный город в нашей области'.

Б. Подлежащему дается оценочная характеристика:

1) Предложения, в которых осуществляется квалифицирующая характеристика субъекта, вскрывается его сущность, например: Күүк ай - алтай кикинин озок-буурына эн ылу ла кару ай (БУ, Т, 78) 'Май месяц - сердцу (букв. нутру) алтайца самый теплый и милый месяц'; Тил - ол кикинин ич байлыгы ла тыш кебери 'Язык - это внутреннее богатство и внешний облик человека'; Эмдиги ой - бүдүмүнин, бек налылыктын ойи (АА, А, 89) 'Настоящее время - время доверия, крепкой дружбы'; Кики бүткүл Гердин үстиде - ээ. Онын Үрүми - үргүлуге Тапшы ла чындик учун тартыш (ПС, А-М, 5) 'Человек на земле - хозяин. Его жизнь - вечная борьба за свободу и правду'.

2) Предложения, содержащие метафорическую характеристику или оценку субъекта: сказуемое в них совмещает в себе предметное и оценочное значение. В качестве основного компонента выступает слово с собственно-оценочным значением, но оно может

иметь при себе одно или несколько параллельно или последовательно подчиненных ему слов, без которых не способно передать основного содержания сказуемого, например: Майну – Ыламышын Ёит тузы, онун кыс Ыруминин ачу сызы (БУ) 'Майну – молодость Ыламыш, щемлящая боль ее девичьей жизни'; Ыкшы сѳс – Ырым ат (Кеп сѳс) 'Хорошее слово – пол-коня'.

В алтайском языке одна из семантических особенностей именного сказуемого состоит в том, что в качестве его главного компонента употребляются сочетания имени существительного с усилительными словами бастыра, тен, торт, выступающими в распространительном значении 'сплошь', 'весь', 'исключительно'. Такие сказуемые представляют признак предмета, названного подлежащим, через предмет, с которым он как бы отождествляется полностью, во всех своих частях, без каких-либо изъятий, например: Ызи бастыра кѳб 'Его лицо всё в саже (букв. лицо его целиком (одна) сажа)'; или же признак описывается через предмет, полностью заполняющий, охватывающий предмет-подлежащее, например: Содон-Таш кобызы бастыра кар 'Лог Содон-Таш весь в снегу (букв. Лог Содон-Таш целиком снег)'. Аналогическая семантическая особенность именного сказуемого в нанайском языке была отмечена В.А. Аврориным⁶.

3) Предложения, в которых предмет, названный подлежащим, метафорически отождествляется с кем, чем-либо, идентифицируется с другим предметом, заведомо ему не тождественным. Такое отождествление понимается лишь как образная характеристика, как установление черт сходства, подобия, например: Ыа ланда кѳнкелди деп чечектер кызыл ѳрт 'На поляне огоньки – (как) красное зарево'; Мында балдардын кѳбин кижы кайкаар... Бис тен чымалылар (БУ, С, 150) 'Удивись множеству здесь детей... Мы – совсем (как) муравьи'. К этому же типу мы относим предложения, в которых действительное тождество предмета самому себе метафорически отрицается: Ык эткен агаштары, тѳрген агынду суулары Ыгынан Алтай – Алтай эмес 'Без густо заросших лесов, без рек с быстрым течением Алтай – не Алтай'; Ыайбак сагалы Ыгынан Попов – Попов эмес 'Без густой бороды Попов – не Попов'.

2. Именной компонент составного сказуемого – имя прилагательное. Такое сказуемое указывает на отношение между предме-

том и его предикативным признаком – свойством и качеством. Прилагательное в роли главного компонента именного сказуемого характеризует подлежащее, в частности, по непосредственно наблюдаемым признакам: по цвету: Ызѳктин ичи бол ло боро (БУ, ЭТ, 60) 'Внутренность лога серая-пресерая'; по величине: Бѳрѳк Ыаан болгон 'Шапка была большой'; или по другим признакам: А бистин албаты иштейкей (ІК, ОІ, 106) 'А наш народ трудолюбивый'; Онун учун /ол Ыердин улустары/ да бекем, капшуун (КТ, КІ, 139) 'Поэтому люди /этих мест/ крепкие, ловкие'.

В качестве именной части составного именного сказуемого часто выступают относительные прилагательные с аффиксом обладания –лу, например: Онун Ыайкал керегинде курч бичимелдери Ыарду (Э-А, 1987, І) 'Его критические статьи о Байкале везде известны'; Бистин партийний организация кѳчтѳ (ІК, ОІ, 106) 'Наша партийная организация сильна'; Адар болзогор, адыгар. Албаты бастыра мында буруду эмес (КТ, КІ, 64) 'Если хотите стрелять, стреляйте. Весь народ здесь не виновен'.

Относительные прилагательные типа Ыашту (Ыаш 'лет'), сынду (сын 'рост'), чырайлу (чырай 'лицо') и т.д. обязательно принимают уточнители, в сочетании с которыми они приобретают способность характеризовать подлежащее в возрастном и количественном отношении. Например: Уулчак он Ыашту 'Мальчик в возрасте десяти лет'; Менин эжем бийик сынду болгон 'Мой дед был высокого роста (букв. Мой дед был высоким /букв. человеком, имеющим высокий рост)'.

В вышеприведенных предложениях нерасчлененные словосочетания, образовавшиеся на другом синтаксическом уровне, выступают в роли именной части сказуемого как единое целое. Сказуемое с такими лексическими компонентами не следует рассматривать как трехкомпонентное сложное сказуемое.

3. Именной компонент сказуемого может быть выражен наречием. В этой роли обычно выступают наречия места. Наречие места обозначает местопребывание предмета, названного подлежащим, и его расположение в пространстве, например: Ол кере ту-жине мында 'Он целый день здесь'; Аянанын энези тышкары (А-К, 1978) 'Мать Аяны на улице'.

В редких случаях в этой же функции могут выступать наре-

чия образа действия, концентрирующие в себе признак опущенного компонента именного сказуемого – имени прилагательного, например: Изу тен өткүре 'Жара уж чересчур' (ср. Изу тен өткүре тын 'Жара уж чересчур сильна'); Калганчы ойлоодо су-кадыгым тен кетире. Те эди-каным эм устине тынгалак (БУ, С, 176) 'В последнее время здоровье мое ничего себе. Но организм пока что еще не окреп'; Салымнын Лузи ле судурум Таба (ББ) 'Лик судьбы и моя священная книга – едины (букв. вместе)'.
 В аналогичных функциях выступают и формы существительных в косвенных падежах с обстоятельственной семантикой, а также и существительное в сочетании с послелогами:

1) Именной компонент сказуемого, выраженный именем существительным в пространственных падежах, характеризует динамическое состояние подлежащего: а) существительное в дательном-направительном падеже обозначает признак как предназначенность: Эт – айылчыларга 'Мясо – гостям'; Коп акча-кирелте андардан, уйлардан, адару-дан кирип турган. Кой – Лу к ле курсакка (ИК, УСА, 10) 'Много денег-доходов поступает от маралов, коров и пчел. Овцы – только для еды'; б) в форме местного падежа дается характеристика по месту: Ийттер бууда 'Собаки на привязи'; Бис сары таннан ала кызыл энйрге кетире мында Галанда. А сен десе Горголу Гортор (ЧА, II, 36) 'Мы с утренней зари до вечерних сумерек здесь в поле: А ты на иноходе катаешься'. Этот же падеж передает, в каком состоянии находится субъект: Кара да мыда (ТШ, БЭИ, 25) 'И Кара плачет (букв. в плаче)'; Бис ойто ло сыр каткыда (БУ, Т, 57) 'Мы снова в хохоте'; Бу ойдо Ганыс ла чымалылар коркышту тын шакпытта, туймеенде (КТ, КИ, 57) 'В это время лишь муравьи в очень бурном движении, волнении'; в) в форме исходного падежа дается характеристика по месту, из которого появляется, происходит предмет, названный подлежащим: Письмо – адамнан 'Письмо – от отца'; по материалу, из которого сделан предмет: Менин Густугим алтыннан 'Мое кольцо из золота'. При указании на происхождение субъекта или на его выход из соответствующей среды главный компонент именного сказуемого также ставится в исходном падеже: Алдырбас олордын угынан 'Алдырбас из их рода'; А не деп база? Уйи

качкындардан да, тонокчылардан да (КТ, КИ, 317) 'А что тут скажешь? Его жена из (рода) дезертиров и грабителей'.

2) Составное сказуемое, именная часть которого выражена существительным в сопровождении служебного имени с показателями местного падежа, характеризует подлежащее прежде всего по месту его нахождения: Луу одуп ле Гат. Бистин батарея де-ремнинин Ганында 'Идет бой. Наша батарея (находится) около деревни'. Служебное имя требует от существительного родительного падежа, само стоит в дательном. Ср. также существительное с послелогом в этой же функции: А бистин СалГар Гурт Гаан Голдордон туура (БУ, Т, 101) 'А наше село Салдар (находится) в стороне от больших дорог'. Тут послелог управляет исходным падежом, а сам не имеет падежного показателя; б) по количеству: Бу-у, солундар баштан ажыра (ИК, А10, 31) 'Пу-у, новостей выше головы'.

4. Знаменательный компонент именного составного сказуемого может быть выражена именем числительным, предикцирующим предмету-подлежащему определенно-количественный признак. Например: Уч катап эки – алты 'Трижды два – шесть'; Гаман кижинин буды – сегис (Кеп сдс) 'У плохого человека ног – восемь'; Атту келген улус Лу к ле учу 'Верхом приехавших людей – трое'.

Неопределенно-количественные числительные коп 'много', ас 'мало' нередко обозначают избыточность и недостаточность, например: Детсадтын башкараачызы айтты: "Бисте балдар коп. Онын учун быыл слердин балаарды алар аргабыс Гок" 'Заведующая садом сказала: "У нас детей много. Поэтому у нас нет возможностей в этом году принять вашего ребенка"; Улайга ла Гааштар болгон, онду кун болбогон. Онын учун быыл помидор ас 'Беспрерывно были дожди, не было хорошей погоды. Поэтому нынче помидоров мало'. Возможны, однако, и такие употребления этих форм когда значение избыточности или недостаточности отсутствует. Например: Быыл томонок ас болгон 'В этом году комаров было мало'; Башкы Гылда кызылгат бистин Герде коп болгон 'В прошлом году в наших местах красной смородины было много'.

5. В роли именного компонента выступают также имена наlicия и отсутствия – бар и Гок. Как и другие именныe формы, они могут употребляться в настоящем времени без служебного глаго-

льного компонента; в прошедшем и будущем времени они употребляются в сочетании с вспомогательными глаголами бол- и э-: Мынды армачы Ымжайларда бар, Гайтыктарда бар (ЛК, АК) 'Такой аркан есть в семье Ымжая, есть в семье Дайтыка'; Энемнин кизини суркуражында эн ле Гырк санаа бар (БС) 'В блеске глаз моей матери есть самая светлая мысль'; Малчыларда мылтык ток. Малга казыр ан табарза, та агашла соготон, та арга токто удур тукуртетен (БУ, Т, 122) 'У пастухов нет винтовки. Если нападет хищный зверь, то ли палкой бить, то ли, раз другого выхода нет, плевками отгонять'.

6. В качестве знаменательного компонента именного сказуемого могут выступать почти все местоимения, хотя частота их появления в этой роли неодинакова. Свободнее других принимают на себя эту функцию определительные и вопросительные местоимения, например: Уулчактары база анды (УС, ОI, 73) 'Его сыновья тоже такие'; Бистер ненин учун мынды? (КТ, КI, 148) 'Почему мы такие?'; Сен кем? 'Ты кто?'. Употребление личного или указательного местоимения в роли сказуемого указывает на то, что на сказуемое падает логический акцент выделительного характера, например: Албаты-Юнды унчуктырбайтан ачап танмалар антарылган. Эмди туулардын ээзи - бис! (СС, ТЭ) 'Жадные богачи, угнетавшие народ, свергнуты! Теперь хозяева гор - мы!'; Адагнан арткан неме - Ганис ла ол! (ЛК) 'Единственное, что осталось от твоего отца - только это'.

Звукоподражательные слова, передающие представление о действии, в роли именного сказуемого выступают редко. Например: Ге бат уруктор божогон... Бис капшай ла эжик Гаар бурт ла (БУ, Т, 104) 'Ну вот уроки кончились... Мы быстро шмыг в дверь'; Чалгыз Ганис ла шыйт, шыйт (ИК, УСА, 3) 'Его литовка только - вжик, вжик'; Бир кой олтурип ийзен, Гус Гамы Геде конор. А Гылытсан... Мойнына кыч ла (ИК, К, II6) 'Забьешь одну овцу - появятся сто должностных лиц. А потеряешь... Шлепнут по шее (букв. по твоей шее - шлеп)'.

Особо хочется остановиться на использовании в роли знаменательного компонента именного сказуемого форм, связанных с

изафетной конструкцией. Наш материал позволяет говорить о трех случаях (типах) использования этих форм:

1. Структуру предложения может передавать "перевернутый" или "обращенный" изафет. В этом случае сказуемое выражается именем в родительном падеже, которое характеризует подлежащее по его соотносительности с кем, чем-либо по принадлежности: Маска - кузнецтин 'Молоток - кузнеца (ср. кузнецтин масказы)'; Кармак - балыкчылардын 'Удочка - рыбаков'; Бу сырга менин 'Эти серьги мои'. Разновидностью этой конструкции можно считать использование в роли именного компонента сказуемого местоименной формы типа менийи, которую можно назвать лично-притяжательным местоимением I л. ед. ч.: Бу сырга менийи 'Эти серьги (именно) мои, (не чьи-либо)' (ср. формы других лиц: сенийи, бистийи, олоордуйи и т.д.). Эти формы употребляются тогда, когда факт принадлежности предмета субъекту специально подчеркивается. В произносимом предложении формы типа менийи интонационно выделяются.

2. В роли именного сказуемого может выступать изафетная конструкция как целое. В этом случае ее 2-й член выражает значения лица и числа, но не подлежащего, а другого слова, тоже входящего в состав именного сказуемого, например: Балдар - кижинин байдыгы 'Дети - богатство человека'; Бу - тапту туннин белгези 'Это - примета сгустившейся ночи'; Кадын - Алтайдын эринеэзи 'Катунь - жемчужина Алтая'.

В роли именного компонента составного сказуемого могут выступать имена существительные в лично-притяжательной форме и без личных местоимений: Бу кижик адам болор. Данное предложение в зависимости от контекста может иметь три разные значения: 'Этот человек есть мой отец', или 'Этот человек моим отцом будет', или 'Этот человек, наверное, мой отец'.

3. Именным компонентом сказуемого может быть устойчивая изафетная конструкция, представляющая собой сочетание имени существительного в родительном падеже с возвратным местоимением бойы 'сам'. Такие предложения бывают построенные по структурной схеме ($N_1 \leftrightarrow N_2$ бойы (связка)). Модель именной части сказуемого представляет собой "изафет III"; но значение, передаваемое этим способом, имеет метафорический характер. Примеры: Бу ка-

йа-таштагы маралды көрзөөр. Тен, чын ла, кызыл Галбыш өрттин ле бойы ине (КТ, КІ, 217) 'Смотрите же маральник на этих скалах. Да ведь как само огненно-красное пламя'; Акыр, мен оны ат алзам, муузин чакыга кадап салагам. Те /ол/ тен Iеткердин бойы... (КТ, КІ, 42) 'Погоди, если застрелю, его рога прикреплю к коновязи. Но /он/ сама опасность'; Тарбагандардын кезиги айдары Iок тын чыңырап. Олордын чыңырыжы, ыйы тен баланын ла бойы (БУ, Т, 126) 'Некоторые из сурков очень сильно визжат. /Их/ визжание, плач совсем как плач ребенка (букв. как сам ребенок)'. В последнем предложении, в отличие от предыдущих, бойы играет заместительную роль. Как видно из этих примеров, предложениями с именным сказуемым этого типа выражаются метафорические, образные сравнения.

Возвратное местоимение в заместительной позиции, сочетаясь с именем в местном падеже, конкретизирует местонахождение подлежащего в настоящий момент, например: Мен ол ло койдо бойым. Айса болзо, келер Iылдан ары өскө кандый бир Iерге барып иштейин бе кандый (КТ, КІ, 114) 'Я до сих пор при овцах (являюсь чабаном). Быть может, с будущего года пойти работать на какое-либо другое место, что ли'; Сарлай ол ло болчок туразында бойы 'Сарлай до сего времени в той же маленькой избушке. Эти предложения интересны тем, что в них нет никакой необходимости употреблять глаголы: их значения выражаются самой схемой (моделью) предложения, а временной план имплицитно представлен в сказуемых. Такие предложения строятся по модели: $N_i \leftrightarrow N_{//6}$ бойы. В ней нет позиции связи: эти фразы не могут быть ни в будущем, ни в прошедшем временах. Если включить глагол в одном из временных форм, то получим предложение, реализующее совершенно другую модель.

Итак, мы рассмотрели основные типы именных сказуемых, выделяемые на основании грамматических характеристик именного компонента. Но для полной характеристики этого типа сказуемых важны и особенности второго, глагольного компонента. С этой точки зрения следует различать собственно связочные глаголы, бол-, э-, которые присутствуют эксплицитно или имплицитно почти во всех рассмотренных типах сказуемых (кроме одной модели) и глаголы, совмещающие синтаксическую функцию связи с выражением собственного лексического значения.

Остановимся теперь на именных сказуемых с знаменательным

глаголом в функции связи. В этом качестве в составе именного сказуемого могут выступать глаголы с конкретным значением, обладающие способностью присоединять к себе качественные и относительные прилагательные. Это преимущественно глаголы со значением движения или пребывания в определенном состоянии: Эртен тура кыс көрүп Iүрген уул колонун бедреп, уйатка түже, маңдайы кызарып, кижі Iок, куру атанатан болгон (ЛК, АК, 12) 'Приехавший посмотреть девушку парень, утром отыскивая подпруги своего седла, опозорившись, краснея, бывало отправлялся домой пустым, без девушки'; Iажын чакка өңи өңбос Iажыл кара мош аркалар баатыр туулардын мандык-торко тоны болуп өңжүк Iаттылар (ЭП, А) 'Склоны гор с не меняющимися в веках темно-зелеными кедрями, являясь парчово-шелковой шубой богатырских гор, расположены красиво'. Относительные прилагательные с аффиксом -ту, в свою очередь, могут присоединять к себе зависимые слова: Мен иш эткем. Мен, олор чылап, Iарым тынду Iүргөм (ЭП, А, 164) 'Я работал. Я, как они, вялым не ходил (Iарым тынду - букв. половину жизни имеющий, полу-живой); Бу сөсти ол көп уй улустын оозынан угатан, Iе Арина оны бир де сананбайтан болгон. Эмди десе бу сөс ого кандый өскө учурду Iарталды (ЛК, АК, 14) 'Это слово она слышала из уст многих женщин, но Арина над ним ни разу не задумывалась. Теперь это слово стало ясным ей в каком-то другом значении'.

Данный тип именного сказуемого может выступать также с знаменательными связками - глаголами билди- 'казаться', бодол- 'считаться', көрүн- 'показаться', образованными от глаголов бил- 'знать', бодо- 'считать', решать', көр- 'видеть'. Данные глаголы, принимая залоговые аффиксы, в какой-то мере меняют и свою первоначальную семантику, и роль в структуре предложения. Они берут на себя функцию полужнаменательной глагольной связи в составе именного сказуемого и вносят в значение предположения модальную семантику кажимости, сомнения. Состояние субъекта, качество предмета или окружающей среды характеризуются через призму субъективного восприятия говорящего. Знаменательные связки-глаголы билдирген, бодолгон, көрүнгөн обычно выступают в сочетании:

1) с именами прилагательными: Карган өбөгөннүн тыш бүдү-

ми пак ла энди кату ла соок билдирген (БУ, С, 24) 'Внешний вид старика теперь казался твердым и холодным'; Отурган улуска бу ончозы сүрекей солун көрүндү (ЭП, А, 160) 'Сидящим людям все это казалось очень любопытным'; Айландыра не-неме ончозы ыду ла ыжжак билдирет (КТ, КИ, 149) 'Кругом все это казалось теплым и мягким';

2) с именами, имеющими сравнительный аффикс -дый и сравнительный показатель кептү: Ырум учы-куйузы Токтый билдирген эди (КТ, КИ, 132) 'Жизнь тогда казалась бескрайней (букв. казалось, как будто нет конца-края)'; А баптап тарыйын бу ончозы ла не де эместий билдирген (КТ, КИ, 50) 'А сперва все это казалось как будто ничего не стоящим'; Торт онылдык биске бүгүн Луу-чактын торт Ылындый бодолот (Э-И, I, 85) 'Четыре десятилетия нам кажутся сегодня четырьмя годами войны-разорений'; Бистин кажыбыс ла бу Ырумде тозын кептү билдирет (КТ, КИ, 6) 'Каждый из нас в этой жизни казался пылинкой'.

Именные сказуемые могут осложняться модальными оттенками, передаваемыми с помощью специальных вспомогательных компонентов.

Говорящий, сообщая о чем-то в форме именного сказуемого, может усложнять его модальными оттенками, присоединять к нему целую цепь вспомогательных глаголов и модальных предикатов, вносящих в высказывание то или иное субъективное отношение. В этом отношении в языке соблюдается определенная закономерность: вспомогательные глаголы, вносящие в предложение модальный оттенок, и модальные предикаты, присоединяются к вещественной части именного сказуемого. Именная часть составного сказуемого может в свою очередь, состоять из нескольких компонентов. Такие сочетания разнообразны и по структуре, и по семантическим особенностям. Глагольная связка бол- в этом случае выступает в причастной или деепричастной форме.

1) Именные сказуемые могут быть осложнены модальными предикатами керек, учурду, аргалу, айабас и вспомогательным глаголом тур- и др. Например: Кики бойи кудай эмезе калапту ойдо эрлик те болор керек (КТ, КИ, 95) 'Человек сам должен быть богом или в трудное время эрликом'; Јакшы кики пайет болор учурду-деп айтты (БУ, Т, 169) 'Хороший человек должен быть

поэтом" - сказал он'; формула сказуемого здесь - N болор керек/учурду. Онын куучыны чын болуп айабас 'Его рассказ, возможно, и правда'. Здесь другая формула - Adj болуп айабас; ср.: Онын куучыны чын 'Его рассказ-правда'; Арина энезинен камаанду болбоско турган (ЛК, АК, 41) 'Арина не хотела быть зависимой от своей свекрови'. Модель этого сказуемого - N_{-ly} болбоско турган. Ср.: Арина кайын энезинен камаанду 'Арина зависима от свекрови' (модель N Adj + связка).

2) Главный компонент именного сказуемого в сочетании с бол- в деепричастной форме болуп может присоединять к себе разные глагольные формы, модальные предикаты и частицы. Вещественная часть именного сказуемого характеризует подлежащее, указывая, кем или чем становится названный им предмет или субъект: все последующие компоненты указывают временную соотношенность и модальные оттенки именного сказуемого, напр. мер: Кижинин Јаман сарбаазы Тем болуп калбазын 'Моя двухгодовалая лошадка как бы не стала добычей (волков)'; Мен онон ло бери эмдиге Јетире та кандый да унчукпас болуп калдым ошжом (КИ, КИ, 186) 'Я с тех пор до сего времени, оказывается, стала какой-то молчаливой'; Айабас чек эр кики болуп калган турбай кайтты (КТ, КИ, 70) 'Айабас ведь, оказывается, стал совсем мужчиной'.

Мы рассмотрели все типы именного сказуемого алтайского языка, которые удалось выявить на основе собранного нами материала. Поскольку предлагаемое описание является первой попыткой исследования в этом направлении, естественно, какие-то формы, относительно редкие, могли остаться неучтенными в этой работе. Однако мы надеемся, что все основные, регулярно употребляемые, и многие относительно редкие получили здесь отражение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный татарский литературный язык. Синтаксис. М., 1971; Балакаев М.Б. Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959; Грамматика хакасского языка. М., 1975 и др.
2. Пюрбеев Р.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1977; Бортагаев Т.А., Иллендамбаев П.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962; Авродин В.А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л., 1981 и др.
3. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литера-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА, А - А.Адаров. Амаду. Горно-Алтайск, 1970.
 А-К - "Туунти" "Алтын-Көл". Горно-Алтайск, 1978.
 ИК, АГО - И.Камничин. Айлыс Гайлыс оздот. Горно-Алтайск, 1984.
 ИК, К - И.Камничин. Қойчылар. Горно-Алтайск, 1982.
 ИК, УСА - И.Камничин. Уч сүмер алдында. Горно-Алтайск, 1986.
 КТ, КГ - К.Толосов. Кадмн Гаскыда. Горно-Алтайск, 1985.
 КТ, КГ - К.Толосов. Кадмн Гаскыда. Экинчи бөлүк. Горно-Алтайск, 1987.
 ЛК, АК - Л.Кокмешев. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
 ПК, ТАП - П.Кучик, Талдап алган произведениялар. Горно-Алтайск, 1953.
 ТН, БЭИ - Т.Шинкин. Ырыс экелген икем. Горно-Алтайск, 1986.
 УС, ГО - У.Салыков. Гайгы одуда. Горно-Алтайск, 1984.
 ЭП, А - Э.Палкин. Алан. Горно-Алтайск, 1979.

СВЯЗКИ КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ПОЗИЦИИ ГОВОРЯЩЕГО В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Споры о содержании категории предикативности в русском простом предложении, принявшие наиболее острую форму в семидесятые годы¹, не потеряли своей актуальности². Наше внимание привлекает тот аспект в разном понимании предикативности, который представлен определением В.В.Виноградова, с одной стороны: "Предикативность - т.е. совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности"³ и высказыванием Н.Д.Шведовой, с другой стороны: "С абстрактным временным планом и абстрактным планом реальности/ирреальности сообщение соотносит не говорящий, а те собственно грамматические категории, которые принадлежат предложению как грамматической единице. ...Отношение говорящего к высказыванию принадлежит не предложению как собственно грамматической организации, а конкретной "единице речи", конкретному высказыванию, причем принадлежит не всегда. Поэтому оно и не может вводиться в число категорий, формирующих предикативность"⁴.

В соответствии с трактовкой Н.Д.Шведовой, предикативность предложения складывается из значений реальности/ирреальности и времени, выраженных грамматически, то есть формами глагола или синтаксическими частицами⁵.

Есть основания предполагать, что отношение говорящего к высказыванию существенно влияет на формирование предикативного значения предложения, во-первых; предикативное значение, состоящее из значений реальности/ирреальности и актуальности/неактуальности, может быть выражено не только грамматическими средствами языка, во-вторых.

Сравним два предложения: 1. Место тут степное, ровное, кажется почти глухим... (Вунин. Веселый двор); 2. Из военных гостей я больше всего любил сначала Льва Николаевича Энгельгардта: по своему росту и дородству он казался богатырем и к тому же он был хорош собою (Аксаков. Детские годы Багрова-внука.).

Первое предложение - простое, второе - сложное, в нем нас интересуют две последних предикативных части: два разных имен-

ных сказуемых связаны с двумя подлежащими, называющими один и тот же носитель признака. Первое предложение отличается от этих двух предикативных частей только тем, что носитель признаков, названных разными именными сказуемыми, обозначен одним подлежащим. Возможность сопоставлений некоторых предложений с однородными именными сказуемыми со сложными, а также возможность трансформации предложений с однородными именными сказуемыми в сложные заставляет предположить наличие в некоторых предложениях с однородными именными сказуемыми нескольких предикативных значений. И далеко не всегда предложения, сопоставимые со сложными и трансформируемые в сложные, содержат связи в разных грамматических формах. Скажем, в первом предложении обе связи – связь быть в нулевой форме и связь кажется – выражают одно и то же объективно-модальное значение, так как использованы эти связи в одинаковых формах наклонения. Различаются связи своими лексическими значениями. По мнению П.А.Леканта, "лексическое значение глагола-связки, заключенное в его основе, ... служит для передачи модальной оценки отношения признака к субъекту"⁶. То есть, с помощью связи быть связь двух признаков с субъектом оценивается как объективно существующая, а с помощью связи казаться связь третьего признака с тем же субъектом оценивается как мнимая, кажущаяся, нереальная. Существенно то, что П.А.Лекант полагает, что "оценка отношения признака и субъекта ... дается с точки зрения говорящего"⁷.

В соответствии со шведовской трактовкой категории предикативности, "отношение говорящего к сообщаемому присутствует не во всяком высказывании: говорящий может никак не выражать своего отношения к сообщению"⁸. Поэтому средства выражения отношения говорящего к сообщаемому, названного Н.Д.Шведовой "субъективной модальностью", выведены за пределы средств выражения предикативных значений.

Достижения мировой лингвистики, связанные с разработкой "антропоцентрической" концепции языка, показывают (и это отражено в современных советских синтаксических исследованиях), что "любая синтаксическая конструкция предложения, отражая обобщенно ситуацию, должна отражать и позицию говорящего по отношению к этой ситуации"⁹. По-видимому, глаголы-связки с модально-оценочным значением – одно из средств отражения позиции говорящего

в предложении. Н.Д.Шведова не отмечает эту группу слов при описании средств выражения значений субъективной модальности¹⁰. Сопоставление модально-оценочных глаголов с другими средствами выражения субъективно-модальных значений, например, вводными словами, показывает, что связи выражают примерно тот же круг значений, который назван Н.Д.Шведовой субъективной модальностью: значение достоверности/недостоверности существования связи между признаками и носителем может выражаться связками казаться, представляться, выглядеть; являться, служить, выступать и вводными словами наверное, надеюсь, думаю, полагаю, кажется, вероятно...; без сомнения, конечно, само собой, разумеется, бесспорно; значение соответствия связи чему-либо представлению может быть выражено связками считаться, слыть, признаваться, приниматься и вводными словами по слухам, слышно, по мнению, как говорят и др.¹¹.

Н.С.Степанов, давая свою классификацию "полусвязочных глаголов-предикатов", предлагает включить эти глаголы в число средств выражения модальных значений в предложении и приводит следующие аргументы: "фазовые глаголы делается, остается, становится и т.п. означают "продолжение", "становление" с точки зрения какого-либо наблюдателя извне, а не субъекта высказывания. Таким наблюдателем ... выступает субъект говорения – говорящий, и таким образом фазовые глаголы оказываются одним из проявлений категории модальности"¹².

Наблюдения над функционированием связок в предложениях с однородными именными сказуемыми показали, что часть этих связок, как раз те, которые Н.С.Степанов называет "фазовыми", т.е. глаголы стать, становиться, делаться, сделаться, существенно отличаются от глаголов казаться, представляться, выглядеть и др. В "фазовых" глаголах на первый план выступает не модально-оценочная семантика реальности/ирреальности, а временная оценка связи признаков с носителем с точки зрения актуальности/неактуальности. Например, в предложении с однородными именными сказуемыми: Ф.А.Бакунин до 1938 года прослужил командиром полка, был потом стремительно выдвинут и в течение года стал командиром корпуса (Симонов. Разные дни войны); в цепочке простых предложений, где подлежащие называют один и тот же носитель признаков: Через несколько дней ольха зацветет. Видите эти сережки? Они скрючены и смотрят кто куда. Потом они сдела-

ются золотыми, большими и все тяжело повиснут среди мокрых коричневых ветвей (Солоухин. На лыжне). Способность названных глаголов выражать именно временные отношения отражается и в том, что в предложениях с "фазовыми" связками часто присутствуют те детерминанты. Например: Когда-то Бриан был социалистом и дружил с Раппопортом, потом предал свою партию и стал ре-негатом (Катаев. Маленькая железная дверь в стене).

Таким образом, глаголы-связки, выступающие в предложениях с именными сказуемыми, можно разделить на две группы: глаголы с модально-оценочным значением и глаголы с временным, или темпоральным, значением. Модально-оценочные связки отличаются тем, что с их помощью говорящий оценивает связь признака и субъекта как реальную/ирреальную; темпоральные связки используются говорящим для определения актуальности/неактуальности связи между признаком и носителем. Кроме того, модально-оценочные связки взаимодействуют в предложении с вводными словами, частицами, детерминантами с субъектным значением, а темпоральные связки - с другими средствами отражения позиции говорящего - с детерминантами с пространственным и временным значением. Например: Как хотите, но он только считается дураком, а по-моему, даже очень умен (Салтыков-Щедрин. Переписка); Все эти теории с первого взгляда кажутся верными, а со второго взгляда - все они неправильные (Катаев. Кубик); Важнейший аспект творческой индивидуальности Иванова - присущее ему отношение к языку - выступает в принципе стабильным и почти статичным (Аверинцев. Вячеслав Иванов); В крепости образ Дуни был отчетлив и ясен, в Сибири он стал смутным (Тынянов. Кухля).

Указанные способы употребления средств выражения позиции говорящего в предложениях с однородными именными сказуемыми не являются правилом. В таких предложениях возможно смешение средств, выражающих значение реальности/ирреальности и актуальности/неактуальности. Тем не менее, тяготение средств, выражающих одно из этих предикативных значений, друг к другу в указанных предложениях имеет место.

Разграничение связок, используемых в предложениях с именными сказуемыми, на модально-оценочные и темпоральные позволяет яснее определить, как взаимодействуют разные средства отражения позиции говорящего. Кроме того, это разграничение позволяет не-

сколько сузить необоснованно широкий круг значений, относимых современными исследователями к модальным. Например, П.А. Ле-кант и Д.С. Степанов полагают, что модальные значения выражают глаголы делаться, становиться, стать; Н.Е. Сулименко к числу слов с субъективно-модальным значением относит слова вдруг, выше, прочь¹³; Г.Я. Солганик к числу средств выражения значений субъективной модальности относит "главное, центральное средство, объединяющее и определяющее все остальные - местоимение я"¹⁴.

Бесспорно, что слова делаться, становиться, выше, я способны отражать позицию говорящего в предложении: "акт речи содержит три координаты - "я" - "здесь" - "сейчас"¹⁵, где "здесь" и "сейчас" ограничивают непосредственно данные место и время, тождественные по положению в пространстве и времени с речевым актом, содержащим "я"¹⁶.

Идея о поляризации модальных значений в предложении, высказанная В.В. Виноградовым¹⁷, активно поддержанная Н.Д. Шведовой и представленная ею как противопоставление объективной и субъективной модальности, воспринимается современными исследователями как разграничение "объективной, предметной информации... и отношения говорящего к этой информации"¹⁸. Поэтому все средства отражения позиции говорящего воспринимаются сейчас как средства выражения субъективно-модальных значений. Но отражение позиции говорящего не есть обязательно выражение субъективно-модального значения, более того - это не всегда выражение модального значения. Разграничение же объективной и субъективной модальности, принятое в современном синтаксисе, противоречит, как нам кажется, тому пониманию предикативности, которое предложено В.В. Виноградовым и поддерживается данными современных исследований.

Решение указанных противоречий - неразграничение модальных и немодальных, предикативных и непредикативных значений в системе значений, создающих позицию говорящего в предложении, а также средств выражения этих значений - связано, как нам кажется, с разработкой понятия "персонализации", предложенного С.Г. Ильенко, для которой "персонализация - вторая важнейшая сторона предикативности; ... отражение в высказывании позиции говорящего лица или непосредственно (путем употребления собственных

личных местоимений или глагольных форм), или опосредованно (путем модально-временных средств)*19.

Модально-оценочные и темпоральные связи помогают говорящему по-разному оценить связь между признаками и их носителем с точки зрения реальности/ирреальности и актуальности/неактуальности, следовательно, их можно признать модально-временными, то есть предикативными средствами отражения позиции говорящего в предложении, независимо от формы времени и наклонения.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Шведова Н.Ю. Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? // Рус. яз. за рубежом. - 1971. - № 4; Золотова Г.А. К понятию предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. - Л., 1975; Ильенко С.Г. Персонализация как важная сторона категории предикативности // Там же.

2. См., например: Черемисина М.И. Моносубъектная конструкция. Понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база (на материале сибирских и европейских языков). - Новосибирск, 1980; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М., 1982.

3. Виноградов В.В. Введение в синтаксис // Грамматика русского языка. - М., 1954. - Т. II, ч. I. - С. 76.

4. Шведова Н.Ю. Указ. соч., с. 53-54.

5. Русская грамматика // Под ред. Н.Ю.Шведовой. - М., 1980. - Т. II. Синтаксис. - С. 86.

6. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. - М., 1976. - С. 88.

7. Там же, с. 90.

8. Русская грамматика, с. 215.

9. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст / Под ред. Н.Ю.Шведовой. - М., 1981. - С. 178.

10. Русская грамматика, с. 214-237.

11. Значения глаголов-связок выявлены А.В.Филипповым: Филиппов А.В. Функции и разряды глаголов-связок в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1970. - С. 15-17; значения вводных слов описаны Н.Ю.Шведовой: Русская

грамматика. - С. 230.

12. Степанов Д.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семантическая грамматика. - М., 1981. - С. 246.

13. Сулименко Н.Е. Типы лексических значений признаков слов в современном русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. - Л., 1983.

14. Солганик Г.Я. К проблеме модальности..., с. 177.

15. Степанов Д.С. Основы общего языкознания. - М., 1975. - С. 139.

16. Бенвенист Э. Природа местоимений // Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974. - С. 287.

17. Виноградов В.В. О модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. - М.: Наука. - 1975. - С. 67.

18. Солганик Г.Я. Указ. соч., с. 177.

19. Ильенко С.Г. Указ. соч., с. 156.

КОРРЕЛЯЦИЯ ГЛАВНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКЕ

(в аспекте именного типа предикации)

Особое место маньчжурского языка среди других языков алтайской типологической общности обусловлено наличием в нем ряда характеристик, присущих языкам изолирующего типа и прежде всего, в силу объективных обстоятельств, — китайского.

Обращение к материалу таких языков, как китайский и маньчжурский, вскрывает особую роль именного типа предикации в их грамматических (синтаксических) структурах, который, обладая специфическими формами выражения, обслуживает высказывания (предложения) вполне определенной семантики.

В плане выражения для китайского языка характерно наличие особой универсальной связки 是 *shì*, которая в именном сказуемом выполняет роль актуализатора признака. Эта связка, неглагольную природу которой подчеркивают некоторые исследователи, обладает модальным значением утвердительности, наряду с именем (либо просубстантивным комплексом) участвует в организации реально достоверного признака (Шутова, 1984, с. 191). В маньчжурском языке роль, подобную китайской связке, выполняет связка би, которую авторы словарей пытаются развести по разным словарным статьям с глаголом би — "быть", "находиться", "существовать". Этот глагол объединяет различные типы парадигм формообразования и формоизменения: он изменяется по временам и наклонениям; от этой глагольной основы образуется ряд инфинитных форм, присущих маньчжурскому языку. Так, например, наиболее употребительными являются следующие временные формы индикатива: би-мби, би-мбихэ, би-хэби; формы императива: би-су, би-ки, би-кини, биси-рэо; причастные формы: биси-рэ, бисираку; деепричастные формы: би-мэ, би-фи, би-чи, би-чибэ и некоторые другие. Существенно, что в пределах одного предложения вполне нормальным является сочетание связки би с одной из форм глагола би-. Более того, постоянное употребление связки с одной из инфинитных (здесь: причастных) форм глагола би может вести к образованию новых финитных форм. Таковой является, например, форма прошедшего времени индикатива на -хаби/

-хэби/-хоби (в сибирском диалекте маньчжурского языка -габ/-габ/-гоб). Факт неустойчивого написания связки би с причастием прошедшего времени би-хэ (б-ге) объясняется, вероятно, тем, что процесс образования этой финитной формы, как синтетической, еще не завершен. Примеры:

Бму боу *i* ежен емжун хаха де б^иш^ирене ежен нун *jilan*
сарган *mu* б^иге б^и- 'В этом государстве у одного домохо-
зяина было три дочери — младшие и старшие сестры' (С.К., т. I);
Ере бе мукэ семе ом^ихане гему ар^и б^игеб^и- 'То, что он пил,
думая, что это вода, все было вино' (С.К., т. I); Весихунь бэ
сирахангэ илан ван бихэби - 'Что до преемников величия, то
такowymi три вана (князя) были' (Орл., с. 176).

Вполне возможно, что автор наиболее известного маньчжурского словаря И.И.Захаров в отдельной словарной статье, посвященной связке би, давал ей в свое время такое толкование, как "существительный глагол", имея в виду неглагольный ее характер (Захаров, 1875, с. 495).

В качестве заместителей связки би в маньчжурском языке может выступать целая серия других связок: кай, ба, ину, дэ-рэ, дабала и некоторые другие. Эти связки, традиционно относимые к модально-предикативным частицам, обладают четко выраженным модальным значением. Так, связка кай характеризуется модальностью истинности, достоверности; вероятно, это же модальное значение передает и связка ину, — заметим, что в числе ее значений И.И.Захаров приводил такие, как "справедливо", "правда", "точно" (Захаров, 1875, с. 93); модальностью предположительности характеризуется связка дэ-рэ, которая употребляется в тех случаях, когда событие только представляется истинным, но объективно не существует. Отрицательными аналогами связки би являются негативные связки акү, вака.

Список подобного рода связок может быть продолжен, но следует подчеркнуть, что функции и семантика даже наиболее употребительных из них не были изучены в достаточной степени. Кроме того, существуют еще и "составные" связки: бикай, бикай дэ-рэ, акүби, дэ-рэ кай, уньдэ кай и др.; эти сочетания приводятся в рукописи докторской диссертации Б.К.Пашкова "Синтаксис маньчжурского простого предложения" (Пашков, Д., т. I, с. 48).

В плане содержания связочные структуры обслуживают синтаксические конструкции двух типов. Во-первых, это такие конструкции, в которых сказуемое обозначает собственный признак события либо предмета, в частности, его наличие или отсутствие. Во-вторых, это такие конструкции, в которых данному предмету "дается характеристика через соотнесение его с категориями человеческого мышления" ("Предикативное склонение причастий...", с.109). К этому второму семантическому типу относятся конструкции классификации, в которых данный предмет подводится под определенный класс объектов, и конструкции идентификации, в которых предметы отождествляются, идентифицируются между собой. С логической точки зрения идентификация является частным случаем классификации; она возникает тогда, когда мы приписываем данному предмету имя класса, содержащего единственный элемент. На языковом уровне идентификация достигается с помощью определенных дополнительных средств, направленных на более четкое выделение референта. Логично предположить, что существует множество конструкций, для которых бывает трудно установить границу между классификацией и идентификацией.

Связочные структуры рассматривались нами на множестве таких полипредикативных конструкций, где в позиции подлежащих находятся зависимые предикативные единицы. В качестве ведущего (либо единственного) члена таких подлежащих функционируют оба маньчжурских причастия, настоящее-будущего времени с суффиксами *-ра/-ра/-ро* (в иной терминологии – неокончательного вида) и причастие прошедшего времени (соответственно, окончательного вида) с суффиксами *-ха/-ха/-хо* как в положительной, так и в отрицательной форме: в данном случае они обязательно оформляются показателем *-нгэ*.

При этом показатель *-нгэ* неоднократно обсуждалась в маньчжуристике под разными углами зрения, но до сих пор еще не является достаточно ясной ни в плане синхронии, ни в диахроническом описании языка. Исследуя этот показатель с исторических позиций, некоторые специалисты видят в нем следы былой категории принадлежности в маньчжурском языке (Аврорин, 1956, с. 93-100).

Мы называем показатель *-нгэ* номинализатором, обозначая этим

термином оператор, позволяющий вводить предикативную синтаксическую конструкцию в одну из именных позиций, подлежащего либо дополнения, синтаксической структуры более высокого ранга сложности. Под номинализацией, таким образом, понимается как сам процесс содержательного и формального приспособления предикативной синтаксической структуры, функционально соотнесенной с предложением, к выполнению актантных ролей, так и результат этого процесса ("Предикативное склонение...", с. 173 и др.; Колосова, Черемисина, 1986, с.16; Горелова, 1982, с.48-49). Чаще всего *-нгэ* маркирует предикативное подлежащее, реже – дополнение; причем в последнем случае наличествует показатель аккузатива, находящийся в постпозиции к причастию, а в первом – отсутствие маркера падежа обозначает прямой (неопределенный) падеж.

Номинализации могут быть предикативными и непредикативными. В русском языке, например, эти типы номинализаций формально противопоставлены друг другу: предикативные образуются с помощью аналитического показателя *(то), что*, а непредикативные выражаются с помощью лексем, принадлежащих классу абстрактных существительных (*прогулка, сон*). В маньчжурском языке, как и во всех алтайских, оба типа номинализаций выражаются с помощью особых глагольных форм, традиционно именуемых причастиями. Если учесть, что в алтайских языках абстрактных имен очень мало, то формальное противопоставление двух типов номинализаций не является столь очевидным. При отнесении номинализации к тому или иному типу приходится учитывать ряд свойств самой синтаксической конструкции, включающей причастную форму (см.: Колосова, Черемисина, 1986, с.17-21). Предикативным номинализациям соответствует структура содержания (событие) и структура выражения, свойственная предложению. В составе моносубъектной конструкции номинализация может быть представлена единственным причастием в каком-либо из падежей (здесь: прямом), и тогда она с наибольшей вероятностью может оцениваться как непредикативная. Примеры:

Нялма уньтухури тачира бэ кичэрэнгэ вака – 'Что касается до того, что человек напрасно усердствует в учении, то этого нет' (Орл., с. 214 предикативная номинализация); *Вучэрэ баньчжирэнгэ эму эринь и амандэ би* – 'Жизнь и смерть заключается в коротком отрезке времени' (Пашк., Д., с. 171; непредикативная номинализация).

В маньчжурском языке существует обширный класс номинализаций, которым свойственна предикативная структура плана выражения, но в плане содержания их семантика соотносится не с событием действительности, а с предметом в широком смысле, который может осмысляться как лицо, либо как материальный предмет ("вещь"), либо как нематериальный предмет ("дело", "поступок" и т.д.). Такие номинализации удобно называть, используя термин, существующий в русистике, "предикативными субстантивами".

Возвращаясь к нашим связочным структурам, отметим, что в конструкциях первого семантического типа подлежащие могут быть выражены номинализациями, как предикативными, так и не-предикативными, а также предикативными субстантивами. Для второго семантического типа связочных структур характерно выражение подлежащих предикативными субстантивами со значением предмета либо лица в зависимости от семантического класса имени, которым выражено главное сказуемое.

Модели связочных структур первого семантического типа можно представить следующими формулами:

$$1) T_V \frac{-\text{рангэ}}{-\text{хангэ}} \rightleftharpoons \text{БИ}$$

$$2) T_V \frac{-\text{рангэ} \wedge -\text{ракунгэ}}{-\text{хангэ} \wedge -\text{хакунгэ}} \rightleftharpoons \text{АКУ} / \text{ВАКА.}$$

где T_V – глагольная основа, от которой образована причастная форма.

Примеры:

Вучэли бэ тунгэлаха сэма голофи эргэн чжомчибу-ха-нхгэ гэмү би – 'Были такие, кто, встретив привидение, умер со страху' (Пан., с. 94); Ургунь бэ чира дэ сэрэбу-рэку-нхгэ аку 'Таких, которые бы не проявляли на лице радости, нет' (Пашк., с. 51); Абкай фечжэрги иргэнь тумэнь чжака бэ хайра-раку-нхгэ аку 'Того, чтобы в поднебесной все люди и животные не пострадали друг другу, нет' (Пашк., Д., т. 2, с. 315; дословный перевод наш – Л.Г.); Нялма уньтухури тачира бэ кичэ-рэ-нхгэ вака – 'Того, что человек напрасно усердствует в учении, то этого нет' (Орл., с. 214); Н'алма ерей адали мудаме үй-де-не аку – 'Таких, которые бы подобно тебе возвращались, не было' (С.К., т. I).

Модели синтаксических конструкций второго семантического типа можно представить следующей формулой:

$$T_V \frac{-\text{рангэ}}{-\text{хангэ}} \rightleftharpoons \text{БИ} / \text{КАЙ} / \text{ИНУ} / \text{ДЭРЭ} / \dots$$

Примеры: Агэ-и чжомбу-рэ-нхгэ айсин го-и гэсэ гисун кай – 'Сказанное старшим братом – слова, подобные золоту и яшме' (Пан, с. 94); суй гурунь бэ сира-ха-нхгэ тан гурунь ину – 'Что касается до дома (династии), следовавшего за домом Суй, то это (конечно) был Тан' (Орл., с. 206); мині ейген гай-фа-не ему гургу гаска ину – 'А тот, которого я взяла в мужья, тварь, птица ведь' (С.К., т. I); Тере йиде-ре-не мен'и мама кай – 'Тот идущий – ведь наша старуха' (С.К., т. I).

Близка к конструкциям этого семантического типа конструкция, которую, метафорически используя математический термин, можно было бы назвать "вырожденной". Причастие настоящего времени, образованное от глагола речи с наиболее широкой семантикой сэ- "говорить" и оформленное номинализатором -нхгэ, переосмысливается в показатель темы при подлежащем, выраженном именем, и соотносится со связкой бэ:

$$N \text{ сэрэнгэ} \rightleftharpoons N \text{ бэ}$$

В качестве иллюстрации приво-дим примеры Б.К.Пашкова, который первый выделил такого рода синтаксические структуры: банинь сэрэнгэ утай гянь бэ – 'Природа есть закон разума'; Чжувань боо сэрэнгэ ачжигэ гашань бэ – 'Десяток домов – маленькая деревня' (Пашк., т. I, с. 46).

В маньчжурском языке существует конструкция, модель которой можно представить следующей формулой:

$$T_V -\text{рангэ} \rightleftharpoons T_V -\text{рангэ кай}$$

В этой синтаксической конструкции две номинализации, одна из которых занимает позицию подлежащего, а другая – сказуемого, соединяются связкой. В подобных синтаксических конструкциях происходит переосмысление модели тождества в модель знаковой эквивалентности ("Предикативное склонение...", с. 110). Приведем пример такой конструкции: Ама чжуй бэ таньта-ра-нхгэ, чжуй бэ госи-ра-нхгэ кай – 'Тот отец, который карает сына, есть, действительно, такой, который любит сына' (Пашк., с. 57).

Приведенные выше модели связочных структур демонстрируют наличие особого формального выражения связи между подлежащим, представленным в таких конструкциях предикативной единицей, конструктивной вершиной которой является причастие, оформленное номинализатором (группа подлежащего может состоять и из одного причастия с показателем *-нгэ*), и сказуемым, представленным либо одной из связок, либо комплексом "имя плюс связка". Таким образом, форма подлежащего с необходимостью предполагает соотносимую с ней специфическую форму сказуемого и наоборот; можно сказать, что обе эти формы коррелируют между собой:

$T_y\text{-прч-нгэ} \Leftrightarrow (N)\text{ связка,}$
 где прч – причастный показатель ($T_y\text{-прч}$).

Вопрос о типе связи между подлежащим и сказуемым в полипредикативных конструкциях такого рода уже ставился для алтайских языков, но не получил однозначного решения ("Предикативное склонение причастий...", с. 108). Вопрос о типе связи между главными членами предложения спорен и в простейшем случае (элементарное предложение), а в данной ситуации проблема еще осложняется специфическим характером как подлежащего, так и сказуемого.

Можно сказать, что в такого рода конструкциях синтаксические отношения между главными членами предложения находят свое выражение в соотносительных формах подлежащего (номинализатор *-нгэ*) и сказуемого (связка), и этот тип связи вслед за Б.К.Пашковым удобно было бы назвать корреляцией (но не координацией, поскольку этот термин уже семантически нагружен, – в русистике им обозначают вполне определенный тип связи между главными членами предложения).

ЛИТЕРАТУРА:

Аврорин В.А. Предикативно-притяжательные формы в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках // Вопросы языкознания. – 1956. – № 3, – с. 93 – 100.

Горелова Л.М. Способы выражения подчинения в полипредикативных конструкциях в маньчжурском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. – Новосибирск, 1982. – С. 40–

Захаров И.И. Полный маньчжурский словарь. – СПб., 1875.
 Колосова Т.А., Черемисина М.И. О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // Синтаксическая и лексическая семантика. – Новосибирск, 1986. – С. 10 – 32.

Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск, 1984.

Шутова Е.И. Вопросы теории синтаксиса. – М., 1984.

ИСТОЧНИКИ:

Орл. – Орлов А.М. Грамматика маньчжурского языка. – СПб., 1873.

Пан – Пан Т.А. Функции маньчжурского причастия с показателем *-нгэ* // Тезисы докладов XIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (РІАС), т. II. – М., 1986. – С. 94.

Пашк. – Пашков Б.К. Маньчжурский язык. – М., 1963.

Пашк., Д. – Пашков Б.К. Синтаксис маньчжурского простого предложения. Т. I–2. Докт. дисс. (рукопись).

С.К. – Сибирские тексты акад. В.В.Радлова "Сиди Кур" в записи В.Л.Котвича, переписанные и переведенные на русский язык Е.П.Лебедевой, тетрадь I (т. I).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛЬНЫХ СКАЗУЕМЫХ
БЕЗАКТАНТНЫХ И ОДНОАКТАНТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Предметом этой статьи являются простейшие глагольные предложения хантыйского языка, сказуемые которых – глаголы, имеющие не более одной обязательной валентности. Это, во-первых, безактантные, во-вторых – одноактантные сказуемые. Первый тип малочислен и представлен только одной моделью: V_f (финитный глагол без актантов). Распространители, конечно, возможны, но они факультативны и, с нашей точки зрения, в состав модели не входят. Второй тип гораздо более представлен. Его можно представить обобщенной формулой: $N \rightarrow V$ (финитный глагол в сочетании с прямым, т.е. именительным, неопределенным падежом существительного); но за этой формулой скрывается и структурное, и семантическое разнообразие.

Рассмотрим подробнее первый тип.

Глаголов, формирующих предложения модели $V_{f,3n}$, нами выявлено всего 11: Ёлхумтты 'стать прохладным (в жилище)'; мелкатты 'погреть'; иськатты 'похолодать', тэванйаты 'успокоиться', этарматы 'стать морозным и ясным', йийлатты 'стать прохладным', патлаты 'стемнеть', хохатты 'трескаться', нувематы 'рассветать', рыхумтты 'смеркаться', ертты 'дождить'. Все они обозначают различные стихийные явления, процессы, протекающие в природе. В мансийском языке, по мнению Е.И.Ромбандеевой, все эти глаголы допускают подлежащее¹, но в хантыйском три из них вообще не допускают никакого актанта, ни субъектного, ни объектного, сами по себе составляя формально и семантически законченное предложение: Хохтас – о состоянии зноя: 'Трескается от жары'; Нувемас – 'Рассветело'; Рыхумтас – 'Смеркается'. В речи такие предложения часто распространяются обстоятельствами времени, места, степени: Камн патлас – 'На улице стемнело'; Етн сора патлас – 'Вечером быстро стемнело'; Сора ёлхумтас – 'Быстро стало прохладно'.

Остальные восемь глаголов, функционирующих в роли сказуемых в предложениях этой модели, отличаются от рассмотренных тем, что допускают факультативное, семантически избыточное подлежащее. Например: Ерт ертй – 'Дождь дождит', Тэрум иськатас – 'Погода (не-

бо) похолодало'; Хатйэв патлас – 'День стемнел'.

Обратимся теперь к анализу второго типа, внутренние гораздо более богатого семантическими и структурными вариациями. Структурное разнообразие моделей, скрытое за обобщающей формулой, обусловлено тем, что финитный глагол может выступать в двух (из трех) грамматических форм, называемых в финно-угроведении "спряжениями": в форме субъектно-безобъектного или в форме пассивного спряжения. В зависимости от этого резко меняются отношения между действием и лицом (предметом).

Первый структурный вариант $N \rightarrow V_f$ предполагает глагол в субъектном спряжении. Здесь выступает широкий круг глаголов. Прежде всего это те, которые употребляются только в субъектном (безобъектном) спряжении, поскольку данные процессы в принципе не имеют объекта. В роли подлежащего здесь могут выступать как одушевленные, так и неодушевленные имена. Например: Пухал тахратйй – 'Сын-её заикается'; Асем ики эң ай – 'Отец-мой стонет'; Эвем хоййай – 'Дочь-моя плачет'; Кейэм мөң халяс – 'Веревка завязалась узлами ("заузлилась")'; Көрэм пәсң ийай – 'Печь дымит'. Глагол хопмалтййты 'греться' и потййты 'морозиться, мерзнуть' сочетаются только с одушевленным субъектом, а глагол хохумты 'греться', нагреваться – с неодушевленным: Путэм хохмас – 'Котел нагрелся'.

Процесс, названный этими глаголами, мыслится замкнутым в предмете, названном подлежащим. Это не действие, а состояние одушевленного или неодушевленного предмета. Упей нух амтас – 'Сестра-её обрадовалась'; Ампом амтатйй – 'Собака-моя радуется'; Пухэм мөштит – 'Сын-мой болеет', Хәсат рампййат – 'Звезды мерцают', Ёпң айам торййаң ан – 'Руки-мои-две дрожат' и др.

Широко употребляются в этой модели глаголы, описывающие звуки, издаваемые живыми и неживыми предметами: Овем вякшемал – 'Дверь скрипит'; Ампом хуратл – 'Собака моя лает'; Лән ханьсип салйй – 'Колокольчик звенит', Тухлан войт лэйлат – 'Птицы щебечут'; Нянь шум сулийл – 'Закваска шумит'.

Употребляются в этой модели и такие глаголы, которые в принципе могут образовывать формы всех трех спряжений, в частности, переходные, но в данной модели с субъектным спряжением, они представляют процесс как состояние, занятие или умение субъекта, то есть используются безобъектно. Например: Анкем пәсантылас – 'Мать стирала (ср.: просторечн. стиралась)'; Нявремен рәпитл – 'Вой

ребенок работает'; Эвем якай – 'Моя дочь танцует'; Многие хантыйские глаголы в формах субъектного спряжения способны иметь и два, и три актанта, включая и прямой объект. Но выступая в рассматриваемой модели, они используются безобъектно, нередко приобретая при этом специфические оттенки смысла; сравним: Няврэмат школа эвалт юхи шэтлат – 'Дети из школы идут домой' – и: Нявремен шэтл – 'Твой ребенок ходит (шагает; умеет ходить)'; Упен хуң аты – 'Сестра-твоя читает'(умеет читать)'; ср.: Пухен киншка луң аты – 'Сын-твой читает книгу'.

В одноместных моделях, как пишет Т.В.Шмелева, действие, выраженное глаголом, представляется как свойство субъекта². Глаголы, выражающие передвижения (перемещения) субъекта, обычно бывают поливалентными. Но в данной модели они характеризуют субъект по его способности к данному движению. В.Г.Гак подчеркивает, что среди свойств предмета говорящий может выделить одно или больше как наиболее информативные. Процесс их выделения определяется "установкой" или "активной доминантой сознания"³.

Мы обратили внимание на то обстоятельство, что некоторые глаголы, выступающие в этой модели, характеризуются морфологическими, словообразовательными "приметами". Определенные показатели, модифицируя их грамматическую семантику, а тем самым и систему валентностей, позволяют им функционировать без дополнений. Таковы, во-первых, глагольные приставки (префиксоиды), которые меняют семантику глагольных основ, к которым присоединяются. Так, приставка хулт вносит значение завершенности действия: Шоврем хулт хунтас – 'Заяц сбежал'.

Приставка ил обозначает направление действия вниз: Антупкейэн ил лакнас – 'Пояс опустился', Анэм ил ракнас – 'Чашка упала'. Приставка нух"в" – направление действия вверх: Няврэмйам нух питсат – 'Дети проснулись (встали, поднялись)'; глагол раканты 'падать' трехвалентный (кто-куда-откуда), а нух раканты 'вздвигнуть' (букв.: 'вверх упасть') сохраняет только одну, субъектную валентность. Приставка хулт"с" вносит значение завершенности действия: Шоврем хулт хунтас – 'Заяц сбежал'; глагол стал семантически самодостаточным, утратив облигаторную валентность направления. Приставка пелки 'раз-, рас-' обозначает отсоединение от чего-либо, ср.: Овем пелки ракнас – 'Дверь раскрылась'. Приставка ара 'раз-' обозначает расщепление, разделение предмета на

части: Веншет ара хатсат – 'Деревья раздвинулись'; Няврэмат ара пашсат – 'Дети разошлись'.

Эту же функцию выполняют и некоторые суффиксы. Нужно оговориться, что общий состав суффиксов хантыйского языка, а тем более семантика и функции отдельных суффиксов, их сочетаемость – всё это изучено еще очень слабо. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми наблюдениями, несколько не претендуя на полноту.

Прежде всего отметим суффикс -ийл/-ийл. Он ограничивает валентности глагола и делает закономерным использование суффиксального производного в данной модели. Например, переходный глагол хошмайты 'греть' имеет субъектную и объектную валентности, а хошмайтыл ты 'греться' – только субъектную: Ма йантың к хошмайдым – 'Я грею суп'; Ма хошмайтылдым – 'Я греюсь'. Аналогичные семантические и валентностные соотношения мы видим в таких парах глаголов: вэйтаты 'учить' – вэйтийты 'учиться'; потты 'морозить' – поттийты 'морозиться, мерзнуть'; нэматты 'дразнить' – нэматсийты 'дразниться'; шукатты 'ломать' – шукатийты 'ломаться, покалечиться'.

Суффикс -ийл- материально совпадает с суффиксом многократно-го действия; в какой мере закономерно совмещение этих значений, т.е. не имеем ли мы здесь дела с омонимией суффиксов – мы пока судить не беремся.

Е.А.Нёмысова⁴ выделяет суффикс -аньс(ь-), образующий непереходные глаголы с оттенком возвратности: ханшты 'писать' – ханшаньсхы 'расписаться', куншты 'царапать' – куншаньсхы 'царапаться', шэнхты 'пихать, пинать' – шэнханьсхы 'пихаться, пинаться'. Как нам представляется, здесь передается не столько оттенок возвратности (обращение действия на себя), сколько "занятости" субъекта данным действием (безотносительно к его объекту). Близкое значение передается и суффиксом -ас (у Е.А.Нёмысовой – ьс). Например: Лув верасй – 'Он представляется ("выпендривается, форсит)"; энхты 'снять (что-то)' – энхасты 'раздеться'. Ср. также: нэмты 'помнить' – нэмасты 'думать' (последний глагол может употребляться и безобъектно).

Значение возвратности, как нам представляется, вносят и суффиксы -йя, -ся, -тйя: йэмаст-йя-ты 'одеться' (йэмасты 'надеть'); кератйяты 'валаться' (кератты 'поворачивать'), мэнхалсяты 'заузлиться' (мэнхалты 'сделать узел'); эжук -т появляется после основ на гласный: амтатляты 'радоваться'. Эти суффиксы, видимо,

непродуктивны и встречаются редко. Есть и другие суффиксы, делающие глаголы непереходными, разрешающие их безактантное употребление, но рассматривать их подробно не входит в нашу задачу.

Остановимся теперь на модели $N_i \leftarrow V_i^{pass}$. Позицию предиката занимают в ней формы пассивного спряжения глагола, подлежащее же представляет пациенс, т.е. лицо или предмет, испытывающий на себе чье-то действие. Чаще всего в роли сказуемого в этой модели выступают глаголы, выражающие психофизические состояния живых существ или состояния природы. Например, глаголы вотты 'посесть', вуйтты 'жиреть', марематы 'соскучиться', потты 'мерзнуть', вуюмты 'заснуть' и др. Примеры: Ухай вотса - 'Голова-его поседела'; Эвем потса - 'Дочь его замерзла'. Ма маңанмасым - 'Я задремала', Пәрсеv вуйтса - 'Наша свинья разжирела', Сумат кивартасы - 'Береза заиндеvela'.

Структура хантыйских фраз существенно отличается от предложенных переводов: Эвем потса - букв.: 'дочь-моя подверглась замерзанию', ср.: Нявремэм сахармасы - 'Ребенок мой проголодался (подвергся голоду)'. Сухйам ертсаит - 'Белье намочено дождем'. Глаголы в пассивном спряжении выражают состояние, которое испытывает или в котором находится, пребывает субъект и которое явилось результатом воздействия на него объективных внешних сил. Иногда они могут быть известны и названы - конструкция может быть распространена объектом-агентом. Конструкция в этом случае становится двухместной, не предикат сохраняет значение состояния: Курңайам иськийн потсайңан - 'Ноги-мои морозом заморожены'; Няҳэм нухлумвойн воитса - 'Мясо червями испорчено'; Однако ряд глаголов не допускает позиции агенса. Например: Оймем ант йилы - 'Сон-мой не идет'; Ыув сахармасы - 'Он проголодался'; Упем маремасы - 'Сестра соскучилась', Ма маңанмасым - 'Я дремал'. Данные модели содержат предикат состояния и субъект-пациенс. В модели заложена семантика пассивности субъекта, который не действует, а только испытывает определенное состояние или чувство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ромбандеева Е.И. Синтаксис мансийского (вогульского) языка. - М.: Наука, 1979. - С. 156.
2. Шмелева Т.В. О семантике структурной схемы предложения: Изв. АН СССР. Серия лит. и языка, т. 37. - 1978, № 4. - С.358.

3. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. - М.: Наука, 1972. - С.80.

4. Нёмысова Е.А. Словообразование глаголов усть-казымского диалекта хантыйского языка // ЛПШ им. Герцена. Т. 269, Языки и фольклор народов Крайнего Севера. - Л., 1965.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФОРМ НА -ГАНДЫЙ

В АЛТАЙСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В современном алтайском языке значение сравнения передается не только такими сравнительными конструкциями, где в качестве предмета и эталона сравнения выступают предметные имена, но и такими, где эталон – это вся ситуация, передаваемая зависимой предикативной единицей. Такова полипредикативная синтетическая конструкция, в составе которой глагольный предикат зависимой (сравнительной) части принимает форму на -гандый. Эта форма образовалась присоединением аффикса сравнения -дый к форме причастия на -ган/-ген. Форма на -гандый сейчас уже также оценивается как причастие¹. Поскольку специфическая семантика этого причастия является компаративной, его вполне можно называть причастием сравнения.

Сравнительные конструкции с показателем -гандый в тюркских языках изучены в недостаточной мере. Эти конструкции представлены не во всех тюркских языках и не во всех грамматиках они нашли свое отражение. В башкирском языке соответствующие причастие выступает в форме -гандай. В "Грамматике башкирского языка" зависимые ПЕ с таким сказуемым рассматриваются как придаточные сравнения. Например: Бар донъяны сәсәк каплагандай, тәнтәнага сумған кешелек! /Ш.Бабиц/ – 'Человечество окунулось в праздник, словно весь мир покрылся цветами'². Исследователи казахского языка отмечают, что при помощи этого показателя могут формироваться придаточные сравнительные, выражающие как реальные, достоверные, так и мнимые, условные сравнения³. Например: Жалпақ бет қара жігіт қубаша жігітті жібергендей тұңқырады /С.С./ – 'Смуглый с плоским лицом молодой человек глядел на светлолицего так, будто хотел его проглотить'. Н.З.Гаджиева и Б.А.Серебренников указывают, что формы на -гандай/-лай передают сравнительные отношения также в кумыкском и ногайском языках⁴.

Специфика сравнительных конструкций алтайского языка по сравнению с другими тюркскими языками заключается в том, что здесь эта форма может выражать только нереальное значение, со-

ответствующее тому, которое в русском языке передается с помощью союзов "как будто", "точно", "словно". Для нас представляют интерес только те аспекты категории модальности, которые с нашей точки зрения важны для понимания модально-сравнительных конструкций алтайского языка. В.В.Виноградов определяет категорию модальности как основной признак предложения, содержащий в себе значение соотношения содержания предложения с действительностью⁵.

Общим содержанием модальности как грамматической категории М.И.Черемисина считает "представления высказываний как утверждения о фактах, либо имеющих место в действительности, либо не имеющих, т.е. реальных или ирреальных"⁶. В алтайском языке нереальная модальность представлена показателем ирреальности -гандый. В модально-сравнительных конструкциях этот показатель, во-первых, ирреализует придаточное, т.е. представляет его содержание как событие, не имевшее место в действительности, и, во-вторых, выступает как показатель связи, определенного характера соотношенности ирреализованного придаточного с главным. Например: Удустардын тыныжы ўзуле бергендий, тым боло берди /ЛК, АК, 138/ – 'Стало тихо, будто у людей, оборвалось дыхание'; Таныс ла кайалардын бакында моп нени десезип тургандый, токуназы ток карарып клееткен будуттарга удур табышту шуулап турат /ЛК, АК, 58/ – 'Только кедр на вершине скал, словно что-то предчувствуя, громко шумит навстречу беспрерывно идущим и темнеющим тучам'; Агаһтын бурлери кунун ле сайын астап, кыштын келеринен коркып тургандый, Голдор сайын тенигилеп, киретен Iер бедреп Iурдилер /С.М./ – 'Листья деревьев, с каждым днем редая, словно испугавшись зимы, перекашиваясь по дорогам, искали себе место, куда укрыться'.

Чтобы лучше понять компаративную природу этой конструкции, нужно учитывать, ради чего говорящий строит представление о ситуации, которая заведомо ирреальна, заведомо не имеет места. Эта функция ирреализованного придаточного усматривается в том, что оно понимается как неистинное имя некоторой реальной ситуации X. Ирреальная ситуация придумана говорящим для пояснения специфики, особенностей реальной ситуации, описанной в главной части модально-сравнительной конструкции.

Под прямыми компаративными (в частности, модально-компаративными) отношениями вслед за М.И.Черемисиной мы понимаем "такие отношения, когда вторая ситуация является образом первой, а первая - ее прообразом"⁷. Ситуация-прообраз имеет коммуникативную значимость сама по себе, тогда как ситуация-образ - важна только для раскрытия особенности прообраза (в этом состоит отличие сравнения от сопоставления). Показатель сравнения - гандый ирреализует представление о ситуации. Модальный и лексико-семантический контраст между придаточной и главной частью создает тот семантический эффект, который ощущается как сравнение. Примеры: Оны уккан Кодур-Уул колтыгында канат оскондий адына минип, уча берди /Н.Ул., А.-М., 158/ - 'Услышавший это Кодур-Уул, как будто за спиной крылья выросли, на коня вскочив, улетел'; Партячейканын качызы бойнын козине бутпей тургандый, протоколды база катап баштамышынан ала учына чыга кычырды /П., Куч./ - 'Секретарь партячейки, словно не веря глазам, прочитал протокол еще раз от начала до конца'; Уйкудан Ганы ла туруп алгандый, чайныйдын ичиле официанткалар табулу, Галку эстегилен Йурдилер /ЛК, АК, 225/ - 'Медленно - лениво зевая, официантки, словно только что проснулись, ходили по чайной'; Салдын атылганын, айылдын эски чобразын ыраак мергедеп ийеле, омон бурузын алынгандый эмезе ачу-коронун бадырып болбой тургандый, Гер боцнын арм Ганында чойо ыйлап турат: О-о-о, оо-уу! /ЛК., АК., 213/ - 'Ветер, разгневавшись, далеко отбросил старую берестяную кровлю дома, потом, будто почувствовал вину или словно не смог сдержать печаль, тигуче плачет на той стороне холма: О-о-о, оо-уу!'.

Отношения между реальными и нереальными ситуациями в модально-сравнительных конструкциях довольно сложны. В зависимой ПЕ, которая в целом ирреальна, часть компонентов может быть совершенно реальной. Хотя вся ситуация предстает здесь как чистый вымысел, в ней могут участвовать и реальные лица или предметы, в частности - представленные в главной части. Для иллюстрации рассмотрим пример. Кичинеке уулчак, ого удур Иштан айу чыгып келгендий, чочмды. - 'Маленький мальчик испугался, будто навстречу ему из чащи вылез медведь'. В главной, реальной части предложения говорится о маленьком мальчике; этот мальчик не

перестает существовать и в дальнейшем, и поэтому мы не можем считать его вымышленным. На эту реальность в ЗПЕ указывает местоимение ого/тот, на которого якобы вышел медведь/. В ГПЕ кичинеке уулчак 'маленький мальчик' представлен как субъект, в придаточной части как объект чужого действия. Фраза "ого удур Иштан айу чыгып келгендий" имплицитно содержит информацию о том, что на самом деле такого события не было, хотя в мнимую ситуацию и включено реальное лицо. В данном случае знаком неистинности, ложности ситуации, в которую этот предмет или субъект включен, является модально-компаративный показатель - гандый.

В алтайском языке в модально-сравнительных конструкциях этого типа в качестве "ложных мотивировок" широко используется определенный набор представлений о необычных ситуациях, предполагающих в качестве "привычных" следствий - определенные - реальные ситуации. Поясним это следующим примером. Если допустить, что в каком-то месте все вымерло, то следствием этого было бы отсутствие всяких проявлений жизни, в частности - движения и звуков. Например: Деремненин ийттери ончозы кырылгылап калгандый бир де табыш ток /ЛК., АК., 220/ - 'Деревенские собаки точно все вымерли, нет ни одного звука'. Если кого-то ужалит змея, то ожидаемым следствием этого может быть резкая двигательная реакция человека; сравним: 'Уулчак, Гыланга чактырткандый, туура секирди. - 'Мальчик, словно ужаленный змеей, отскочил в сторону'. Если за человеком кто-то гонится, тот бежит очень быстро. Сравним: Онын кийининен бука сурүшкендий, капшай ла айыл Гаар Йутурди - 'Словно за ним гнался бык, быстро побежал к своему дому'.

"Ложно-мотивировочные" отношения по своему объему шире, чем "ложная причина". Причинность на этом фоне выступает только как частный случай. Событие может мотивироваться и псевдоцелью, и псевдоследствием. Например: Вулуттар ыраактагы кырлардын бакында, кайдаар да ыраак барарга тургандый одул турды /ЭП., А., 24/ - 'Облака плыли по верхушкам далеких гор, будто собирались куда-то далеко уплыть'. Форма на - арга в сочетании со вспомогательным глаголом тур + гандый выражает намерение совершить действие-псевдоцель.

Теперь подробнее остановимся на модально-сравнительных кон-

струкциях, где сравнительное значение сопровождается дополнительным причинным оттенком. Исследователи руссизмы отмечали эту характерную для модально-сравнительных конструкций особенность – причинные оттенки придаточной части⁸. Что касается тюркских языков, то этот аспект совершенно не затрагивался тюркологами. Поэтому возникает вопрос: является ли эта закономерность специфически русской – или она присуща и иносистемным языкам? В своем исследовании мы опираемся на теоретические результаты, полученные русистами и с соответствующим ожиданием подходим к имеющимся в нашем распоряжении алтайским материалам. Наличие этого оттенка мы фиксируем как непосредственные носители языка, не связывая обоснование этой оценки с какими-то структурными признаками фраз; нам не удалось выявить каких-то структурных признаков, противопоставляющих фразы с наличием и с отсутствием причинного оттенка. Этот оттенок наблюдается и в разносубъектных и в равносубъектных ППК. Эксперимент показывает, что введение между частями фраз союза *ненин учун десе* 'потому что' нередко вполне возможно, – однако не всегда в результате получаем стилистически удачную фразу. Например: *Уул (ненин учун десе) кенейте эр кизи болуп калганын сескендий, адына минип, нени де аайлабай калган көөркийдин Ганынча бойунун Голыла мантада берди/К., Кош.СА, 69/* 'Парень, словно /потому что/ внезапно осознал, что стал мужчиной, вскочив на лошадь, поскакал по своей дороге, мимо ничего не понимавшей милой'; *Уул оро турарга чырмайды, те /ненин учун десе/ ончо бойм чойдон эдилгендий, керек десе колын да көдүрүп албады /К Кош. СА., 12/* – 'Юноша силился подняться, но, словно /потому что/ весь был сделан из чугуна, даже не смог поднять руку'; */Ненин учун десе/ Онын бакпырына не де токтоп калгандый, каям да сости чыгара айдарга ого сүрекей уур болды /А А., УБТ/* – 'Словно /потому что/ что-то застряло в его горле, ему было очень трудно выговорить каждое слово'; *Атту-чууду Кара-Кула /ненин учун десе/ ок тийгендий ол огурды, /ненин учун десе/ от түшкендий бу чоучыды /АК. М-К., 18/* – 'Знаменитый Кара-Кула, как будто /потому что/ стрела (в него) попала, заревел, как будто /потому что/ огонь (в него) попал, вздрогнул'. Как показывает анализ примеров нашей выборки, причинный оттенок обнаруживается не во всех

модально-сравнительных конструкциях. Довольно значительная часть этих фраз не выражает дополнительных оттенков смысла. Например: *Келиндердин каямзы ла үредүчи кыстын куучынын, Гуректери чечектеп тургандый, сам башка уккулайт /СМ., ЧЧ., 80/* – 'Каждая женщина со странным чувством слушала девушку-учительницу, будто защемило сердца'; *Утуктап калган Гырааларда кандый да кичинекей кушкан чойо сыгырып, оном тымкыт тиндап тургандый, токтоп калат /ЛК., АК., 184/* – 'В уснувших зарослях какая-то маленькая птичка протяжно засвистит, а потом, словно прислушиваясь к тишине, замолкает'; *Мечик уйалганынан ла ачылганынан сөс таап болбой тала бергендий, унчук ток Гатты/АК., С., 6/* – 'Мечик, от стыда и обиды не найдя слов, лежал молча, как будто был без сознания'.

Следующее, на чем нам бы хотелось остановиться несколько подробнее, – это такие сложные разносубъектные модально-сравнительные конструкции, части которых описывают ситуации, не содержащих никаких общих компонентов. Как и в предыдущем случае, первая ситуация понимается как реальная, вторая – как ее приложимый образ. В этих ситуациях нет общих участников, и при этом они не теряют качества модальных сравнений. В алтайском языке такие фразы встречаются довольно редко. Специфика фраз, части которых не имеют общих предметных компонентов, заключается в том, что ирреальная ситуация придаточной части выступает как целостный образ реальной ситуации. Например: *Агаштардын көлөткөзү сайын, ак таштар бодурайта тогул койгондуй, койлор тебеелейт /ИМ., КМУ., 69/* – 'В тени деревьев пасутся овцы, /и это похоже на то/ как будто разбросали белые камни'; *Те учунда чайын сүттөп ийгенде, кыскалым көлдүн үстүндө ап-апагаш сугуштар Гүзүп Гүргендий – чайдын үстүнө оромолор тургуза ла кайкалай беретен /КТ., КИ., 40/* – 'Но когда нальет молока в чай, то на поверхности чая тотчас же всплывают варенные сливки, /и это похоже на/, будто на красноватой поверхности озера плавают белые-пребелые утки'; *Гөр-телекей бистен кенетийин айрыла бергендий, бис сыранай өскүс артып калгандый, айландыра не де көрүнбөй барды /С., Сур., АКС., 69/* – 'Вокруг ничего не стало видно, /и это похоже на то/, будто весь мир отвернулся от нас, будто мы совсем остались сиротами'. В этих

ситуациях легко просматривается общий признак, т.е. модуль, который имплицитно присутствует в модально-сравнительных разнотелных конструкциях этого типа. Авторами используются ситуации, в которых ярко отражаются важные для говорящего признаки, по которым сравниваются подобные ситуации. Чаще всего писатели при сравнении используют свой жизненный опыт и то, что этот опыт определенным образом может быть обобщенным и трансформированным в национальном опыте данного языкового коллектива. Образцы даже высокохудожественных сравнений, используемые пишущими, являются в большинстве случаев результатом определенной доработки и оттачивания типовых представлений, бытующих в повседневном сознании алтайского народа.

В модально-сравнительных конструкциях с показателем -гандый могут употребляться сравнительные частицы торт, чек в значениях "точно-точно", "впрямь". Эти частицы, в свою очередь, сопровождаются усилительными частицами ла/ле, которые усиливают значение этих показателей. Функция сравнительных частиц торт ла, чек ле "ну впрямь", "ну точно-в-точно" состоит в уточнении характера передаваемых отношений, в данном случае сравнительного. Существенно нового значения они, наверное, не создают, хотя, как нам кажется, заметно усиливают (модально)-сравнительное значение в этих конструкциях. Используя такие частицы, пишущий как бы стремится заставить читателя увидеть ситуацию его глазами, вызвать эмоциональную реакцию, создать у читателя более яркий, чувственный образ описываемого явления. Например: Агаштардын бажында шуулаш сан башка угулып турды - торт ла кучындажып тургандый /ЭП., А., 47/ - 'Шум верхушек деревьев казался /букв. слышался/ странным, ну точно-в-точно будто деревья разговаривали'. Сташинский карта доон эмес, а тайганын кайдар да туби доон ко-рот, чек ле улустьн тери тогулген кая ла беристени бескелеп тургандый /АФ., С., 83/ - 'Сташинский смотрит не на карту, а куда-то вглубь тайги, ну точно-в-точно словно взвешивает каждую версту, на которой пролился человеческий пот'; Канайып! - деп Ачмай, торт ла изу отко каардыргандый укус этти /Б.Ук., Т.ла Т/ - 'Как! - вскинулся Ачмай, ну впрямь будто обжегся огнем'; Иртай эртен тура ойгонып келгежин, бажы торт ла абранын алдына киреле, Иктери согулип калгандый - терен тынып ийерде, сызы

Ирегине одуп турды /У С., БСУ/ - 'Когда Иртай проснулся утром, голова, ну точно словно под арбу попал, наполовину раскололась - как только вздохнет, боль пронзает сердце. Частицы торт ла, чек ле, как мы убедились на примерах, выполняют функцию внутрифразового средства связи, поэтому можно считать, что они на современном этапе развития алтайского языка функционируют как скрепы⁹. В современном алтайском языке функционирование каждой частицы, принимающей на себя союзные функции и становящейся союзной скрепой, требует глубокого изучения. Алтайский язык сейчас интенсивно развивается, в том числе пополняется его союзный фонд. Этот процесс протекает очень бурно, и проблема еще ждет серьезного исследования. Но в русском языке этот вопрос за последнее время разрабатывался очень широко, так что алтайские частицы такого типа вслед за Т.А. Колосовой и М.И. Черемисиной, мы тоже можем назвать синкретичными функцивами со слабо противопоставленными функциональными вариантами¹⁰. Это обосновывается тем, что союзные функции у них не первичны и не являются главенствующими, а семантически они едины с функциями частиц, реализующимися в простом предложении, когда они усиливают или ограничивают какой-то определенный член предложения.

Данные скрепы могут также выступать и в функции средства связи в составе сверхфразового единства. Рассмотрим примеры: Бажын Имдырза, бажы коркышту уур болды. Чек ле чой колбоп салгандый /КТ., КТ., 88/ - 'Когда пошевелил головой, то голова была очень тяжелой. Ну точно-в-точно будто чугун привязали'; Ол эриндерин бойнын бек тийтериле кып ла тийтеп алатан ошкоч. Торт ла эки эрди бой-бойлорыла тапшынып калгандый /БУ., С., 31/ - 'Какжется, своими крепкими зубами он сильно закусывает губы. Ну впрямь будто верхняя и нижняя губы прилипли друг к другу'; Мылтыктын табыкы коркышту тын угулды. Торт ла кийин тапшындагы кайа таш тапшыла бергендий бодолды /ЭП., А./ - 'Гром от выстрела винтовки был очень громким. Казалось, будто ну точно-в-точно скала раскололась'. В приведенных примерах скрепы торт ла, чек ле, занимающие инициальную позицию в следующем предложении, связывают два высказывания, между которыми стоит точка. Смысловые отношения между фразами сходны с содержательными отношениями между предикативными единицами в сложном предложении, т.е. мо-

дально-сравнительная семантика сохраняется и в составе сверх-фразового единства.

Таким образом, рассмотрев этот тип модально-сравнительных конструкций, мы пришли к выводу о том, что частицы *торт ле*, *чек ле* в этих конструкциях выступают в составе комплексного показателя сравнения как его компоненты; во-вторых, они функционируют, как скрепы в составе сложного предложения. Вместе с модально-компаративным показателем *-гандый*, который бифункционален, *торт ле*, *чек ле* составляют сложные или комплексные показатели.

Следующий, на наш взгляд, очень интересный тип модально-сравнительных конструкций, можно представить формулой *T_v-гандый + билдир-/көрүн-*. Например: *Ол оттор онын Іурегинин өзөгине кирпич, анда изип ле кайналып, очуп ле ойто Іоголып, кайдаар да кычрып тургандый билдиретен /Б.Ук., Т. ла Т., І2/ - 'Эти огни, проникая в его сердце, там разгораясь и мучая, угасая и исчезая, казалось, куда-то звали'; Уч сүмердин бакынам булуттар бадыйнай чыгып, Іер телекейдин устине Іанылып тургандый көрүнөт /Эп., А., / - 'Тучи, не вмещаясь, выползали из-за остроконечных высоких гор, казалось, будто покрыли весь мир'; Көпөгөш сабарлары эмеш кызарып келгендий көрүндү /Дк., Ак., І86/ - 'Синие пальцы, казалось, будто немного покраснели'; Ол бойыннн төрөл тилине кычырган, камы ла сөс Іалбырап, күйүп тургандый билдирет /А. А., ІТІ, ІІІ/ - 'Он читал на родном языке, каждое слово, казалось, будто горело, пылало'. В модально-сравнительных конструкциях модальные предикаты билдир-/көрүн- со значением кажимости усиливают, модализируют конструкцию. *T_v-гандый + көрүн-* употребляется тогда, когда обсуждаемая ситуация в сознании окрашена сильной субъективной зрительной ассоциацией; *көрүн-* 'виднеться' образован от глагола *көр-* 'видеть, смотреть'. Более распространенным и широко употребляемым является сочетание *T_v-гандый билдир-* от бил- 'знать', где значение кажимости основано не только на зрительных ассоциациях, но на более широком и разностороннем, глубоком субъективном восприятии окружающего мира. Данные нашей выборки показывают, что этот тип модально-сравнительных конструкций составляет 16% от общего числа модально-сравнительных конструкций с показателем*

-гандый. Сочетания *T_v-гандый + билдир-/көрүн-* в предложении выступают в основном в функции сложного модального сказуемого.

В алтайском языке модальные предикаты билдир-/көрүн- могут модализовать и чисто сравнительные конструкции с показателем сравнения аффиксального типа *-дый/-дий*, *-ча/-че*, служебными словами *ошкыш*, *түнөй* и т.д., придавая им значение кажимости, нереальности. Но такие фразы встречались гораздо реже, чем с показателем *-гандый*.

Третий модальный предикат, формирующий конструкцию подобной семантики, *-бодол-*, образовавшийся от глагола *бодо-* 'решать, предполагать', который в других сравнительных конструкциях не встречался. Например: *Куучындашкан кижини ол бойыннн Іымкак Іалакай уңиле тармадап ийгендий бодолор /Тш., ИСИ., 73/ - 'Человека, с которым разговаривает, он своим мягким и ласковым голосом, кажется, словно околдовывает'; Чөчөйөктин эки Іарындары бир биригип, бир бирикпей турганнн көргөндө, кандый да Іаан өзөктин эки Іандай түшкөн сындары Іайканыжа бергендий бодолот /КТ. КІ., 6І/ - 'Когда смотришь, как плечи Чечейека то сходятся, то расходятся, кажется, будто два хребта, спускающихся к долине, закачались'; Камчы тырс ла этти. Кижинин Іурегине соккондый бодолду /КТ., КІ., 48/ - 'Плеть хлестнула. Кажется будто ударило по сердцу*.

В редких случаях в этих фразах между *T_v-гандый* и модальными предикатами может появиться скрепа деп. Формально в этих конструкциях модальные предикаты являются главным сказуемым с зависимой частью *-придаточным* изъяснительным, присоединяемым с помощью скрепы деп. Приведем примеры: *Керек десе Багайдын тыныжы да кандый да Іылу ла баш айлангандый деп билдирди /КТ., КІ., І2І/ - 'Даже дыхание Багай каким-то теплым казалось, что будто голова кружилась'; Алдырбаска онын чачыннн Іыдынан та ненин де учун энезинин Іыды Іытангандый деп билдирди /КТ., КІ., І2І/ - 'Алдырбасу почему-то показалось, что как будто от запаха ее волос запахло маминым запахом'.*

Итак, как мы уже отмечали, показатель *-гандый* выступает в роли средства связи в ППК, где ЗПЕ со значением эталона или образа сравнения. В разносубъектных предложениях подлежащее ЗПЕ имеет форму неопределенного падежа. Обобщенная формула модально-

сравнительной модели: ($\{N_1\}$ T_v-гандый) (ГПЕ).

Форма на T_v-гандый является предикатом в зависимой обстоятельственных ППК с семантикой образа действия, на которую могут накладываться дополнительные оттенки:

1) псевдоцель -арга + V_{всп}-гандый. Например: Алдырбас бу ойдо канча бар кучиле Кадынын кучулдеп Иаткан толкузын эркидеп ийерге тургандый, ачу-корон кийгырат ла кийгырат /КТ., К1., 173/ - 'Алдырбас изо всех сил громко кричит и кричит, будто собирался пересилить бушующие волны Катунь';

2) псевдопричина: Ого эмди неини де учун эмеш Иенил болды, темиге бергендий, чечекту олонди маказырап чаап турды /ЭП., А/ - 'Ему почему-то стало легко, словно привык, косил с удовольствием травы со цветами';

3) псевдоследствие: Ианыс Аланнын озок-Юрегине Иайдын Иаркынду кунин Иетпей тургандый, анчадала калганчы ойлоордо сагылы уур Иурди /ЭП., А., 105/ - 'Как будто только до сердца /внутри/ Алана не доходило тепло яркого летнего солнца, особенно в последнее время настроение у него было тяжелое /мысли у него были тяжелые/.

В алтайском языке нам встретились и конструкции со сравнительно-определятельными отношениями. Определяемое имя участвует в ситуации, которая описывается главным предложением, и в другой, которая описывается нереальным придаточным определятельным. Такого типа примеры в модально-сравнительных конструкциях с показателем -гандый немногочисленны. Например: Иаагына торт до алаканла тагыгандый состорди нааимнан уктым /К.Коп./ - 'Я услышал от своего друга слова, которые впрямь как будто хлестнули меня по щекам'; Айла бу мындый, такаа Иорголой бергендий почеркти кем ондоор? /Б.Ук., Т ла Т/ - 'И вот такой почерк, словно курица бегала, кто поймет?'; Тенери Иарылгандый кузурт болды, тайга Иарылгандый табыш угулды /МК. М-К, / - 'Был гром, подобный расколовшемуся небу, был /послышался/ шум, подобный расколовшейся тайге'.

Аналитическая глагольная форма T_v-п V_{всп}-гандый может встречаться в составе ирреализованного сказуемого в простом предложении. Например: Кажызы ла оозында суу уртанып алгандый /ТШ., БЭИ., 31/ - 'Как будто каждый в рот воды набрал';

Келиндердин коронду состорди чалгылардын табыкыла кожо Айнанын кулагына эмди ле угулып тургандый /ИМ., А., 44/ - 'Ядовитые слова женщин вместе со свистом кос в ушах Айны до сих пор как будто слышались'. В подобных фразах отсутствуют те условия, которые позволили бы назвать их сравнительными. Здесь подлежащее - существительное, а сказуемое - глагол. Значение сравнения появляется в том случае, когда ситуации, представленные в двух ПЕ, компаративно противопоставлены. В данном случае показатель -гандый перестает функционировать как показатель связи и становится модальным показателем.

Но в алтайском языке эта форма может выступать и в функции сложного модально-компаративного сказуемого в ППК. Форма на T_v-гандый может выступать в функции финитного сказуемого. Например: Олор мени Иантайын ла бойына тартып, торт до "кел ле кел" деп каран-туйукка кийгырыкып ла сакыглап тургандый /Б. Ук., С., 138/ - 'Они всегда меня к себе тянут, ну точь-в-точь словно тайком 'приходи да приходи' кричат и ждут'.; Тышкарыгы чала Иантайа берген чакызын коргондо, Кымыскай эски тонын кийеле, тышкары энийип калган тургандый /КТ., КО., 166/ - 'Когда увидел немного покосившуюся коновязь, словно бы Кымыскай, надев старую шубу, на улице наклонившись стояла'.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что глагольные формы на -гандый выступают в составе предложений в разных функциях. Во-первых, в составе простого предложений эти формы передают ирреальную модальность, то есть представляют действие как кажущееся, мнимое, как фантастическое отражение действительности. Если предложение с такой формой сказуемого не противопоставляется другому (или другой части в составе полипредикативного предложения), то о событии, которое действительно произошло, адресат должен просто догадаться; если же действительное событие названо, то предложение со сказуемым в форме на -гандый воспринимается как фантастический образ, дополняющий и обогащающий прямое сообщение о событии.

Форма на -гандый может выступать также в обстоятельственной функции, точнее - в функции обстоятельства образа действия (или зависимого предиката обстоятельственного придаточного). Значительно реже эта форма встречается в сравнительно-

определяющих конструкций: сохраняя за собой роль предиката, сказуемого зависимой части, она выступает в функции определения: к одному из существительных главной части. Сочетание семантики определяющей функции и компаративно-модальной семантики самой формы дает в результате своеобразное и яркое компаративно-сравнительное значение сложному предложению с такого рода придаточным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тадкин В.Н. Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971, с.57-59.
2. Грамматика башкирского языка. М.: Наука, 1981, с.465.
3. Коняров Т.К. Структурно-семантическая природа сравнения в казахском языке. Алма-Ата, 1985, с.48-49; Ахметжанова Ф.Р. Из наблюдений над выражением сравнения в казахском языке. - В сб.: Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981, с. 94-99.
4. Серебrenников В.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М.: Наука, 1986, с.127.
5. Виноградов В.В. О категории модальность и модальных словах в русском языке. - В кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975, с. 268.
6. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976, с.201.
7. Там же, с.146.
8. Там же, с. 144; Киселева Л.А. Полное придаточное предложение со сравнительными союзами в русском языке. - "Ученые записки ЛГУ. Серия филология", 1958, вып.38, с.103-114; Широкова Н.А. Типы сложноподчиненных предложений, выражающих отношения сравнения в современном русском языке. Казань, 1963.
9. Колосова Т.А., Черемисина М.И. О союзных и текстовых связках русского языка. - В сб.: Показатели связи в сложном предложении. Новосибирск, 1987, с.108.
10. Колосова Т.А., Черемисина М.И. Некоторые закономерности пополнения фонда крепл. - В сб.: Служебные слова. Новосибирск, 1987, с.16.

ИСТОЧНИКИ И ИХ УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АА. ITI - А.Адаров. Таан телекей-ге Тол. Горно-Алтайск, 1979.
 АА. УБГ - А.Адаров. Уча берген турналар. Горно-Алтайск, 1980.
 АК. М-К - А.Калкин. Маадай-Кара. Горно-Алтайск, 1973.
 АФ.С - А.Фадеев. Согулта. Горно-Алтайск, 1980
 БУ. Т ла Т - Б.Укачин. Туулар ла туулар бойы артар. Горно-Алтайск, 1985.
 БУ.С - Б.Укачин. Сууш ле оштожу. Горно-Алтайск, 1981.
 ГМ. КМУ - Г.Маскина. Когол Муркют уйазы. Горно-Алтайск, 1986.
 КК. СА - К.Кошев. Солоху айандар. Горно-Алтайск, 1983.
 КТ.КИ - К.Толосов. Кадын Таскида. Горно-Алтайск, 1986.
 ЛК.АК - Л.Кокышев. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
 Н.УЛ. А-М - Н.Улагашев. Алып-Манаш. Горно-Алтайск, 1985.
 С.Сур. АКС - С.Суразаков. Алтай керегинде сс. Горно-Алтайск, 1984.
 СМ. ЧЧ - С.Манитов. Чалдыктас чечектер. Горно-Алтайск, 1981.
 УС. ВСУ - У.Садыков. Башка салымду улус. Горно-Алтайск, 1985.
 ТШ. НЭИ - Т.Шиншин. Нрыс экелген ижемги. Горно-Алтайск, 1986.
 ЭП. А - Э.Палкин. Алан. Горно-Алтайск, 1978.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЧАСТИЦЫ СИМ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Целью данной работы является подробное рассмотрение функций частицы сим, которая, по мнению А.П. Дульзона, употребляется для образования сослагательного наклонения, ирреалиса в кетском языке¹.

Термин "частица" трактуется в современном языкознании очень широко. Обзор разных точек зрения приводится в работе Т.М. Николаевой². Мы будем понимать под частицами, применительно к кетскому языку, неизменяемые, как правило, одноморфемные компоненты, которые присоединяются к полнозначным словам и образуют грамматические формы, т.е. частицы формообразующие³. Частицы в отличие от знаменательных слов не имеют лексического значения, но они обладают индивидуальным инвариантным грамматическим значением, весьма общим и абстрактным, которое конкретизируется в каждом отдельном случае в контексте предложения.

Таким общим грамматическим значением частицы сим является значение ирреальности, что позволяет ей образовывать аналитическую форму сослагательного наклонения. Грамматическая категория наклонения в системе глагола определяет модальность действия, т.е. обозначает "отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом"⁴. Сослагательное наклонение характеризует нереальное или неосуществимое действие. Сам традиционный термин "сослагательный" происходит, как отмечает Д. Лайонз, "от латинского перевода греческого слова, обозначающего "подчинительный", т.е. сослагательное наклонение связывалось с грамматическим значением подчинения"⁵. Поэтому не случайно, что сослагательное наклонение характерно именно для сложного предложения, и в первую очередь для сложноподчиненного. В тюркских языках глагол в форме сослагательного наклонения, как правило, выполняет функцию сказуемого главного предложения⁶, в то время как во французском языке сослагательное наклонение встречается лишь в придаточных предложениях⁷. В ряде других языков, в том числе и в кетском сослагательное наклонение может употребляться как в обеих частях сложного предложения, так и только в одной из частей сложного целого.

В качестве базы для образования сослагательного наклонения

в кетском языке используется, как правило, форма прошедшего времени. Нам встретились лишь три случая употребления формы настоящего-будущего времени. Форма прошедшего времени естественна для сослагательного наклонения, так как отсутствие действия в момент речи уже относит его в сферу нереальности. Частица сим располагается, как правило, перед глагольной формой, но может и отделяться от нее.

В кетском языке сослагательное наклонение служит для выражения ирреального действия, обусловленного, желательного, предположительного и цели. Рассмотрим подробнее каждый из этих случаев.

Введение ирреальности в элементарное предложение всегда связано с наличием каких-либо семантических компонентов, которые так или иначе мотивируют введение соответствующей ирреальной характеристики действия в предложении⁸. Если таким семантическим компонентом является какое-то действие, рассматриваемое как несостоявшееся условие для осуществления какого-то другого процесса, перед нами ирреальное сложноподчиненное предложение. Сказуемые в обеих его частях выражаются одинаково - формами сослагательного наклонения. При этом в зависимости от наличия или отсутствия отрицательной частицы бын при сказуемых возможны четыре варианта зависимостей между действием-условием и действием-следствием.

I. Отрицательная частица отсутствует в обеих частях сложного периода. Действие-следствие возможно лишь при совершении действия-условия. Порядок слов в кетском языке всегда одинаков в обеих частях сложного целого. Частица сим может быть единственным маркером условности, но к финитной форме глагола в качестве средства связи может добавляться и постпозитивный показатель местно-временного падежа -ка, или послелоги каа, кыа⁹. Например:

У акта сим ек-сил', у дь°кт сим както°он - 'Ты хорошо бы ты-ел, ты быстро бы поправился'; - Конокс сим ки:нус-ка, ад у сим с'укку:лот - 'Утром бы ты-пришел-если, я тебя бы встретил'; Ыбда оп сим сингду-кыа, сим тко°ангий (СНСС, 9) - 'Сына отец бы здесь (был)-если, бы он-вас-убил'.

Частица сим может присутствовать только в условной части, распространяя свое модальное влияние на все предложение:

Оп сим было-а, ат данга бо°он - 'Отец бы был-если, я к-

-нему (бы) поехал'.

2. Отрицательная частица присутствует в обеих частях сложного предложения. Действие всего предложения реально - в смысловом плане предложение оказывается не отрицательным, а утвердительным. Отрицательная частица всегда занимает место перед частицей сим.

Ко Һоманг овҫон, ь^отн туненга бын'сим донгданден, -бын'сим тай овҫон-кыҫе - 'Лед хрупкий стал, мы туда бы не доехали, если бы не холодно стало' - тур' инейс' ь^а бын'сим ди:нбес' -кыҫе, там бес'а а:на бын'сим даейлоҫот - 'Этот задира сюда бы не пришел, никто бы не дрался'.

3. Отрицательная частица присутствует только в главной части. В этом случае формально утвердительная зависимая часть становится в смысловом плане отрицательной, а главная, наоборот, утвердительной (в том смысле, что зависимая описывает действие, которого не было, главная - осуществившееся действие).

Бу сим ителем-кыҫе, бура ам бурынтинг дак'ойбес'ибет, туре бын'сим бил'бет - 'Он бы знал-если, (что) его мать на-него рассердится, это бы не сделал'; сим оҫон-ка, ыт кус'тингт бын'сим суотлах - 'Ушел бы если, мы вместе бы не встретились'.

4. Отрицательная частица только в зависимой части условного периода. Это наиболее частотный случай при выражении ирреальности. Отрицательная зависимая часть при этом превращается в утвердительную, главная становится отрицательной, ср.:

бын'сим ек-дивена, бек куйбынга сим тоҫоикот - 'Если бы ты не убирала, всегда вместе бы (все) лажало'; Корес' ат капкан бын'сим конес'унбет-ка, энконг кь^оҫен сим да-каститнем - 'Вчера я капкан бы не потерял-если, сегодня лису бы я-поймал'.

Кроме отрицательной частицы ряд других частиц также могут сочетаться с частицей сим, передавая различные грамматические значения. Сочетание частицы сим с частицей бат выражает значение многократности в будущем. Действие при этом мыслится реальным. Частица бат занимает место между частицей сим и глагольной формой, например:

Ат сим бат дь^ол'ал'ак дь^остийкет, абынгал' кәкс' сим бат ситонк (СНСС, 67) - '(Каждый раз, как) я пошла бы помочиться, от меня ручей бы получился'; - ь^отн с'ус'а сим бат тилаҫан ыс-тыҫай конга (СНСС, 43) - 'Мы каждый год бы приходили в-гости

к-вам'.

При выражении желания в предложении может вводиться частица кан, которая передает в кетском языке значение побуждения к действию и образует аналитическую форму особого наклонения "экспортатива"¹⁰. Подобного рода сложные предложения, таким образом, всегда бимодальны. Частица бат занимает место непосредственно перед глагольной формой и подчеркивает, как и в предыдущих примерах многократность действия:

Колбасам мана - кой с'уй сйе кан бат илебаҫе, это кодь ат сим бат си:л'е (СНС, 52) - 'Колбасам говорит: "Густой комариный год пусть каждый раз будет, как-будто я бы наелась"; У кан бил'е сим ре-ковунуҫо, а сим бат ре-батомнет (СНСС, 28) - 'Тебя пусть как бы ударило (осенит), я бы каждый раз догадывалась'.

В сложных предложениях со значением желания в одной из частей могут встречаться и формы изъявительного наклонения, в то время как в другой - сослагательного наклонения, например:

ь^ойҫа, аб оп какагыгын, ат кь^онгангыр сим дидестобйри (СНС, 110) - 'Ох, моего отца вы-убили, я вас бы перестрелял'; ул'банг-тдинга сим кигал'ак, тултан ь^оҫа сим кь^отомнет, ыт дь^о диҫа-битин - 'На-берег бы сходила, глину снизу бы принесла, мы сына сделаем'.

При выражении желания в предложении очень часто употребляется глагол "думать", реже глагол "говорить". Выбор глаголов объясняется, вероятно, тем, что сослагательное наклонение избранных событий не в действительности, а только в мысли.

А каскет дансивит бил'а ыроҫот ба:ра Һып сим доҫдук, каскет данингйевет, койҫол' сим дол'док (СНСС, 29) - 'Каскет думает как бы съест сына (того) старика (букв.: старика сына бы съел) Каскет надумал, в-личине-медведя бы съел'; Ар' Һай тон' сим ть^онгуп батонк, Һай дан'сивит (СНСС, 44) - 'Мне тоже таким бы стать (букв.: я тоже бы стал), так думает'; Ть^оней Һь^она бат данингйевет, - кь^о:ь^оҫа - дйра - комес батаҫ ана, еста он' беретанг бангт сим тоҫынгдакнг (СНС, 178) - 'Тыней немного думал, - господи - говорит, - волшебником стать-бы, небесные семь снегов на-землю бы упали'.

Значение желания может подчеркиваться усилительной частицей кот "хоть", которая, как правило, стоит в начале предложения:

Кь^однанга мана - кот анә конгал' сим ткы:мнам (СНСС, 43) -

'Детям говорит - хоть кто из-вас бы женился'; У, бада, кодь а́е сим кáл'гут и кь⁰йге, бада, код акс'ас' сим кис'коблел' (КС, 56) - 'Ты, говорит, хоть на-горе бы лег и голову, говорит, чем-нибудь бы закутал'.

В ряде случаев желанию, выражаемому говорящим, ставится определенный временной предел. Сказуемое зависимой части со значением временного предела выражается глагольными формами изъявительного наклонения, к которым в постпозиции присоединяется послелог дугде или показатель местно-временного падежа -ка, например:

Ат тун сим дассунолбет, кис'анг де-боктай⁰е-дугде - 'Я до-тех-пор бы охотился, ноги ходят-пока'; Ат кус'ке сим долдак, тунен оп ду⁰у⁰о-ка - 'Я в-чуме бы жил, пока отец не умрет'.

Если в предложении присутствует частица ас, передающая в кетском языке значение будущего времени, то и глагольная форма с частицей сим также будет выражать будущее время, подчеркивая вероятность действия:

Кь⁰нар'анг е:с' кота ас' н онготсен, сим манманг, кир анат ил'гит долдак ен' с'унг ть⁰нг тонголом о:лак (СНСС, 48) - 'Светлые люди, (которые) впереди будут идти, скажут, этот раньше Ильгит жил, теперь здесь в каменные скалы превратился'; кь⁰нар'анг ес ап ку⁰ул' дал'гонбес' сим бер'а дал'ний онг-ол'вет, ⁰танг ас'н кь⁰ттыанг каингди:н (СНСС, 48) - 'Светлые люди около моей тихой одежды опускаться-будут, нас будут умо-лять'.

В ряде случаев в сложных условных предложениях глагольная форма с частицей сим может выражать действие с оттенком предположительности, например:

Ат ис' дабат-ка́а, бу сим кайнем - 'Я рыбу дам-если, он бы взял'.

В сложных предложениях с противительным значением, где сказуемым одного предложения выступает глагол в форме сослагательного наклонения, а сказуемым другого - глагол изъявительного предложения, выражается особая обусловленность действия, когда глагол сослагательного наклонения выражает действие, которое не может быть осуществлено ввиду отсутствия условий его совершения, ср.:

Б⁰тн ейдингтан сим диоксетн кот анун екнг, ⁰тн с'угданг-онден, е⁰та нан комнетий - 'Мы на-острове бы остались хоть

сколько дней, (но) вернулись, наш хлеб кончился'; Ат пас'а ук конбес' сим боонден, ап да́енг ам кь⁰ме бь⁰н дейскидак - 'Я опять с тобой бы поехал, (но) мою больную мать не брошу'; А-там, у бин'чик ас'ненангас' с'у́а онговос, ту си с'у́а ат бь⁰н сим дондай - 'Хорошо, ты сам на своей лодке назад повез, а то до-ночи домой я бы не доехал'.

Отмечено несколько предложений, где глагольная форма сослагательного наклонения выражает значение цели. Но и в этом случае оно осложнено оттенком желательности, возникающих в мыслях образов, сложившихся из прежних восприятий, ср.:

Ат бь⁰н итперем, там анун с'ыкнг кет кан дуборак, пай кот' син тумбес' тангал'с' кет сим то:лонг - 'Я не знаю, сколько лет надо жить, чтобы опять хоть раз такое чудо увидеть (букв.: человек пусть живет, опять хоть раз такое чудо бы увидел)'; Кь⁰те ак бь⁰н' сим у́он-ка, диелак, ангел ди́амнет, сим бат са́ан ол'бет - 'Зимой, дрова бы кончились-когда, я-шел, щепки собирал, чтобы чай согреть (чай грел бы)'.

Краткие выводы.

Глагольные формы с частицей сим передают в кетском языке в основном значение ирреальности. Они употребляются в большинстве случаев в составе сложного предложения ирреального условия. Реже эти формы передают желание, изредка - цель. Частица сим занимает место перед глагольной формой и сочетается с рядом других частиц для передачи различных модальных значений.

Типологически кетская аналитическая конструкция глагольных форм прошедшего времени с частицей сим наиболее близка русской аналитической форме на -л с частицей бы. Как в той, так и в другой форме объединены, по существу, три разных значения: условности, желательности и сослагательности. Таким образом, надо признать, что термин "сослагательное наклонение" условен для кетского языка. Подобная ситуация отмечается исследователями и для многих других языков, в первую очередь, индоевропейских¹¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968, с. 142.
2. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. М., 1985, с. 3-5.

МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СКАЗУЕМЫХ В ПРОСТОМ И СЛОЖНОМ
ПРЕДЛОЖЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НГАНАСАНСКОГО ЯЗЫКА)

Вопрос модальности в лингвистической литературе был и остается острым и проблематичным. Это касается как содержания, так и объема понятия модальности. Общим для этих споров является, то что свойство модальности признается присущим любому законченному высказыванию – ведь в любом предложении выражено отношение высказывания к действительности, это наиболее распространенное определение модальности¹. Грамматикализованным средством выражения модальности являются формы наклонения глагола – такую модальность принято в русистике называть *о б ъ е к т и в н о й*. Она противопоставляется модальности *с у б ъ е к т и в н о й*, которая в русском и в других европейских языках выражается специальными лексическими единицами; модальными глаголами, модально-предикативными словами (должен, обязан), безлично-предикативными словами (нужно, можно, надо, нельзя, жаль, должно), а также модальными частицами и вводно-модальными словами².

Изучая парадигму нганасанского глагола, мы обнаружили следующую картину: в языке выделяются восемь наклонений – реальное, вопросительное (в неопределенном времени аффикс -ны, в прошедшем времени – -бы/-хы), повелительное (аффикс -нэ), побудительное (в этом наклонении глагол имеет форму только первого лица, т.е. говорящий обращается сам к себе; к основе глагола присоединяется аффикс -гу/-ку), сослагательное (аффикс -буазэ/-хуазэ), желательное (аффикс -нанту/-нянты), неочевидное (аффикс -банху/-хуанху/-бяхы/-хуамбу) и аудитив (аффикс -мыны/-муну/-мүнү).

Приведем примеры:

И н д и к а т и в: Мэнэ хойкукиэм мазэдя – 'Я бегу домой'; Кам-бамху бигай буусутүзе – 'Весной река вскрывается'; Идя³амэ мэнэ някирүту – 'Отец меня будит'; Сыты аника⁴а тү лапупты – 'Она развела большой огонь'.

В о п р о с и т е л ь н о е: Намсуре тэйну? – 'Есть ли у тебя мясо? (досл.: Мясо-твое имеется ли?)'; Намнамуон? – 'Есть будешь?'; Низың дярй? – 'Ты не болеешь?'; Немыри ку муңкэ? – 'Ваша-мать что говорила?'

П о в е л и т е л ь н о е: Коны⁵! – 'Иди!'; Ту⁶! – 'Приходи!'; Туинэ! – 'Пусть они придут!'

3. Русская грамматика. М., 1980, т. I, с. 723.
4. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972, с. 457.
5. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, с. 330.
6. Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982, с. 337–341; Грамматика хакасского языка. М., 1975, с. 196.
7. Лайонз Д. Указ. соч., с. 330.
8. Алмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973, с. 147.
9. Гришина Н.М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1979, с. 16, 22–26.
10. Дульзон А.П. Указ. соч., с. 142.
11. Дешериева Г.И. Категория модальности в нахских и иноструктурных языках. М., 1988, с. 91, 166.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- СНСС – Сказки народов сибирского Севера. Томск, 1972.
КС – Дульзон А.П. Кетские сказки. Томск, 1966.
КСб – Кетский сборник. М., 1969.

Примеры без указания источника собраны автором в лингвистических экспедициях в местах проживания кетов.

Побудительное: Сочелагум мендье хуаймузине! - 'Собирай-ка я новые унтайки!'; Бүүгүнэ мазунада! - 'Пойду-ка я домой!'; Нэмэжэу колый! - 'Поедим-ка рыбы! (досл.: поедим-ка-мы-многие.)'

Сослагательное: Коньбуазэм та нэрхуо ичүо - 'Поехал бы я, да олень плохой!'; Чайкэхуазэми саккэре дяну - 'Испили бы мы с тобой чаю, да сахару нет!'; Мэкиэ ныхазэмэ дяри, нүоно дорэлэсуо - 'Не вышла бы я из дому, да ребенок заплакал!'

Желательное: Манэ сочелэнантум мендье лузамэ - 'Я пить-хочу новую парку!'; Негимаку хелытнянтэсьеде нинты ту - 'Негимаку, который хотел помочь, не пришел'. В этом примере заслуживает внимания тот факт, что модальный аффикс желательности входит в состав не финитного глагола, а в форму причастия прошедшего времени - хелыты-нянты-сье-де, где хелыты - основа глагола, -нянты - аффикс желательного наклонения, -сье - глагольный аффикс прошедшего времени, -де - аффикс причастия прошедшего времени.

Неочевидное: Тэреди ихуазун! - 'вот ты какой, оказывается!'; В этом примере глагольная форма ихуазун состоит из глагольной основы бытийного глагола ися 'быть' -и; -хуазэ - аффикс неочевидного наклонения, -н - личный аффикс глагола 2 л. ед.ч.

Кроме рассмотренных наклонений в нганасанском существует своеобразный аналитический тип вопросительной конструкции, который употребляется наравне с суффиксальным: он образуется с помощью сочетания финитного глагола в прошедшем времени с условно-деепричастной формой от вспомогательного глагола ися 'быть':

Мэтудүорэ ихүтэ колы нойбуо? - 'Отрезал ли ты голову рыбы? (досл.: отрезал-ты будучи-если-ты рыбы голову?)'. Инфинитная форма глагола здесь четко противопоставлена финитной. Это достигается с помощью глагольных аффиксов. В нганасанском языке взаимно противопоставлены два типа аффиксов, которые мы называем аффиксами 1-го и 2-го типов³. Аффиксы 1-го типа в их первичной посессивной функции выражают принадлежность в широком смысле слова. Они материально тождественны личным аффиксам глагола в субъектно-объектном спряжении в индикативе. Аффиксы 2-го типа, присоединяясь к различным членам предложения, делают их синтаксически несвободными. Наличие в языке этих двух типов аффиксов и реализация их в составе предложения являются важной характерной чертой синтаксиса как простого, так и сложного нганасанско-

го предложения. Вернемся к нашему примеру: финитный глагол здесь оформлен аффиксом 2 л.ед.ч. Его типа - мэту-дүо-рэ, который присоединяется к глагольному аффиксу прошедшего времени -дүо. Условно-деепричастная форма от вспомогательного глагола оформлена лично-притяжательными аффиксами 2го типа: и-хү"-тэ, который присоединяется к показателю условного деепричастия -хү" - и вся форма может быть условно переведена как 'будучи если ты'.

Еще примеры: Эмэ нанэса"нэ" сытың мсунтэну нилыдүо" ихү"туң? - 'Живут ли эти люди на своей земле?'; Нүомэ дорэлэсуо ихү"ту? - 'Заплакал ли мой ребенок?'.
 По нашим данным, носители языка охотнее употребляют аналитическую конструкцию, чем суффиксальную.

Наряду с перечисленными наклонениями в нганасанском языке имеется также способ выражения нереального условия. Оно выражается с помощью аналитической конструкции, состоящей из формы глагола в прошедшем времени и условно-деепричастной формы глагола ися. При этом первый компонент не^{пр}соединяет никаких дополнительных аффиксов, а условно-деепричастная форма присоединяет лично-притяжательные аффиксы 2-го типа. Эта аналитическая конструкция выступает исключительно в зависимой части сложного предложения. Приведем примеры:

Сүрү дбанесүо ихү"ту, коньбуазэми дянурудя - 'Если бы снег растаял, пошли бы мы в тундру (досл.: снег растая будучи-если-он пошли-бы-мы-с-тобой в-тундру)'. Это сложное предложение, состоящее из двух частей, одна из которых выражает нереальное условие - сүрү дбанесүо ихү"ту 'если бы растаял снег'. В роли зависимого сказуемого-аналитическая конструкция. Действие, выражаемое еп, представляется нереальным, невыполнимым, а потому не выполняется и действие второй части сложного предложения: коньбуазэми дянурудя - 'пошли бы мы с тобой в тундру' (но это невозможно, так как снег не растаял, и в тундре непролазная грязь); сказуемое этой части выражено финитным глаголом в форме сослагательного наклонения - конь-буазэ-ми, где конь - основа глагола, -буазэ - аффикс сослагательного наклонения, -ми - личный аффикс глагола 1 л. дв. чи. Еще примеры:

Байка"а куодүо ихү", нүо" нонантун коухуазэ" - 'Если бы старик умер, дети остались бы одни (досл.: старик умер будучи-если-он дети остались бы одни)'; Нэндуй тэйсүо ихү"нэ нонэйнэм нялым-

сеазэм - 'Если бы я имел лодку, больше бы радовался'; Усть-Аба-мэдя коньдиэ ихү"тэ, мэнэ таптэ коньбуазэм. - 'Если бы ты поехал в Усть-Авам, я бы тоже поехал'; Котарамсүо ихү"макитэ нихязы-мы" дяри" - 'Если бы началась пурга, мы бы не вышли из дома'; Тороузэкали исүо ихү"ти, чайкэхуазэму"1 'Если бы не было работы, попили бы мы чаю (досл.: без-работы были будучи-если-вы...)' ; Нисыэ ихү"тэ аника"амэны нэмурэ", чайбэре нихязэ дяри" - 'Если бы ты не ел так много, у тебя не болел бы живот (досл.: не-был будучи-если-ты помногу ешь, живот-твой не-болел бы'. Этот последний примере любопытен тем, что в составе аналитической конструкции появляется отрицание, и, как это характерно для нганасанского языка, грамматические показатели присоединяет отрицательный глагол нисы, а знаменательный глагол выступает в форме омонимичной императиву: ни-сыэ нэмурэ".

Прежде чем перейти к описанию следующего способа выражения модальности, кратко опишем форму условного деепричастия, с которой этот способ связан самым тесным образом. Условно-деепричастная форма образуется присоединением к основе глагола аффиксов -бү" или -хү", например, конь-би" - это условное деепричастие от глагола конь-ди 'идти'. Условно-деепричастная форма способна выступать в роли сказуемого зависимой части сложного предложения, присоединяя лично-притяжательные аффиксы 2-го типа, например: конь-би"-нэ - 'если-мне-идти', конь-би"-тэ 'если-тебе идти', конь-би"-ту 'если-ему идти' и т.п. Еще ранее при описании аналогичной инфинитной формы ненецкого языка исследователями отмечалось право этих форм называться наклонением⁴. Приведем примеры функционирования условного деепричастия в составе сложного предложения:

Басазүчү"тэ тусү"тэ кирибамтэ тазусузэм - 'Когда принесешь деньги, дам тебе хлеб (досл.: деньги-твои принесешь-если-ты хлеба-твоего дам-я)'; Дяригимхи"тэ коукэң мата - 'Если болеешь, останься дома'; Тата нягэ ихү" нисыэң дүкү" дяуртини - 'Если олень у тебя хороший, не заблудись в тундре'; Аника"амэну сорэлэихү" сыйбэ дялэмэны игэту - 'Когда начинаются дожди, идут целую неделю (досл.: много дождить-начинает-если семь дней бывает'. Условно-деепричастная форма в этом предложении включает в свой состав показатель начинательности действия -лэ, который присоединяется к основе глагола: сорэ-лэ(й)-хү" 'дождить начина-

ет-если'. Еще пример: Ниби" саңэрэ" туй, лаңусизи ма - 'Если не смотреть за огнем, сгорит дом (досл.: не-если смотришь огонь...'. Этот пример интересен наличием отрицания. Вспомогательный отрицательный глагол нисы и здесь принимает грамматические показатели: это условно-деепричастный аффикс -би";

Форма условного деепричастия в нганасанском языке образует также конструкции с оценочным значением (хорошо, плохо) и с модальным значением возможности/невозможности или долженствования, например: Нэнхуо моунту лоңуби" - 'Плохо, если горит земля'; Такаря тапкаса хиезытыби" нэнхуэ - 'Трудно идти через такую чащу (досл.: такая чаща идти-если плохо)'; Кентуо колы кэ-зичебү" нэнхуо - 'Мерзлую рыбу чистить плохо'. Оценочное слово нэнхуо 'плохо' в сочетании с условно-деепричастной формой приобретает значение 'трудно, сложно'; оценочное слово нягэ 'хорошо' имеет в аналогичных конструкциях значение потребности, желательности, например: Хоай чентыриби" нягэ - 'Лес нужно заготовить (досл.: лес заготовить-если хорошо); Нэмбудяй тай комь-бү" нягэ - 'Слабых оленей нужно отловить (досл.: плохих оленей отловить-если хорошо'.

Таким образом, все рассмотренные типы выражения модальности в нганасанском языке могут быть определены как возможности выражения о б ъ е к т и в н о й модальности, если пользоваться термином индоевропейских грамматик. Однако агглютинативный строй исследуемого языка позволяет разглядеть тот факт, что термины "объективная" и "субъективная" модальность могут быть применимы здесь с большой осторожностью. Структура агглютинативной словоформы настолько специфична и связь ее с синтаксической семантикой предложения настолько тесна, что грань между представлениями об объективном и субъективном характере модальности в таких языках практически неуловима. Попробуем доказать это на примерах: в нганасанском языке есть несколько модальных глаголов: кэрбудя 'хотеть, желать', мынтудя 'мочь', ченынтыдя 'мочь, уметь', лазиси 'не мочь, не уметь', деруса 'не мочь, не знать'. Например: Мэнэ лазүсүүнэ кундуптурса - 'Я не-мог заставить-себя-заснуть'; Иниа нягэй ченынты дембэй сочураса - 'Старухи хорошо могут шить одежду'; Сыты дерусуо хуозэтаса - 'Он не мог учиться'; Сыты нисыэ кэрбу хуозэтаса - 'Он не хотел учиться'. Десымэ деруту саңирса баянэтэңэ - 'Отец не может играть на баяне'; Сы-

ты нинты кэрбу" - 'Она не хочет'; Мэнэ ниндым кэрбу" - 'Я не хочу'; Лямо нинты кэрбу" хуаймуй сочураса - 'Лямо не хочет пить унты'; Мэнэ кэрбутум хиндя хуозатаса - 'Я хочу читать ночью'; Кэрбуэнэ лепешкэй нумра? - 'Хочешь поесть лепешек?'

В наших материалах есть и такие примеры, где как бы соединяются лексический и аффиксальный способы выражения желательности: Коптуа нинты кэрбу" беттирнянтыди - 'Девушка не хочет танцевать (досл.: девушка не-она хочешь танцевать-хотеть)'; Здесь аффикс -нянты входит в состав неопределенно-деепричастной формы: беттир-нянты-ди. Вообще аффикс желательного наклонения -нянты/-нянту встречается в нганасанском зачастую в составе как финитных, так и инфинитных форм глагола (что совершенно недопустимо с точки зрения индоевропейстики). Вот примеры:

Ченынянтыбу"тэ, хуозатэ - 'Если хочешь знать, учись'; Здесь аффикс желательного наклонения входит в состав условно-деепричастной формы, он занимает место между основой глагола и аффиксом условного деепричастия - чены-нянты-бу"тэ 'знать-хочешь-если-ты'; Буунантубу"нү", нмакэкуми - 'Если хотим ехать, давай поедим (досл.: ехать-хотим-если-мы)';

Агглютинация делает возможным более свободное движение аффиксов модальности (наиболее характерно это для аффикса желательного наклонения) от одной части речи к другой: Танкэгэ инянтубу"тэ, нукэгэй хойкүрү" - 'Если хочешь быть сильным, много бегай (досл.: сильным быть-хочешь-если-ты...)' ; Дитазе инянтубу"тэ дасыгэтэ ченынтыгузи - 'Стрелком если хочешь быть, учись у твоего отца'; Коньнятыбу"ти мэнэ нануну, хоазеченэ нэисузүтү някэлэньре - 'Если хотите поехать со мной, возьмите мешок с едой'. Структура зависимого сказуемого, выраженного деепричастием, как видим, единообразна: основа глагола + аффикс желательного наклонения + аффикс условно-деепричастной формы + лично-притяжательный аффикс 2-го типа.

В наших материалах есть также инфинитная форма, встречающаяся в аналогичных по семантике конструкциях, но имеющая иную морфологическую структуру: Вуогоми туйхү"нүнэ - 'Поговорим - мы-двое когда-вернусь'; Койкуматини дузүрхү"нүнү" нүомэ армизэгэтэ тусузе - 'Когда поедем в Волочанку, из армии вернется сын'; Хиезытыбу"нүнтэ нэсузэн солтэдя - 'Когда пойдешь, увидишь пень'; Нукэгэ мелызыбу"нүни колы сүрүдя нягэй исүзе - 'Если заготовим

много рыбы, зимой хорошо будет'; Туйхү"нүнэ Хатэнэдя бэндя суаруне тусузэн - 'Когда приеду в Хатангу, соберутся все мои подруги'. Условно-деепричастные формы в этих примерах: дузүр-хү"-нү"-нүн", хиезыты-бу"-нүн-тэ, мелызы-бу"-нүн-ни, туй-хү"-нүн-э.. Их структура, как видим, следующая: основа глагола + аффикс условного деепричастия + аффикс -нү/-нүн + лично-притяжательный аффикс 2-го типа.

Семантика аффикса -нү/-нүн, занимающего место между деепричастным и лично-притяжательным аффиксами, неясна. По утверждениям носителей языка, формы с этим аффиксом имеют оттенок желательности. Роль этого аффикса и его семантика тем более интересны, что он встречается также в составе еще одной аналитической конструкции, конкретнее - в структуре условно-деепричастной формы от вспомогательного глагола ися. Вся конструкция состоит из причастия на -туо от бытийного глагола ися и формы причастия несовершеншего действия с аффиксом -мэзума"а/-мэзума"а от основного глагола и имеет временное значение⁵. Например:

Сүрүтону сарами тагомэзума"а ичүтэ, хиезытыкуми меригэй - 'Пока снегом не занесло дорогу, поедем быстрее (досл.: снегом дорога не занесенная-еще будучи...)'. Аналитическая конструкция выступает в роли зависимого сказуемого. В определенных случаях вспомогательное причастие заменяется условно-деепричастной формой от глагола ися: Нэндуи някэлэмэзума"а ихү"нүнтэ нэтаруптузе идитатэ - 'Прежде чем купить лодку, покажи ее своему дяде (досл. лодку не-купивший еще будучи-если-ты...)' ; Мелызыматыме"а ихү"нүнэ, нисызем ту" - 'Пока не сделаю, не придут'.

Аффикс -нү/-нүн занимает в структуре условно-деепричастной формы позицию за деепричастным аффиксом. Предложенные нами переводы несколько условны, поскольку семантика аффикса нам не совсем ясна. Носители языка и в этих конструкциях настойчиво подчеркивали модальный компонент. Наиболее убедительным доказательством этому является то, что наши информанты категорически отрицали возможность употребления аффикса -нү/-нүн в сочетании с глаголом 'умирать', так как, по их утверждению, это означало бы 'желание умирать'.

В нганасанском языке существует также некоторое количество модальных слов, например, мынту 'можно', эку 'вероятно', няндыты 'кажется', нэндиай 'видимо', минтягэны 'может быть', напри-

мер: Вена^ау няидыты - 'Устал-ты, кажется'; Нэндиай куодүму ичүо - 'Парень это, по-видимому'; Нэндиай, биаидиэ - 'Видимо, уехал-он'; Нусэе дялы ниндатыэ сочела^а нэндиай - 'За один день не сошло, по-видимому'; Кундагэй нэндиай - 'Спят-они-двое, наверное'; Мэнэ сындарырем бубу^ану^а нятэй нэндиай - 'Я думаю, что ехать нам хорошо, по-видимому'.

Некоторые из этих слов могут присоединяться к основам глагола, входя в глагольную словоформу: Нилыэкытымы - 'Живем, по-видимому'; Здесь нилы - основа глагола нилы-ди 'жить', -ты - аффикс продолжающегося действия, -мы - личный аффикс глагола I л. мн.ч. Модальный показатель эку 'вероятно' занимает позицию между основой глагола и грамматическими показателями. Туо^аэку - 'Вышел, по-видимому, он'; Мэнэ тў эку - 'Мой костер, по-видимому'.

Невозможность может быть передана сочетанием основы знаменательного глагола с основой глагола мынту-дя 'мочь' и с оценочным словом нэркуо 'плохо', например: Хиэзытымынту намбэм - 'Я не могу идти (досл.: идти-мочь плохо-мне)'.

В этой конструкции мы наблюдаем характерное для нганасанского языка явление - личные показатели глагола присоединяются не к глагольной основе, а к оценочному слову нэркуо. При этом происходит характерное для нганасанского языка чередование: нэркуо + личный аффикс глагола I л.ед.ч. - м, в результате чего словоформа получает вид: намбэм.

Итак, в нганасанском языке существуют такие конструкции, модальное значение которых, по-видимому, ничем не отличается от тех значений, которые, как было показано выше, выражаются формами наклонений. Агглютинативный строй исследуемого языка позволяет более свободно варьировать модальные аффиксы по формам в составе глагольной парадигмы. Поэтому проблема объективной и субъективной модальности в нганасанском языке не может ставиться так, как она ставится в индоевропейстике. В агглютинативных языках нельзя резко противопоставлять эти типы модальности. Нет таких объективных признаков, которые позволили бы "развести" набор приемов выражения модальности - да и никакой необходимости в этом нет.

Для выражения различных оттенков модальности в нганасанском языке существуют следующие возможности: 1) наклонения глагола; 2) аналитическая конструкция со значением нереального условия; 3) модальные глаголы; 4) модальные слова; 5) сочетания условно-

деепричастной формы с оценочными словами; 6) сложная конструкция с условно-деепричастной формой; 7) аналитическая конструкция с условно-деепричастной формой.

Наряду с перечисленными способами в нганасанском языке есть еще ряд аффиксов, имеющих модальную семантику, в частности, аффикс -нў/-нўн, роль и точное значение которых требует дополнительных исследований.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1946, с. 731.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды ин-та русского языка. АН СССР. М.-Л., 1950.
3. Терещенко Н.М. Нганасанский язык. - Л.: Наука, 1979. Коваленко Н.Н. Инфинитивные глагольные формы в системе зависимой предикации (на материале нганасанского языка): Автореф.дисс. ... канд. филол.наук. - М., 1984.
4. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945, с. 263.
5. Коваленко Н.Н. Об одном аналитическом способе выражения зависимого предиката в осложненном нганасанском предложении. - В кн.: Аналитические средства связи в подпредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 103-110.

МОДАЛЬНОСТЬ ЗАВИСИМОГО СКАЗУЕМОГО И КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В ЭВЕНИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В модальной семантике зависимой предикативной единицы (далее ЗПЕ) можно выделить парадигматические и синтагматические обусловленные компоненты. Первый (назовем его собственным модальным значением ЗПЕ) "унаследован" ею от исходного независимого предложения. Второй обусловлен типом синтаксического отношения ЗПЕ к главному предложению. Перейдем к их анализу.

Собственное модальное значение ЗПЕ отчетливо проявляется в причастных конструкциях в силу непосредственной парадигматической соотносительности спрягаемого причастия с собственно глагольной формой и наличия в его структуре показателя этого значения.

В деепричастных конструкциях этот компонент модальной семантики в типичных случаях не представлен. Исключение, хотя и очень своеобразное, представляет значение косвенного побуждения, коррелятивное прямому побуждению независимого императива.

Ниже собственное модальное значение ЗПЕ будет рассмотрено параллельно с модальностью исходного независимого предложения (категорией наклонения).

Категория модальности характеризует отнесенность высказывания к действительности с качественной стороны и проявляется в оценке его содержания как реального, т.е. соответствующего действительности, или ирреального, т.е. несоответствующего действительности.

Для нашего понимания модальности важны следующие две посылки. Во-первых, не только ирреальность, но и реальность есть общее понятие, представленное рядом частных модификаций, различающихся степенью проявления у них этих значений¹. Во-вторых, между реальностью и ирреальностью нет отношений взаимного исключения: модальное значение высказывания может складываться из элементов (модификаций) того и другого.

Таким образом, иерархию модальных значений можно представить как результат движения воображаемого разделителя по шкале "реальное – ирреальное" от одной крайней позиции (макси-

мальная область реального – минимальная область ирреального) до другой, противоположной. Очевидно, что чем шире выделяемая на той или иной ступени область реального или ирреального, тем слабее соответствующее значение. Собственно (абсолютно) реальное и ирреальное проявляются лишь на двух полюсах шкалы как свойства предельно узкого класса структур. В середине шкалы находятся слабые, смешанные типы. Большая часть модальных значений независимого предложения адекватно, хотя и с нейтрализацией некоторых различий, передается на уровне зависимой предикации. Ниже эта система будет рассмотрена в её независимом и зависимом вариантах.

В независимом предложении первый ярус модальных значений обнаруживается в оппозиции побудительных – непобудительных предложений.

Дихотомия: императив – не повелительное наклонение отмечается исследователями языков разных типов². Наиболее радикально эта точка зрения проявляется в концепциях, исключающих императив из числа наклонений, "ибо императив и, шире, императивное предложение вообще не выражает какого-либо факта, который может оцениваться как реальный или нереальный"³. В.С. Храковский и А.П. Володин аргументируют свою точку зрения анализом фактов разных языков, подтверждающих глубокое отличие императива от других финитных форм глагола по важнейшим грамматическим характеристикам. Сопоставление зависимых трансформ императива и не повелительных наклонений, как будет показано, подтверждает это различие.

Однако, с нашей точки зрения, противопоставление "повелительное – не повелительное" наклонения не требует перенесения установленных границ этой категории. Наклонения обычно рассматриваются в грамматике в связи с модальностью. Но из-за неоднородности модальных значений при идентификации наклонений как единого класса грамматических форм удобнее опираться не на модальность, служащую основанием для дальнейшего членения (хотя само наличие этого признака как основы сравнения тоже служит интегрирующим фактором), а на тот признак, по которому наклонения как целостный класс финитных форм противопоставлены другим, инфинитным формам. Таким признаком является способность образовывать независимые вы-

сказывание, т.е. иметь предикативное значение. С этой точки зрения (а она наиболее существенна) императив принадлежит наклонениям.

Характеристика же по типу модального значения – не самостоятельное, а вторичное свойство наклонений, поскольку в каждом высказывании не может не проявляться тот или иной устанавливаемый говорящим тип соотносительности к действительности. Можно говорить о принудительной модальной квалификации высказывания, и императив также не является здесь исключением. Значение императива принадлежит модальности: его содержание может быть оценено по признаку "реально – ирреальное", но не самим говорящим, а "со стороны". Роль же говорящего в модальной квалификации высказывания для всех наклонений можно определить не как "оценку" по признаку реальность – ирреальность, а как "установление" определенного отношения предписываемого признака к его носителю.

В то же время, хотя мысль о позиции императива вне наклонения является спорной, противопоставление "императив – повелительные наклонения", основанное на коренном различии их функций, вскрывает основное различие финитных форм. В его основе – противопоставление и р е а л ь н о с т и побуждения и, шире, волеизъявления, выражаемых императивом, р е а л ь н о с т и или самого действия, или его различных модификаций, выражаемой формами других наклонений, общий компонент значений которых в контексте этого исследования может быть определен как "о т р а ж е н и е": этот термин достаточно точно передает их свойство "отражать" реальную действительность, понимаемую шире, чем реальное осуществление. К тому же он передает объективность семантики самого наклонения без элементов, привносимых речевым актом (ср. "констатация", "утверждение").

Очевидно, что реальность понимается здесь предельно широко: как соответствие содержания высказывания какому-либо явлению действительности, будь то осуществляемое действие или лишь обусловленная чем-то возможность его осуществления.

В соответствии с предельно широким пониманием признака реальности в языке остается лишь минимальный класс собственно ирреальных, т.е. не отражающих ничего в реальной действительности структур. Это побудительные предложения. Перейдем к их анализу.

1. Универсальный признак императива и побудительного предложения в целом – отнесенность его содержания к плану будущего. В рамках этого общего значения эвенкийский императив дифференцирован по времени: есть формы ближайшего и отдаленного будущего. Однако время императива не является полноценной грамматической категорией, поскольку, во-первых, обе парадигмы обозначают действие, локализованное по одну сторону от момента речи и, стало быть, не образуют четкой оппозиции⁴, и, во-вторых, выражаемое императивом гипотетическое действие не может иметь темпоральной характеристики в собственном смысле слова⁵.

2. Временные различия двух парадигм осложняются различиями по степени категоричности побуждения: формы ближайшего будущего более категоричны, чем формы отдаленного будущего⁶. Существенны также различия, связанные с отнесенностью побуждения к тому или иному лицу: очевидно, что формы 2 л., отражающие непосредственную отнесенность к исполнителю действия, более богаты оттенками, чем формы 1 и 3 л. Например:

Аскэл! – 'Спи! (немедленно)'; Кэ, бэе, минэ уипкэл дябдуйи (Хант.) – 'Эй, мужик, посади меня в свою лодку'; Нэку, уркэви никэл (Накл) – 'Братец, открой дверь'; Минду ороконо одави – 'Сделай мне игрушку (когда-нибудь, вообще)'.

Существуют также особые побудительно-предостерегательные формы, относящиеся только ко второму лицу: Эденэ бинэ тэрэрэ, энэ миннун гокчанмура (Хант.) – 'Если не можешь выдержать, (смотри) не состязайся со мной'.

3. Категория лица в независимом побудительном предложении передает не только персональное значение, как во всех других типах предложений, но и характер самого волеизъявления, для которого существенно, направлено ли оно на собеседника, на лицо, отстраненное от коммуникации, или на самого говорящего. Каждая из личных форм императива противопоставлена другим своим собственным оттенком волеизъявления, однако наиболее глубоким является противопоставление формы 1 л. ед.ч. всем другим формам⁷. 1-е л. обозначает не собственно побуждение как воздействие на потенциального деятеля со стороны, а намерение говорящего совершить действие, в то время как 2-е и 3-е л. выражает именно побуждение: прямое (2-е л.) или опосредованное (3-е л.). Близость 2-го и 3-го л. и их противоположность 1-му

лицу подтверждается их зависимыми трансформами (см. ниже).

Семантический синкретизм лица и наклонения проявляется в синкретизме формообразующих аффиксов: 1 л. эмэ-ктэ, 2 л. эмэ-кэл, 3 л. эмэ-гин и т.д., которые поддаются только этимологическому членению.

4. Для предложений с субъектом 1-го и 2-го л. наиболее типична односоставная структура предложения. Предложения же с субъектом 3-го л., по нашим наблюдениям, в этом отношении каких-либо особенностей не имеют по сравнению с предложениями других типов – они двусоставны, хотя ясное из контекста подлежащее обычно опускается:

1) Кэ, бэе, рокчаннат! (Хант.) – 'Друг, давай соревноваться!'; 2) Эр хи олдои хуски гакал (хант.) – 'Эту рыбу ты себе назад бери'; 3) Еенилде кухикиттулэвр эмэмил, мунэ алатчэктын (Хант.) – 'Пусть твои люди, придя на место боя, ждут нас'.

Предложение 1 с субъектом 1-го л. мн.ч. – односоставное; (2) – с субъектом 2-го л. ед.ч. – двусоставное (случай нетипичный); (3) – с субъектом 3-го л. мн.ч. – двусоставное полное.

На уровне зависимой предикации независимому побуждению соответствует опосредованное, косвенное.

Для выражения косвенного побуждения употребляется единая форма: деепричастие цели с аффиксом -да, имеющее в этом случае императивно-изъяснительное значение.

Проследим, как проявляются у побудителей ЗПЕ свойства, отмеченные у её независимого коррелята.

1. Сохраняется свойственная независимому предложению временная перспектива, которая проявляется однако не по отношению к моменту речи, а по отношению к главному действию, т.е. имеет относительную ориентацию:

1) Нунан окира-да Дригорейва ханнуктадячан, хунатви нунан-дун бу-дэ-н (ЭТ, 7) – 'Он много раз просил Григория, чтобы тот отдал ему дочь'; 2) Хутэви зетчэдэрэн бэлэ-дэ-н (Нак.) – 'Просит сына, чтобы помог'; 3) Тэдэвнэктэ, синду аяла тэткэлэ бу-дэ-тын (ИЭ, 130) – 'Предупрежу, чтобы дали тебе хорошую одежду'.

В предложении 1 второстепенное действие должно следовать за главным в плане прошлого, в (2) – настоящего, в (3) – будущего.

Степень удаленности второстепенного действия от главного не находит какого-либо выражения, аналогичного выражению темпоральных различий независимого императива. Можно полагать, что любое зависимое побуждение осознается как достаточно удаленное в силу своей опосредованности.

2. В значительной мере теряется отмеченная у независимого предложения специфика категории лица: опосредованный характер побуждения снимает особую чувствительность модального значения к персональности. Все лица "уравниваются в правах" в качестве объектов пересказываемого побуждения. Исчезает структурно-семантический синкретизм формообразующего аффикса: модальность и лицо выражены отдельными показателями, словоформа имеет обычную, трех-компонентную, а не двухкомпонентную структуру. Сравним: эмэ-кэл 'подойди', эмэ-дэ-с 'чтобы ты подошел'.

Формы на -да могут иметь возвратные и личные показатели лица в зависимости от совпадения или несовпадения второстепенного субъекта с главным. В этом они, на первый взгляд, не отличаются от других, непобудительных ЗПЕ. Сравним:

1) Аким гучэ, би молахин-да-в – 'Брат сказал, чтобы я пошел за дровами // Аким улгучэнэн би молахин-на-ва-в – 'Брат рассказал, как я ходил за дровами'.

2) Аким молахин-да-ви некэрэн – 'Брат собрался пойти за дровами // Аким молахин-на-ви улгучэнэн – 'Брат рассказал, как он ходил за дровами'.

В (1) и (2) приведено по два предложения: с деепричастием на -да и причастием в вин.п. Если в (1) значение лица в зависимых сказуемых не имеет каких-либо различий, то в (2) одно и то же возвратное оформление служит разным целям. И иначе: возвратная и личная формы причастий различаются только лицом субъекта, а возвратная и личная формы деепричастия на -да образуют разные конструкции. Специфический характер связи побуждения и лица дает о себе знать и в ЗПЕ, что исключает полную аналогию побудительных и непобудительных конструкций в отношении лица. Остановимся на этом подробнее.

Возвратные формы деепричастия на -да свидетельствуют о моносубъектности второстепенного и главного действий и, стало быть, соответствуют независимому императиву 1-го л. Сравним:

Кэ, хуру-ктэ! - 'Ну, пой-ка!//Хуру-дэ-ви некэрэн -Собрался уходить'.

Это соответствие объясняет употребление возвратных форм на -да при модальных глаголах намерения, готовности (некэ-, иты-га- 'собраться', дялдат- 'вздумать'), т.е. в конструкциях, не являющихся ни полипредикативными, ни собственно побудительными: ведь и императив I-го л. выражает, как отмечалось, не побуждение в собственном смысле слова, а намерение говорящего совершить действие.

Не случайна, разумеется, и несочетаемость - или слабая и, вероятно, не исконная сочетаемость - формы на -да с модальными глаголами отрицательного отношения к действию: алба-, дуп- 'не мочь', ба- 'не хотеть', мулли- 'не уметь'. При них знаменательный глагол принимает форму деепричастия на -ми⁸. Сравним:

1) Вел итыгалда нулгихин-дэ-вэр - 'Люди стали собираться откочевать'; Хулаки дялдаттэн улекит-тэ-ви амаканми - 'Лиса задумала обмануть медведя'.

2) Дялви бадере эду уриндеми - 'Мои родители не хотят здесь останавливаться'; Этыркэн албадьяран эмукин инде-ми - 'Старик не может жить один'.

Личные же формы деепричастия на -да выражают косвенное побуждение в собственном смысле слова: как воздействие со стороны главного субъекта - и поэтому коррелятивны формам 2-го и 3-го л. независимого императива. Последние свободно трансформируются в зависимую форму любого лица, можно говорить лишь о частотности, предположительности того или иного соответствия. Можно, например, ожидать, что независимая форма 3-го л. чаще всего коррелирует с зависимой 2-го л. Например: Дюлави эмэ-гин! - Пусть он идет домой// Эне гучэ, дюлави эмэ-дэ-с - 'Мама сказала, чтобы ты шел домой'. Но это не принципиально.

Схема корреляции зависимых и независимых форм побуждения:

Зависимая форма	независимые формы	зависимые формы
эмэдэви (некэрэн)	1 л. эмэктэ приду-ка!	эмэдэв чтобы я пришел
(решил) прийти	2 л. эмэкэл приди!	эмэдэс чтобы ты пришел
	3 л. эмэгин пусть придет	эмэдэн чтобы он пришел

Как видим, противопоставление I-го л. и 2-му и 3-му л. независимого императива подтверждается глубоким формальным различием их зависимых коррелятов.

Во мн. ч. соотносительность в основном та же. Особое внимание следует обратить лишь на включающую форму I-го л. на -гат: хуругэт! - пойдём! В ЗПЕ ей соответствует, нашей точки зрения, форма деепричастия с возвратным аффиксом мн. ч. - вэр, обозначающая действие как объект взаимной договоренности: улгучэмэтчэл хуру-дэ-вэр - договорились пойти.

3. В связи с выравниванием категории лица в бисубъектных побудительных конструкциях утрачивается и специфическая для исходных независимых предложений односоставность: наличие подлежащего в побудительных ЗПЕ регулируется правилами, общими для всех бисубъектных предложений. Чаще всего субъект выражается дополнением при глаголе речи, а подлежащее ЗПЕ опускается:

1) Шаманэ ипкэре, яя-да-н (Ф, 34) - Шаману велели, чтобы (он) погадал; 2) Нирул алтачилла эвэнкилвэ, улукие ва-да-тын (ИФЭ, 140) - Русские друзья стали уговаривать эвенков, чтобы (они) добывали белку; 3) Долбо нунандулан эмэрэ чанитыл, ... тадук бэрилдивэр мэдэвкэчиллэ, Нургэвул ю-да-н (ИФЭ, 152) - Ночью к нему пришли разбойники и луками предупредили, чтобы Нурговуль вышел.

В (1) и (2) субъект назван дополнениями, а ЗПЕ имеют неполную структуру. В (3) субъект выражен зависимыми подлежащими, ЗПЕ имеет полную структуру.

Возвратные же формы деепричастия на -да в сочетании с модальными глаголами образуют сказуемое простого предложения⁹.

4. Степень категоричности побуждения, выражаемая в независимом предложении как грамматическими (I и II парадигмы императива), так и другими средствами непосредственной коммуникации, прежде всего интонацией, в ЗПЕ никак не выража-

кации, прежде всего интонацией, в самой ЗПЕ никак не выражается, зато предельно эксплицитно передается лексическими значениями глагола речи: гун- говорить, тэпкэ- крикнуть, ипкэ- приказать, этэет- просить, алтат- упрекать и др. Например:

1) Матакылтын гучэтын тэгэи ирэмэхиндэтын (Эк.) - Их соседи сказали, чтобы завтра (они) приходили в гости; 2) Тар, дывакса, акинны эмэдэн, тэпкэливки (ИФЭ, III) - Тот, схватив, закричал своему брату, чтобы (он) подошел; 3) Симонов долдывки, муна хэнкэчилилки, эдэун иличирэ (Нак.) - Симонов услышал, стал нас ругать (кричать), чтобы мы не трогали; 4) Эдес нэнэре эчим (Ф.) - Прощу, чтобы (ты) не шел.

Деепричастие с возвратным аффиксом мн.ч., коррелятивное независимой включающей форме I-го л.мн.ч., сочетается с глаголами речи в форме взаимного или совместного залогов (аффикс -мат, -лди), способствующей проявлению семантики взаимной договоренности:

о 1) Тадук тарил киндыгирил гу-мат-тэ туги валдавер сама-вирбэ (ЭФ, 228) - Тогда те киндыгиры договорились начать убивать самагиров; 2) Нунартын тэру-лди-рэ бидектулэвэр эмэдэ-вэр дьллалы (Ф., I7) - Они договорились прийти на старое место через десять дней; 3) Таре тэгэ екэдыт хэнкэт улгучэ-эт-чэвки, Утышкава ва-да-вэр (ИФЭ, I48) - Эти люди по-якутски договорились убить Утышку.

Категоричность косвенного побуждения здесь нейтральна,

Перейдем теперь к анализу непобудительных наклонений. Общий компонент их значения, противопоставленный побуждению, мы называли "отражением". Можно было бы использовать более употребительное слово "констатация", однако в последнем сильна налет субъективности, связанный не с самим наклонением, а с его реализацией в речевом акте, прежде всего с интенцией сообщения. Термин же "отражение" передает объективный, т.е. независимый от целевой установки, характер семантики наклонений.

Отражающие наклонения неоднородны по степени реальности - нереальности. Прежде всего необходимо отделить наклонение вероятности, значение которого не может быть рассмотрено в одном ряду (на одной шкале) с другими в силу их неоднородности: данная классификация осуществляется по объективно-модальному значению, а наклонение вероятности передает субъективно-

модальное. Его место в системе наклонений будет рассмотрено ниже.

Противопоставление объективно-модальных наклонений по степени реальности-ирреальности будет более наглядным и доказательным, если рассматривать их аналитические формы, поскольку они, посредством развертывания, эксплицитно передают грамматические значения, не имеющие формальных показателей и потому скрытые у свернутых, синтетических, форм.

Исследование аналитических форм выявляет две оппозиции, в основе которых - два вида различий в их образовании: в оформлении вспомогательного глагола и знаменательного причастия.

Различия в оформлении вспомогательного глагола не случайно поставлены на первое место. Значения вспомогательного глагола и причастия расходятся не столько по содержанию, сколько по характеру представления этого содержания. Значение причастия более самостоятельное и, следовательно, более лексично. Вместе с лексическим значением основы оно описательно передает действительную характеристику субъекта, а вспомогательный глагол устанавливает тот или иной тип ее отнесенности к действительности, выполняя собственно предикативную функцию. Более важной является и строевая роль вспомогательного глагола, устанавливающего прямой контакт с подлежащим "через голову" причастия: би эмэч бисим - пришедший есмь. Поэтому значение вспомогательного глагола более важно в грамматическом, а причастия - в информативном отношении¹⁰.

Оппозиция по форме вспомогательного глагола представлена двумя неодинаковыми по объему противочленами, у которых 1) вспомогательный глагол имеет форму своего наклонения, 2) вспомогательный глагол имеет общую форму индикатива, а индивидуальное значение наклонения, давшее ему название, выражено причастием. Очевидно, что у форм I разряда их собственное модальное значение является более грамматическим, чем у форм 2 разряда. К первому относится сослагательное наклонение, ко второму - все остальные, которые можно обозначить термином "индикатив" (в широком смысле). Оба противочлена можно охарактеризовать по двум признакам: изменяемость по временам и корреляция с зависимым трансформом. Рассмотрим их подробнее.

К индикативу (в широком смысле) относится группа наклоне-

ний с одним компонентом семантики: отражение объективного, ничем не обусловленного наличия обозначенного причастием действительного признака со всеми его реальными и ирреальными вариациями. Эти наклонения характеризуются также следующими важными свойствами:

1) свободная изменчивость по времени посредством синтетического формообразования и (или) аналитического "формоизменения":

Сравним:	
<u>синтетические формы</u>	<u>аналитические формы</u>
эмодерен 'приходит'	эмэчэ (эмэмэчин, эмэденэ...) (бисин)
эмэчен 'пришел'	эмэчэ бэмэмэчин, эмэденэ...) (бичэн)
эмэденэн 'придет'	эмэчэ бэмэмэчин, эмэденэ...) биденэн

2) способность трансформироваться в коррелятивную форму зависимого спрягаемого причастия (см. ниже).

Сослагательное наклонение противопоставлено индикативу и, таким образом, является самым ирреальным из всех непобудительных наклонений. Оно отражает обусловленность наличия предписываемого субъекту действительного признака другим действием. Сослагательное наклонение характеризуется также следующими признаками:

1) слабая изменчивость по временам вследствие негибкости аналитических форм: вспомогательный глагол в форме сослагательного наклонения по временам не изменяется, а позиция знаменательного компонента свободно замещается лишь атрибутивным причастием прош.вр. с аффиксом -ча: дуку-ча би-мчэ-в пришедший был бы'. Это создает возможность ограниченного темпорального "маневрирования" при образовании условных конструкций: эрирекис, эмэ-мчэ-в 'если бы позвал, я бы пришел (в будущем); эрирекис, эмэчэ би-мчэ-в 'если бы позвал, я бы пришел (но ты не позвал и я не пришел).

2) Неспособность трансформироваться в коррелятивные формы зависимых наклонений. Это свойство обусловлено основной функцией сослагательного наклонения - обозначать главное действие, обусловленное второстепенным.

Оппозиция по форме знаменательного причастия охватывает только индикатив (в широком смысле). В ее основе - противопоставление собственно индикатива (знаменательное причастие

- форма времени, вида) несобственно индикативу (знаменательное причастие - форма ирреальной модальности).

Несобственно индикатив - это наклонения долженствовательное I, (аффикс -мачин), долженствовательное II (аффикс -нат), возможности (аффикс -длна) II, отражающие реальность долженствования, возможности. Например:

Хунадив химат мучу-мачин долайи - 'Моя дочь скоро должна вернуться домой'; 2) Би бусэдэри гиркийи эмукин э-нэты-в эмэ-нэ - 'Я не должна оставлять одного своего больного друга'; 3) Дэруми, э-денэ туктырэ биденэс тар урэвэ - 'Если устанешь, не сможешь подняться на ту гору.

Долженствовательные наклонения имеют как простую, так и аналитическую форму, наклонение возможности - только аналитическую.

Все наклонения несобственно индикатива не поддаются дальнейшему иерархическому членению: они однородны по количественному соотношению реального и ирреального и, следовательно, соответствуют одной ступени иерархии. Различаются они только качественной спецификой своего значения.

Собственно индикатив (изъявительное наклонение) обозначает реально осуществляемое действие в плане прошедшего, настоящего и будущего. Это неделимая область абсолютно реального, противопоставленная императиву как абсолютно ирреальному.

За пределами представленной здесь системы осталось наклонение вероятности. Рассмотрим его подробнее.

Наклонение вероятности объективно-модальным компонентом значения тождественно изъявительному, поскольку оно обозначает само осуществляемое действие, а не его возможность или необходимость. Отсюда и наличие синтетических временных форм с аффиксом -на, -рка, -ргу: дуку-на-м 'наверное, пишу (только что написал)', дуку-рка-в 'наверное, написал', дуку-ргу-м 'наверное, обычно пишу'.

Отличается наклонение вероятности от изъявительного субъективно-модальным компонентом значения: изъявительное обозначает действие как объективный факт, который говорящим не интерпретируется, а наклонение вероятности - как факт, предполагаемый говорящим. Сказанное относится и к формам этих наклоне-

ний от глагола би-: бисим, бичэв '(я) есмь, был'; бинэм, биркэв '(я), наверное, есмь'; наверное, был'.

Обращает на себя внимание свободная сочетаемость тех и других с причастиями. Сравним:

- 1) дукуча (дукувки, дукумачин, дукунат, дукудяна) бисим, бичэв
- 2) дукуча (дукувки, дукумачин, дукунат, дукудяна) бинэм, биркэв¹².

Формам других ирреальных наклонений такая сочетаемость не свойственна: конструкции типа эмэ-денэ би-мачин 'должен быть могущим прийти' искусственны.

Сопоставление широкого индикатива с соответствующими формами наклонения вероятности, простыми и в сочетании с причастиями, показывает, что значение реально осуществляемого действия, а также его возможности и долженствования передаются в двух вариантах:

с нулевой (индикатив) и маркированной (наклонение вероятности) субъективной оценкой: дуку-вки бисим (бинэм) 'пишущий есть (наверное, есть); дуку-мачин бисим (бинэм) 'должный писать есть (наверное, есть)'.¹³

Таким образом, формы наклонения вероятности и образуемые ими сочетания с причастиями представляют дополнительный субъективно-модальный ярус наклонений индикатива. Мы оставляем в стороне вопрос о морфологическом или синтаксическом статусе конструкций типа дукумачин биркэв 'должный писать, наверное, есть'. Более вероятным представляется второй вариант: трудно представить, чтобы две формы ирреальной модальности дали морфологическое единство (аналитическую форму "долженствование-вероятностного" наклонения). Разрешение этого вопроса требует отдельного исследования¹³.

Анализ системы наклонений показывает, что различия между 1) повелительным, 2) сослагательным, 3) долженствованием и возможностью, 4) вероятности и 5) изъявительным наклонениями лежит не в одной плоскости и что так называемые ирреальные наклонения неоднородны и характеризуются разным в количественном и качественном отношении сочетанием реального и ирреального.

Модальное значение как собственно, так и не собственно индикатива находит адекватное отражение в ЗПЕ. Субъективно-мо-

дальный компонент семантики этих наклонений, выраженный наклонением вероятности, в ЗПЕ не переходит в силу своей привязанности к акту непосредственной коммуникации и к говорящему, точку зрения которого он выражает.

Сказуемое ЗПЕ, выраженное предикативным причастием, сохраняя модальное содержание исходной формы наклонения, передает его "в снятом виде", без яркой субъективности, которая обусловлена чрезвычайной актуальностью для говорящего его высказывания. Интересное наблюдение в этой связи сделал В.А.Аврорин, противопоставивший глагол и причастие в нанайском языке по признаку "субъективной оценки со стороны говорящего". Приведем этот важный фрагмент полностью:

"Специфическая особенность категориального значения глагола заключается в том, что оно представляет собой не простую констатацию факта наличия или отсутствия процесса действия, при котором говорящее лицо ничем не выражает своего отношения к этому факту, является как бы пассивным и бесстрастным его регистратором (что характерно для значений причастия и деепричастия), а такое обозначение действия, которое связано с оценкой степени достоверности, возможности и желательности с точки зрения говорящего лица, т.е. с установлением говорящим лицом определенного отношения между действием и действительностью. Этот оценочный момент, неизбежно присутствующий в значении любой - собственно глагольной формы нанайского языка, находит свое грамматическое выражение в категории наклонения, которая и является наиболее характерной, всеобъемлющей и обязательной грамматической категорией нанайского глагола, резко отграничивающий его от всех остальных частей речи, в том числе - от причастия и деепричастия"¹⁴.

Мы не располагаем данными о большей или меньшей субъективности глагольных форм в функции сказуемого простого предложения, которые в тунгусоведении все относятся к наклонениям, однако сопоставление одного и того же модального значения у независимого и зависимого сказуемого полностью подтверждает мысль В.А.Аврорина.

Специфика, связанная с зависимым употреблением, усматривается нами также в некотором сдвиге отношения к говорящему: если в независимом предложении тип модального значения устанавливается говорящим, то в ЗПЕ он соответствует представле-

нию об отношении действия к действительности не только самого говорящего, но и главного субъекта.

Между формообразующими аффиксами наклонения и замещающего его причастия наблюдается либо тождество, либо закономерное соответствие. Сравним:

1) Эдылэви мучу-мачин - (Она) должна возвращаться к мужу // Эдэ эдылэви мучу-мачин-ми дэнакин, Анка меванин энэливики (ЭТ, II) - только Анка вспомнила, что должна возвращаться к мужу, у нее заболело сердце; 2) Хутэвэ балды-наты-в, сохувэ ирги-нэты-в - Я должна (мне предстоит) родить детей, развести скот // ... хутэвэ балды-нат-на-в, сохувэ ирги-нэт-пэ-в мохотаснада эмэчэ бирдэгин (ФЭЯ, I65) - Вероятно, ты пришел, чтобы помешать (тому, чтобы) я родила детей, развела скот; 3) Энтылвэн бөөл ва-ча-тын - Его родителей (чужие) люди убили // Тар этыркэн хилбаран энтылбэн бөөл ва-нэ-вэ-тын (Хант.) - Старик сообщил, что его родителей (чужие) люди убили; 4) Тар мурлахэл хуктывденэл дагамадьяра - Те всадники приближаются // тар мурлахэл хуктывденэл дагамадья-ри-ва-тын ичэ-нэл нэлэлэ (Нак.) - Увидев, как приближаются всадники, испугались.

В (1) и (2) формообразующие аффиксы причастия совпадают с аффиксами соответствующих независимых форм, а в (3) и (4) заменяют их, образуя соответствия: -ра/-ри, -ча/-на.

Формальное тождество характерно для менее частотных форм, прежде всего для ирреальных наклонений, а корреляция - для основных форм индикатива: настоящего и прошедшего времени.

Вероятно, поскольку формы индикатива значительно более частотны, чем ирреальные наклонения, то свойственная эвенкийскому языку тенденция размежевания предикативных форм по признаку "независимое - зависимое употребление" оказалась у них более продвинутой.

Модальная характеристика ЗПЕ определяется не только собственным модальным значением спрягаемого причастия, "унаследованным" от исходного финитного глагола, но и влиянием внешних факторов: характера смысловых отношений с главной частью, лексической семантикой и оформлением доминирующего глагола.

Синтаксически обусловленный компонент модального значения (реальный и ирреальный) есть у причастных и деепричастных конструкций. Синтаксическая реальность является нулевой. В

причастных ЗПЕ она проявляется в "прозрачности" для их собственного модального значения, которое предстает в чистом, синтаксически не осложненном виде: самолет дэгил-нэ-вэ-н (дэгил-мэчин-мэ-н, дэгил-денэ бисивэн) сарэн - 'Знает, что самолет улетел (должен улететь, может улететь)'.¹

Синтаксически обусловленная ирреальность в причастных конструкциях связана с представлением о действии как о гипотетическом акте, возможное осуществление которого относится обычно к плану будущего. Для ее выражения используются причастия на -ри, реже -дяна. Например:

1) Улапкун урэксэвэ нэ-денэ-дук-пи хулдава нэм (Эк.) - Вместо того, чтобы класть мокрую шкуру, положила одеяло; 2) Хурурэкив эду биде-ри-дук аятмар (Эк.) - Лучше уехать, чем оставаться здесь; 3) Улгучэкэл энинды э-хи-ди-н долдыра (Хант.) - Рассказывай так, чтобы твоя мать не слышала; 4) Амака алагулчан хутэви адага-ри-ду-н - Дед стал учить внука увертываться (от стрел).

Модальное значение деепричастных конструкций определяется прежде всего типом синтаксических отношений. Большинство деепричастий выражают временное значение, которое опирается на реальную модальность ЗПЕ. Ирреальная модальность связана со значениями цели, условия, некоторыми разновидностями изъяснительного значения:

1) Бее ахикун хутэвэр эмэврэ, этэет-тэ-н, умукэн ахиду (Хант.) - Мужчина с женой принесли ребенка одной женщине, чтобы постерегла; 2) Би ю-дэ-в экуна-вал ухикэнэ тыкивкэллу (ФЭЯ, I7) - Опустите какую-нибудь веревку, чтобы я вышел; 3) Хуркэкэн адымат ичэчипки, э-дэ-н туксанмура (Хант.) - Парень внимательно следит, как бы не убежали (коровы); 4) Нэлэтчэрэ, э-дэ-вэр ваврэ (ИФЭ) - Боится, как бы не убили; 5) Э-хики-с бурэ, бугавас сукчадинав (ИФЭ, 33) - Если не дашь, разорю твою страну; 6) Би хинду бэлэдем долэски, ай-даки-с (Хант.) - Я помогу тебе в будущем, если спасешь; Хутэвэв э-сики-с даянара, эмчэв демудерэ (ИФЭ, I76) - Если бы не спрятала моего сына, я бы не голодал (теперь).

В (1) и (2) ирреальная модальность обусловлена целевыми отношениями, в (3) и (4) - изъяснительными (опасение), в (5-6) - условными. В (I-6) ирреальность представлена как гипотетичность, осуществление второстепенного действия возможно в

будущем. В (7) ирреальность проявляется как нереализованная возможность осуществления действия в прошлом.

Особое место среди ирреальных значений депричастных конструкций принадлежит рассмотренному выше косвенному побуждению, которое является одновременно и собственным значением ЭПЕ (поскольку воспринято от исходной формы - императива), и ее синтаксически обусловленным значением (поскольку предполагается семантикой волеизъявления доминирующего глагола).

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1) Ср. замечание К.А.Новиковой, что наклонения служат "для обозначения различных степеней реальности высказывания": /Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. - Л., 1980. - С. 64/.

2. Анализ соответствующих точек зрения дан в кн.: Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. - Л., 1986. - С. 55.

3) Там же, с. 68.

4. Хасанова М.М. Повелительное наклонение в эвенкийском языке. - Л., 1986. - С. 14.

5. А.В.Бондарко относит временное значение императива к некатегориальным, т.е. несобственным, дополнительным значениям грамматических категорий: Бондарко А.К. Грамматическое значение и смысл. - Л., 1978.

6. Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. - Л., 1985. - С. 140; Хасанова М.М., с. 33.

7. Лебедева Е.П. и др., с. 140; Хасанова М.М., с. 25.

8. Константинова О.А. Эвенкийский язык. - Л., 1964. - С. 193; Лебедева Е.П. и др., с. 158; Певнов А.М. Депричастия на -ми в эвенкийском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук, Л., 1980. - С. 15.

9. Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. - М.-Л., 1966. - С. 125.

10. Сошлемся на мнение М.И.Стеблина-Каменского о соотносительности лексического и грамматического значений: лексическое - материал мысли, а грамматическое - форма мысли, с той лишь поправкой, что у нас речь идет не о лексическом, а о "менее грамматическом" значении (Спорное в языкознании. Л., 1974).

11. Состав ирреальных наклонений не одинаков в разных исследованиях. Так, в книге Е.П.Лебедевой и др. "Эвенкийский

язык" отмечается также будущее долженствовательное наклонение и не отмечается наклонение возможности, отмеченное Г.М.Василевичем.

12. Цинциус В.И. Сложные аналитические конструкции и аналитические формы глагола // Аналитические конструкции в языках различных типов. - Л., 1965. - С. 248; Лебедева Е.П. и др., с. 149-150.

13. Лебедева Е.П. и др., с. 146.

14. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. - М.-Л., 1961. - С. 100.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИФЭ	- Исторический фольклор эвенков. Запись текстов, перевод и комментарии Г.М.Василевич. - М.-Л., 1966.
ФЭЯ	- А.В.Романова, А.Н.Мыреева. Фольклор эвенков Якутии. - Л., 1971.
ЭТ	- Эвенки туренин. - Красноярск, 1960.
ЭФ	- М.Г. Воскобойников. Эвенкийский фольклор. - Л., 1960.
Нак.	- Материалы экспедиций автора в пос. Наканно Катангского района Иркутской области (1967, 1975 гг.)
Хант	- Материалы экспедиций автора в пос. Хантайское озеро Таймырского национального округа (1965, 1966 гг.)
Эк.	- Материалы экспедиции автора в пос. Эконда Эвенкийского национального округа (1967 г.)

УСЛОЖНЕННЫЕ ФОРМЫ ЗАВИСИМОГО СКАЗУЕМОГО
В БУРЯТСКИХ ТЕМПОРАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ
НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЙ СЕМАНТИКИ

Тот факт, что аспектуальные характеристики частей временной конструкции оказывают существенное влияние на семантику целого, неоднократно подчеркивался исследователями синтаксиса сложного предложения разных языков¹. В первую очередь это относится к конструкциям недифференцированной семантики – таким, которые в зависимости от лексического наполнения и грамматических характеристик частей могут иметь значения как одновременности, так и разновременности (предшествования или следования).

Закономерности появления аналитических форм аспектуальной, модальной и т.п. семантики в составе инфинитного зависимого сказуемого для бурятского языка изучены еще недостаточно: мы не знаем, одинаков ли круг этих форм для независимого сказуемого и зависимого, т.е. все ли подобные формы могут употребляться в обеих этих функциях, одинакова ли будет частотность, какова природа ограничений, если они есть, и т.д. Сейчас мы хотели бы рассмотреть довольно узкий круг конструкций, характеризующийся следующими признаками: во-первых, появление аналитических аспектуальных форм в их зависимом сказуемом меняет семантику связи по сравнению с неосложненным вариантом; во-вторых, сочетание аналитической формы с определенным показателем связи является устойчиво воспроизводимой цепочкой. Это конструкции с усложненным сказуемым =ха гэ=жэ, =н гэ=хэ=дэ, =ха гэ=хэ=дэ, =д гээд, =н гээд.

В их составе имеются показатели связи – деепричастия "соединительное" на =жа и "разделительное" на =аад, а также причастно-падежная форма на =ха=да, выражающая общую временную соотношенность. Все они имеют достаточно широкое, недифференцированное значение – в частности, деепричастия эти практически выражают только наличие какой-то связи между событиями, а конкретный характер этой связи может быть не только временным, но и из серии обусловленности (причина и т.д.) – в зависимости от семантики соединяемых частей.

Аналитические формы в составе этих цепочек – это формы с

участием служебного глагола говорения гэ=: =ха гэ= со значением намерения (первый компонент – причастие будущего времени на =ха), =д гэ= со значением "неполноты, ограниченности действия"² (первый компонент – так называемое "мгновенное деепричастие") и =н гэ=, со слитным деепричастием на =н (семантика – "ожидаемой негативности действия"³). Рассмотрим названные цепочки подробнее.

1. Зависимое сказуемое вида =н гээд формирует конструкцию со значением "хотел было (начал было)...., но...", т.е. на темпоральное значение здесь накладывается уступительный оттенок:

Гүйн гээд унашаба (Цыд., 145) – Взялся бежать, но упал; Газаа гара=н гээд халтиржа унаба (БРС, 174) – (Он) вышел было на улицу, но поскользнулся и упал; Дуугара=н гээд, муртэй цумэ хэлэ-жэ шадабагүй (БРС, 174) – Стал было говорить, но не смог ничего путного сказать.

Интересно, что и К.М.Черемисов, и Ц.-Ж.Ц.Цыдыпов, рассматривая аналитическую форму =н гэ=, иллюстрируют её только примерами с участием всей цепочки =н гээд (их примеры приведены выше) и определяют её семантику, исходя из семантики конструкции в целом ("ожидаемая негативность действия" у Ц.-Ж.Ц.Цыдыпова; "стал было...., но..." в Бурятско-русском словаре). С нашей точки зрения, это только подтверждает спаянность всей морфемной цепочки в целом и заставляет задуматься о её отношениях с "исходным" деепричастием на =аад.

Что до аналитической формы на =н гэ=, то её семантика, видимо, несколько шире, поскольку имеется серия примеров с идиоматизированной цепочкой, включающей другой показатель связи – причастно-падежную форму =ха=да 'когда'.

2. Зависимое сказуемое вида =н гэ=хэ=дэ передает следование главного действия за зависимым, причем зависимое действие – это акт восприятия или "подготовка" к нему ('подошел и посмотрел', 'подошел'), а главная часть называет воспринимаемое событие или следствие восприятия, причем неожиданное для говорящего. При переводе таких фраз часто появляется звено 'оказалось, что..':

Харин һүүдэнь һари=н гэ=хэ=дэ, гартээ, орон соогоо хэбтэб (Ябж., 4) – Но потом, когда проснулся, (оказалось, что) я лежал дома в своей постели; Наймаагшанай хара=н гэ=хэ=дэ, тэрэ үндэгэинийн сула алтан байба (ГБН-2, 137) – Когда торгали пос-

мотрели, (оказалось, что) яйцо это было сплошь золотое; сравним также: Дугар шуна хара=н гэ=хэ=д=ээ, бүришье үбшэн хүн хэ-бэртэй янгархана, гөншэсэгээнэ (Бат., 16) – Когда Дугар увидел кровь (только Дугар увидел, стоило Дугару увидеть), как он хныкает, стонет с видом совсем больного человека.

Таким образом, форма =н гэ=, видимо, передает не только прерванность, незавершенность начатого действия, но и тот факт, что на данном действии обрывается предыдущее положение вещей и начинается новое, не ожидавшееся говорящим или субъектом состояние.

3. Конструкция со сказуемым вида =д гээд выражает непродолжительность зависимого действия и быструю его смену событием главной части:

Тэрэн хултага=д гээд, уруугаа харашана (Тум., ТБ, 51) – Он, побегав глазами, уставился вниз; ... анига=д гээд асууна (Тум., ТБ, 57) – Поморщившись, спрашивает; Удаань бага луу=д гээд, халсаржа ябаан хурьган хүнжэлээ тараажа, унтаридаа зохин оро-бо (Тул., 65) – Потом, немного приподнявшись (букв.: присев), натянув одеяло из облезших ягнячьих шкур, снова заснул.

4. Следующие два идиоматизированных зависимых сказуемых – с участием аналитической формы намерения =ха гэ=. С показателем =ха=да цепочка =ха гэ=хэ=дэ организует фразы с семантикой 'собрался было...', но...':

Би уйла=ха гэ=хэ=д=ээ, уйлажа шадабагүйб (Тул., 76) – Я хотел было заплакать, но плакать не мог; Үглөөгүүр нэрээд, газашаа гара=ха гэ=хэ=дэ=нь, торхын шэнээн бүдүүн бэртэй хара абарга могой хонолон гөрмөн гурба дахин орёжорхёод хэбтэбэ (Тул., 89) – Встав утром, хотел было выйти из дома, но вокруг дома, трижды обвившись, лежит огромная черная змея с телом величиной с бочку.

5. С формой деепричастия на =жа цепочка =ха гэ=жэ передает целевое значение и функционирует тождественно целевым деепричастиям на =хаа/=хаяа, в тех же контекстах⁴:

Энэ залуу үрээгүүд өөмдэнгөө эзэды сэрэгтэ үдэш=хэ гэ=жэ эрээд байна бшуу (Жимб., 35) – Эти молодые кони-трехлетки пришли, чтобы сопровождать своих хозяев на войну; ... нэгэ бага амья даруул=ха гэжэ үдхэн хагдан соо луубаб (Лубс., 8) – (Я) уселся в густую прошлогоднюю траву, чтобы немного перевести дух; ... саашаа кун боло=хо гэ=жэ пананам (Тул., 12) – Кем ты дальше

собираешься стать?

Таким образом, одна и та же аналитическая форма намерения в сочетании с показателями связи, довольно близкими по семантике (общая связь событий у деепричастия на =жа, общая временная связь у формы на =ха=да), дает неожиданно резко расходящиеся по семантике варианты; то же можно сказать и про цепочки =н гээд и =н гэ=хэ=дэ. Налицо идиоматизация – ни в одном случае значение суммы не равно сумме значений.

Возникает естественный вопрос, каков грамматический статус этих сочетаний? В имеющейся системе терминов определить их трудно.

С одной стороны, имеется термин "сложное глагольное сказуемое", которое в бурятоведении охватывает как раз формы сказуемых с вхождением деепричастия или причастия полнозначного глагола и глагола вспомогательного⁵. Однако этот термин вводился применительно к сказуемому простого (независимого) предложения и учитывает сложность той части сказуемого, которую можно назвать его "основой" – до позиции показателей времен/наклонений, т.е. показателей финитности, определяющих функцию "сказуемостной основы" именно как независимого сказуемого. В зависимом сказуемом за "основой" будут следовать, соответственно, показатели инфинитности, передающие наличие зависимости и конкретную её семантику. Поскольку же для характеристики полипредикативной конструкции – того целого, куда входят и главная, и зависимая части со своими сказуемыми – важна в первую очередь характеристика показателя связи, ясно, что строение "основы" зависимого сказуемого становится гораздо менее значимым⁶.

С другой стороны, сами полипредикативные конструкции (ППК) классифицируются на формальные типы по устройству показателей связи – на аналитические (показатель связи – отдельное служебное слово, например, союз, при финитной форме глагола) и синтетические (показатель связи – морфема в составе зависимого сказуемого). Подтип синтетических ППК – конструкции аналитико-синтетические, включающие в свой состав также дополнительные аналитические уточнители (частицы, послелоги и т.п.)⁷. Естественно было бы выделять типы зависимых сказуемых соответственно типам ППК в целом: также аналитические, синтетические и аналитико-

синтетические. При такой классификации, очевидно, учитывалась бы форма зависимого сказуемого "правее основы": аналитическое зависимое сказуемое представляло бы собой цепочку "финитный глагольный аффикс + служебное слово", синтетическое – соответствующую инфинитивную форму, аналитико-синтетическое – инфинитивную форму в сопровождении служебных слов-уточнителей связи.

Как видим, эти два ряда терминов описанных выше случаев не охватывают. Так, зависимое сказуемое вида =н гз=хз=дз целиком охарактеризовать нельзя; описываются отдельно левая его часть ("сложное глагольное сказуемое" со вспомогательным глаголом гз=) и правая ("инфинитивная причастно-падежная форма =ха=да – синтетическое зависимое сказуемое"). Цепочка же эта, как было показано, в силу идиоматизации неделима, на выражение связи определенного характера работает вся она целиком, семантика как аспектуальной формы, так и показателя связи не соотносима со случаями несвязанного, раздельного употребления того и другого (отметим при этом, что форма =н гз= как в грамматических описаниях, так и в наших примерах в несвязанном состоянии пока не встретилась – впрочем, это нужно проверять с информантами). Можно было бы распространять на эти случаи термин "аналитико-синтетическое зависимое сказуемое" – но это значило бы, что мы не различаем, какого типа средства привлекаются к участию в выражении связи. Под одной рубрикой тем самым объединяются случаи типа ере=н сасуу 'только войдя', где связь, переданная деепричастием на =н, уточняется "справа" послелогом сасуу 'как только', и описанные выше случаи типа хара=н гз=хз=дз 'когда взглянул, оказалось, что...', где связь, переданная формой =ха=да, дополняется "слева" аналитической аспектуальной формой, где реально произошло перераспределение морфем между "основой" сказуемого и функциональной его частью. Впрочем, вопрос, что удобнее и целесообразнее – иметь один термин или два (возможно, и более) разных – может быть решен только в практике дальнейшей коллективной работы по описанию форм зависимого сказуемого в разных языках.

Отметим еще в заключение, что процесс идиоматизации у разных цепочек такого рода находится на разных стадиях – например, минимально идиоматизирована форма =д гээд, где достаточно просматриваются оба исходных значения, максимально – =ха гз=жз.

Как представляется, для далеко зашедших случаев можно говорить уже о появлении новых аналитических инфинитивных форм глагола – в частности, аналитического деепричастия цели на =ха гзжз. Известно, что многие этимологизируемые деепричастия произошли в результате идиоматизации причастно-падежных форм – синтетических морфемных цепочек. Как видим, аналогичный процесс может происходить и с цепочками аналитическими, включающими служебные слова.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хализева В.С. Значение временных союзов и комбинирование видо-временных форм глаголов-сказуемых в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1970; Ефремов Н.Н. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. – М., 1984. – С. 12–13 и др.
2. Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. – Улан-Удэ, 1972. – С. 145.
3. Там же.
4. Подробнее см.: Скрибник Е.К. Бурятские по ипредикативные конструкции с показателем гзжз // Показатели связи в сложном предложении. – Новосибирск, 1987. – С. 43–44.
5. Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. – М., 1962. – С. 40.
6. Может показаться, что это положение противоречит тому, что излагалось выше. Еще раз подчеркнем, что аналитические аспектуальные формы могут появляться в ППК разных типов – но на семантику передаваемого отношения воздействия практически не оказывают. Из трех функциональных типов ППК – модус-диктумных, определительно-отождествительных и диктум-диктумных (обстоятельствственных) – такое влияние наблюдается только в обстоятельство-ном, причем в недифференцированных моделях этого типа (прежде всего темпоральных). Иначе говоря, круг ППК, где это влияние может проявиться, чрезвычайно ограничен, и в данной статье рассматриваются случаи довольно редкие.
7. См.: Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. – Новосибирск, 1986. – С. 24–25.

- Бат. - Б.-Д. Батоев. Хээрн нүхэнэй нюуса. - Улаан-Удэ. 1968.
 БРС - Бурятско-русский словарь / под ред. К.М. Черемисова. - М., 1972.
 ГБЯ-2 - Вертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. - М., 1962.
 Жимб. - Ц.-Ж. Жимбиев. Гэл могой жэл. - Улаан-Удэ. 1972.
 Лубс. - Вл. Лубсанов. Дагба таабайн хөөрөөн. - Улаан-Удэ. 1976.
 Тул. - В. Тулаев. Алтан хараасгай. - Улаан-Удэ. 1979.
 Тум., ТБ - Ж. Тумунов. Талын бүргэд. - Улаан-Удэ. 1975.
 Цыд. - Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. - Улаан-Удэ. 1972.
 Ябж. - Б.Н. Ябжанов. Майтагсаан. - Улаан-Удэ. 1971.

ЗАВИСИМОЕ СКАЗУЕМОЕ С ФОРМАМИ ГЛАГОЛА БОЛ-
В РОЛИ ВТОРОГО КОМПОНЕНТА

В тувинском языке в роли средства связи частей полипредикативных конструкций широко используются формы бытийного глагола бол-: болза, болганда, болгал, представляющие собой лексикализованные формы причастия, деепричастия и условную форму. Они линейно заканчивают аналитическую конструкцию зависимого сказуемого, и выбор между ними определяется соответствием этих грамматических форм характеру связи, отношению между частями конструкции. При этом формы болза и болганда принимают обязательно личное оформление (аффиксы 2-го типа в I и 2 лицах, нулевое оформление в 3 лице); форма болгал личного оформления не принимает.

В этой статье нас будет интересовать три вопроса: во-первых, вопрос о вхождении этих форм в состав сказуемого и статус такого сказуемого; во-вторых, статус самих этих форм как показателей связи; в-третьих - их сочетаемость с формами знаменательного компонента сказуемого, выразителя предикативного признака.

В "Грамматике тувинского языка" условная форма болза не слишком удачно названа "словом", которое "заменяет собой условный союз русского языка 'если'".¹ Определенные трудности в установлении грамматического статуса рассматриваемых форм вызвало их несоответствие традиционному представлению о союзах в индоевропейских языках, начинающих зависимую часть, в то время как эти формы замыкают придаточное. Авторы ГТЯ подчеркивают это обстоятельство, не позволяющее им оценить слово болза как союз.

Е.И. Убрятова отметила способность якутских союзов занимать разные позиции в предложении и связала это, во-первых, с происхождением якутских союзов, во-вторых - с древней системой выражения синтаксических отношений. Тот факт, что союзы типа да, даганы, эмиз обычно занимают место "после слова, к которому относятся", объясняется тем, что слово, словосочетание и предложение в древней системе "принимали показатели их отношений к другим словам, словосочетаниям или предложениям к своему последнему

члену или в конце слова, как это наблюдается в современном якутском сложноподчиненном предложении.²

С этой позиции мы и попробуем рассмотреть тувинские скрепы болза, болганда и болгаш в настоящей статье. Начнём анализ с формы болза, наиболее распространённой, частотной в текстах художественной литературы, употребляющейся и в простом, и в сложном предложении.

В простом предложении служебное слово болза логически выделяет, подчёркивает подлежащее, функционируя как выделительная частица: Хаван болза хөрзүндөн чөмөннир. 'Свинья, (она) питается корнями'. Куш болза чүнү-даа чиир. 'Что (же) до птиц, клюют всё'. Арзыланнар, парлаар болгаш бөрүлөр болза араатан амытаннар. (ТРС, с.110). 'Что до львов, тигров и волков -(они) хищные животные'. Болза акцентирует подлежащее куш, хаван и др., связочной функции оно здесь не выполняет.

Несомненный интерес представляет специфическая конструкция, в составе которой слово болза следует за глагольной формой "деепричастие на =п знаменательного глагола + каар=ым, т.е. причастие настоящего-будущего времени от вспомогательного глагола каг=, выражающего законченность действия в I лице.³ После слова болза, третьего компонента в этой цепочке, следует конструкция предложения: Ам силерден дилеп каарым болза, фактыларны эки-ле хынап көрүңер. (Д.С., 10). 'К вам просьба, хорошо проверьте факты'. Анаа силерге баш удур сагындырып каарым болза, бо черниц, дарга-бошкаларынга кижиле бүзүрөп болбаан, кончуг авыастыг улус эвеспе. (Д.С., с.20). 'Просто вас заблаговременно предупреждаю, начальники этой местности очень хитрые, никак нельзя доверять'. Хамыктың мурнунда айтып каарым болза, демдегеледдерниц бижиттинген стили арай кандайзымаар-даа болза утказы ханы, харын-даа чамдык черлери эртем ажылынга чоокшулай бээр аян бар-дыр. (Д.С., 68) 'Прежде всего указываю, что хотя стиль заметок несколько и шероховат, но содержание глубокое, даже в некоторых местах приближается к научной работе.

В составе конструкции: Тv=п каар=ым болза – компонент болза, как и в простом предложении, выступает не как скрепа, а как частица, подчеркивающая, выделяющая предшествующие слова

и придающая сказуемому модальный оттенок желательности: Ам силерден дилеп каарым болза. 'Я хочу вас попросить'. Функция болза здесь – это функция модально-выделительной частицы, которая сопровождает сказуемое, не являясь его компонентом.

Следует подчеркнуть, что в качестве знаменательного компонента этой конструкции используются глаголы с семантикой 'просить', 'предупреждать', 'указывать'. Поскольку просьба исходит от I-го лица, аналитическая глагольная форма принимает соответствующие показатели. Специфика этой модели сказуемого ЗПЕ по сравнению с последующими, о которых будет сказано ниже, в том, что болза оформляет готовый аналитический двухкомпонентный глагольный комплекс Тv=п каар=ым, последний компонент которого принимает на себя показатель грамматического лица. Служебное слово болза остается тем самым за пределами этого зависимого сказуемого. Это обстоятельство провоцирует вопрос о грамматическом статусе слова болза в этой конструкции. Но прежде чем пытаться ответить на него, рассмотрим другие модели с компонентом болза.

В полипредикативных конструкциях основная функция болза – связывать предикативные части условного предложения, замыкая линейно первую зависимую ПЕ. Следует отметить, что вынесение болза в крайнюю позицию слева, в финал зависимой ПЕ, на письме регулярно сопровождается постановкой запятой после болза. Выступая в этой функции, болза принимает на себя обязательное личное оформление аффиксами I-го и 2-го грамматического лица, в 3-м лице – нулевой показатель.

Знаменательный компонент сказуемого зависимой ПЕ может выражаться формами причастий – будущего на -р и прошедшего на -ган в положительной и отрицательной формах. Например:

Хемниц, суу кадып каар болза, хамык балык кырлыр болгай. (УХ – 49, с.133). 'Если река пересохнет, вся рыба погибнет ведь'. Бир кижиниң суугузу бусту берген болза, Вершининден тууйбу дилээр. (Д.С., с.43). 'Если у кого-то сломалась печка, кирпич просят у Вершинина. Ср. также: Сут хей болган болза, тарылгага эки болгай эртик. (ТРС, с.619). 'Было бы хорошо для посевов, если бы было много воды'. Бир эвес кээргел чок төт-чеглекчи аңаа дөгбээн болза, чазын төрүүр турган. (Д-ЧЧ, с.10).

'Если бы её не трогал бессердечный браконьер, весной отелилась бы. Бир эвес бусуревес болзундарза, бис ийини көргөйлө силер – деп балтакандым. (ОСо, II, с.195). 'Если вы не верите, увидите нас двоих, почувствуй я'.

В позиции знаменательного компонента зависимого сказуемого встречаются и именные формы: имена наличия/отсутствия (бар/чок), и количества (хой – много, ас – мало), имена прилагательные на -лыг, существительные в предикативном употреблении. Например: Аң хой болза, аңаар мен. (ТРС, с.110). 'Если зверя много, то поеду на охоту'. Дежик кочал болза, бөөшкүннепкей эртик. (Д.С., с.96). 'Если ведро дырявое, (то) заткнули бы'. Буруулут болзундза билин, актыг болзундза, шыңзат дээним ол. (Д.С., с.148). 'Если ты виноват, сознайся, а если ты не виноват, докажи, вот что я сказал'.

Таким образом, слово (или форма?) болза сочетается и с причастными (глагольными), и с именными знаменательными компонентами. Это даёт основание интерпретировать её и как связку в составе именного по своей природе сказуемого (конечно, зависимого); но одновременно можно трактовать её и как служебное слово, функционально близкое к условному союзу, хотя и принимающему показатели лица. Но и в этом случае мы обязаны считать это слово входящим в состав зависимого сказуемого, поскольку "внешняя граница" этого члена предложения не может проходить перед аффиксами лица.

Тот факт, что в рассмотренных случаях болза не несёт семантической нагрузки типа вспомогательных глаголов, выполняя чисто служебную функцию, сближает болза с союзами. Назвать же болза "условным союзом" с точки зрения европейской лингвистической традиции непривычно не только потому что союзам приписывается свойство неизменяемости, но и потому, что союзы не включаются этой традицией в состав сказуемого, поскольку обычно не контактируют с ним линейно. В тувинском же болза, с показателями лица, входит в сказуемое, замыкая его и связывая все его компоненты в единый комплекс. Поэтому болза, выступая роли условной скрепы, показателя условных отношений, никогда не связывает финитных, законченных ПЕ. Все формы, используемые перед болза в составе ППК, являются инфинитивными.

В состав зависимого сказуемого со служебным словом болза может входить уступительная частица -даа. Конструкция приобретает уступительную семантику. Приведём примеры:

Сен шыкаш агроном эртем дооспаан-даа болза-ум-за, чер, хер-зун дугайында шору билкир мен. (Х.О., с.10). 'Ты агроном, (а) я хотя институт и не закончил, землю, почву прилично знаю'. Ам-бодум чадаг-терге мунуп билбес-даа болзумза, чоллаачи дуннам сенге кончут чоргаарланып чурттап чор мен. (УХ-49, с.142). 'Хоть сам я велосипед оседлать не умею, тем, что ты мой младший брат – шофёр, очень горжусь я'. Ол часкан-даа болза, частыргыны эдиш ап болур. (РТС, с.473). 'Хотя он ошибся, ошибку можно исправить'. Хойларны, уксаазы эки-ле экижиттинмээн-даа болза, соолгү чылдарда олардан эки туннелдерни ап келген. (УХ-49, с.16). 'Хотя не очень-то улучшена породность овец, в последние годы от них добивался хороших результатов'. Чайн чок-даа болза, ол келир. (РТС, с.631). 'Он придёт, хотя ему и некогда'. Ол кизи болганчок-ла аарып турган болза-даа, эки өөреникчи чораан. (РТС, с.665). 'Он, хотя часто болел, учился хорошо'. Күс апарган болза-даа, няштар ам-даа ногоан. (ТРС, с.110). 'Хотя уже наступила осень, деревья всё ещё зелёные'. Мээн, бир-ле шагда, бир-ле катап көргөним шыкаш болза-даа, бо-дап тыппадым. (Там., с.195). 'Я когда-то что-то будто (вроде) видел-я хотя, но не вспомнил-я'. (букв. думая не нашёл-я).

Частица -даа может быть препозитивна и постпозитивна служебному слову болза. По нашим данным -даа преимущественно препозитивна.

Таким образом, рассмотренная модель сказуемого ЗПЕ, осложнённого уступительной частицей -даа, аналогична предыдущей. Здесь также используются инфинитивные формы -ган, -баан, бас и др. Болза получает личное оформление и выделяется запятой справа, замыкая зависимую ПЕ.

2. Служебное слово болганда – причастно-падежная форма бытийного глагола бол- в простом предложении выполняет функцию обстоятельства времени: "вскоре, через некоторое время". Например: Элээн болганда чер чыраан. (Там., с.14). 'Вскоре рас-свело' (букв. достаточно стало-когда). Ср. отрицательную пару этой формы: үр-даа болба-анда кожуун даргазы бо кирип келди.

(Там., с.160). 'Вскоре (букв. не долго стало=когда) сюда пришёл начальник хошуна'. Ур-даа болбаанда бажыга кирип келди. (Там., с.15). 'Вскоре в дом вошел'. Здесь наречие элээн 'довольно, достаточно' сопровождается положительной формой от глагола бол-: болганда; наречие ур 'долго' – отрицательной – болбаанда, с предшествующей ей частицей -даа.

В сложном предложении болганда реализуется в двух функциях. Прежде всего это служебное слово выступает в роли зависимого сказуемого темпоральных ШПК. Например:

Каш минута болганда, хурал тараан. (Там., с.67). 'Когда прошло несколько минут, собрание кончилось'. Каш минута болганда, столду аыл-чем, арага-хымыс-биле долдур чүдүрүпкөн. (Там., с.86). 'Когда прошло несколько минут, на столе (в изобилии) появилась еда, арака, кумыс'. Подлежащее в зависимой ПЕ здесь выражено существительными типа минута, год, ср.: ийи чыл болганда...

Кроме темпоральных ШПК, болганда формирует конструкцию сказуемого ЗПЕ, связанную с главной ПЕ причинными отношениями. Здесь болганда сочетается с причастными формами на -ган, -р и их отрицательными парами, с отрицательной формой от глагола э- "звес", с именными предикатами: А + улус (кижи), бар, чок. Причинная семантика осложняется здесь оттенком несоответствия ожиданиям (ср. русск. "раз"). Форма болганда получает обязательное личное оформление в 1-м и 2-м л. и нулевое оформление в 3-м лице. Она замыкает зависимую ПЕ, отделяясь от главной ПЕ запятой. Такие зависимые сказуемые встречаются как в моносубъектных, так и в разносубъектных ШПК. Например:

Оонундай силер тайга-тандыга үнүп келген улус болганыңарда, боо эттиндирер уjurлуг силер. (Там., с.49). 'Раз вы поднялись (пришли) в тайгу, вы должны стрелнуть'. Руда дажыны адаанда чаш сигеннер бар болганда, ол даш маңаа кээп душкенден бээр бир ай-ла хире болган дээрзи илден. (Д.С., с.73). 'Раз под рудным камнем выросла молодая трава, понятно, что этот камень упал здесь где-то месяц назад'. Кырааным бо ийнаан ам – алдан ийилип болганымда. (ОСо, с.176). 'Наверное это и есть моё старение, раз мне стало 62 года'. Петр Петрович, бир тээ индыг чугаа үнүп келген чүве болганда, менэ тодаргай тайылбыр

херек. (УХ-61, с.4). Петр Петрович, раз такой разговор вышел, мне чёткое разъяснение нужно'. Чаңгыс катап чурттаар болганда чалбынгалдыр кыпканы дээр, хөрчүп чадаан от дег имистелип, ышталгаш чоорул... (УХ-61, с.7). 'Раз живёшь один раз, лучше гореть ярким пламенем, зачем тлеть, дымить, как угасающий огонь'.

Итак, служебное слово болганда также как и болза формирует аналитическую конструкцию сказуемого ЗПЕ, принимая на себя показатели грамматического лица. Специфическая семантика конструкций, передаваемых моделью $Tv = \text{прч.} + \text{болганда}$ обусловлена грамматической формой главного сказуемого. А именно: использованием в главной ПЕ предиката в форме на -р или -тан, осложнённых модальными словами типа ужурлуг, херек, дээр и т.п. или в форме повелительного наклонения.⁴

Не останавливаясь на этом подробно, отметим, что болганда обнаруживает функциональную близость к рассмотренным выше служебным словам болза, -даа болза/ болза-даа. Она тоже является глагольным компонентом, замыкающим зависимое сказуемое, и тоже обнаруживает функциональную близость к причинному союзу.

3. Служебное слово болгаш, восходящее к деепричастию на -гаш от вспомогательного глагола бол-, авторами ГТЯ квалифицируется как послелог с семантикой 'через' и сочинительный союз 'и', омонимичный с деепричастием.⁵ В тувинско-русском словаре приводятся пять значений этой формы. 1) деепричастие; 2) союз 'и'; 3) 'через'; 4) 'только такой, как'; 5) союзное слово 'и поэтому, так как'.⁶ Третье и четвёртое значение, как видим, в словаре терминологически не определены. Проиллюстрируем примерами сначала их:

Бир шак болгаш келир мен. (РТС, с.638). 'Приду через час я'. Ср. также: Каш хүн болгаш... 'спустя несколько дней...'. Элээн болгаш, Чанылыгның кайт кырынга ам-на үнүп келген. (Там. с.76). 'Через некоторое время (спустя некоторое время), теперь-то на вершину Чанылган взойли'. Чаңгыс чер чурттуг өңүктөт эгелээн үр болгаш, таваржып келген болганда хөөрөшпейн канчаар. (Там., с.127). 'Раз встретились через некоторое время друзья из одной местности, как (же) не наговориться'. Здесь болгаш функционирует в роли послелога, сопровождая существительные типа шак, хүн, ай, прилагательное үр. Рассмотрим ещё

примеры: Силер болгаш шыдажыр-дыр силер. (ТРС, с.110). 'Только такой (знающий человек), как вы, может это сделать', (букв.: вы и можете—ведь вы). С нашей точки зрения, здесь болгаш функционирует в роли модельно-выделительной частицы.

Но сейчас нас больше интересуют другие случаи — употребление болгаш как связки в ШПК. Например:

Сирга колхозта партия организацияның бюро кежигүнү болгаш ажилдың кайы-даа адырлары-биле хөлчөк таныш.⁷ 'Сирга член бюро партийной организации колхоза, поэтому очень хорошо знает все отрасли работы'. Здесь болгаш связывает две предикативные единицы, передавая причинно-следственные отношения между событиями. Болгаш можно сопоставить с русским будучи, которое грамматической традицией дееспричастием не называется, но его можно отнести к таковым, и которое тоже выполняет связную функцию. Но в русском языке будучи занимает начальную позицию в зависимой части. Принадлежность болгаш главной или зависимой ПЕ не столь очевидна. Поскольку в тувинской орфографии ещё не установлены чёткие критерии постановки знаков препинания между частями таких предложений, наличие или отсутствие запятой не всегда однозначно определяет границы ПЕ. И в конструкциях с болгаш это проявляется в наибольшей степени. Поэтому, если считать, что в рассматриваемом примере болгаш относится влево, к линейно первой ПЕ, замыкая её, то его следует переводить причинным союзом "так как". Если же болгаш принадлежит правой, линейно второй ПЕ, занимая в ней начальную позицию, то переводить следует причинно-следственным союзом "поэтому/ и поэтому". Как известно, предложения следствия семантически близки сложносочиненным результиративным предложениям с союзом "и". Поэтому можно сказать, что союзом болгаш связаны две самостоятельные предикативные единицы: Сира — член бюро партийной организации колхоза, и (она) очень хорошо знает все отрасли работы.

Таким образом, в рассмотренном примере болгаш выступает в роли союза.

Более распространенным в тувинских текстах является употребление болгаш в роли постпозитивного компонента с явной функцией союза причинной семантики. Точнее сказать, болгаш, сочетаясь с предшествующими инфинитными формами и формами имён,

формирует конструкцию зависимого сказуемого. В подавляющем большинстве случаев после этого сказуемого ЗПЕ ставится запятая. Приведём примеры:

Алагадаар суг чангыс өг турган болгаш, олга дуза кадар кижик чок. (Там., с.68). 'Так как юрта Алагадара стояла единственная, мальчику некому было помочь'. Ол чажындан аът мунуп чораан болгаш, ооң буттары ыргак. (Д.М.). 'Так как он с детства ездил на лошади, его ноги кривые'. Мурнунда адыг дөгээлеп чорбаан болгаш, Лопсан айтырган. (УХ-49, с.149). 'Так как раньше медведя не помечал, Лопсан спросил: Эске черлерни аннап билбес болгаш, кызыдарныска бээр кээрин чөпшээреди. (Там., с.37). 'Так как не знаем мы, как охотиться на чужих местах, постарались, чтобы нам разрешили здесь'. Сени черле машина үрей мунуп көрбөөн дээрин кулак дулей эвес болгаш, дыннап-ла олурдум. (УХ-49, с.142). 'Слышал я, что ты никогда не ломал машину, благо не глухой'. Мен кая-даа чедип кааштар болгаш, шүптү чаа чүвени билдир мен. 'Так как я везде успеваю побывать, я все новости знаю'.

Как видим, болгаш сочетается с теми же инфинитными формами, что и болза, болганда. Но, в отличие от последних, болгаш не принимает личных аффиксов в I-м — 2-м л. Субъект здесь выражается аналитически, формами личных местоимений: мен, сен, ол. Это объясняется тем, что болгаш — дееспричастие, а дееспричастия в тувинском языке, в отличие от причастных форм, не спрягаются.

Как уже отмечалось, показатель грамматического лица, который получают слова болза и болганда сигнализирует о тесном грамматическом единстве этого компонента сказуемого с предшествующим компонентом. Болгаш не имеет таких показателей, удерживающих его в рамках конструкции зависимого сказуемого, и потому обладает большей автономностью. Это даёт возможность носителям языка по-разному интерпретировать его местоположение. Одни отмечают причинную семантику болгаш и его место в финале зависимой ПЕ. Другие считают, что болгаш может занимать позицию как в зависимой ПЕ, так и в начале главной ПЕ. Мы склонны считать болгаш в этих конструкциях постпозитивным союзом причинной семантики.

Итак, мы рассмотрели три служебных слова, образованных от формы бытийного глагола бол- 'быть'. Суммируя общее и различное между ними, можно сказать следующее. Объединяет эти скрепы функция союзного типа, — роль средства связи частей ППК. Все они сочетаются с формами (положительными и отрицательными) причастий на -ган и на -р, формами имён наличия и отрицания, именами существительными и прилагательными в предикативном употреблении. Скрепы болза и болганда объединяет способность получать показатели грамматического лица и формировать ППК моно- и разносубъектного типа. Болгаш формирует в основном моносубъектные конструкции и не получает личного оформления.

Все рассмотренные формы сочетают функцию скрепы с функциями глагольных форм заключительных компонентов сказуемого зависимой ПЕ.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах. Грамматика современного тувинского языка. М., 1961, с. 455

² Убратова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск, Наука, 1976, с. 276

³ Тувинско-русский словарь. М., 1968, с. 213

⁴ Шамина Л.А. Способы выражения причинных отношений в тувинском языке. — В кн.: Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 12 — 32

⁵ Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика современного тувинского языка. М., 1961, с. 333; 450

⁶ Тувинско-русский словарь. М., 1968, с. 110

⁷ Пример взят из работы А.Ч. Кунаа Простое предложение современного тувинского языка. Кызыл, 1970, с. 79

С о к р а щ е н и я

Д.С.	— Дандар-оол Сарыкай. Бүстүнмаан үүже. Кызыл, 1978
Д — 44	— Э.Л. Донтак. Чолдак аңчынын чутаалары. Кызыл 1982 1982
Д.М.	— пример получен от Д.А. Монгуша
ОСо	— О. Саган-оол. Чогаалдар чындызы. Т.2, Кызыл, 1975
РТС	— Д.А. Монгуш. Русско-тувинский словарь. М., 1980
Там.	— С. Тамба. үелернин, ускулежи. Кызыл, 1984
ТРС	— Тувинско-русский словарь. М., 1968
УХ-49	— Альманах Улут-Хем — 49. Кызыл, 1978
УХ-61	— Альманах Улут-Хем — 61. Кызыл, 1985
Х.О.	— Хөвөнмей Ойдан-оол. Чайык соонда. Кызыл, 1978

ДЕЕПРИЧАСТИЯ НА -П КАК КОМПОНЕНТ ОСЛОЖНЕННОГО И СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Задачей данной статьи было рассмотреть структуру шорских конструкций, с деепричастием на -п в роли ведущего компонента; для этого в начале охарактеризуем его функции 1) по отношению в самой деепричастной конструкции, 2) по отношению к финитной части предложения, 3) по отношению к предложению в целом.

Форма на -п - самая многозначная и полифункциональная деепричастная форма как в шорском, так и в других тюркских языках. Она участвует в образовании сложных глаголов и разнообразных аналитических форм шорского глагола, а также выполняет личные синтаксические функции.

В семантическом плане она может выражать как самое общее значение соотнесенности действия с действием другого глагола, так и различные более конкретные обстоятельственные отношения (темпоральные, причинные, целевые и т.д.).

Основной функцией деепричастия как глагольной формы является предикативная, т.е. любое деепричастие, в том числе и форма на -п, обладает свойством быть вершиной предикативного узла. Однако поскольку деепричастие - это одна из функциональных форм глагола, призванная обеспечить его подчинение другому глаголу¹, то все предикативные категории у него носят относительный характер: деепричастное действие соотнесено с действительностью через посредство финитного глагола, доминирующего над ним в предложении. Это характерно для зависимой предикации².

Предикативные свойства деепричастий проявляются не в равной мере. Некоторые деепричастия имеют субъектно-подлежащую валентность, т.е. могут иметь свой субъект, отличный от субъекта финитной части (как, например, деепричастие на -п). В этом случае образуется полипредикативная конструкция, которую можно считать как собственно сложное предложение. Некоторые же деепричастия ориентированы исключительно на субъект финитного действия и строят монособъектные конструкции, которые, не являясь простыми, не могут быть признаны и собственно сложными. Такие предложения мы будем называть осложненными³. Деепричастие на -п в шорском языке образует конструкции обоих

типов, хотя преобладают монособъектные.

Охарактеризуем подробнее функции формы на -п как компонента предложения. Анализируя деепричастные конструкции русского языка, М.В.Яковлева предлагает отдельно рассматривать функцию деепричастия относительно самой деепричастной конструкции и относительно основной, т.е. конечной части предложения⁴. Первую функцию она называет внутренней, а вторую - внешней. Внутренняя функция данного деепричастия (как и любого другого) одна: деепричастие всегда является предикатом деепричастной конструкции, потенциальным, если это одиночное деепричастие, сохраняя валентности и сочетательные возможности глагола, от которого оно образовано, деепричастие в себе, как в зародыше, содержит и все возможные свои распространители), и действительным, реализованным во всех остальных случаях. По отношению к финитной части предложения в монособъектной конструкции деепричастие характеризуется наличием двойной синтаксической связи: со сказуемым и через него с субъектом, (выраженным чаще всего отдельным членом предложения - подлежащим). Если деепричастием утеряна связь с подлежащим, то оно перестает быть самим собой и переходит в другой разряд слов - в наречие, послелог и т.д. По мнению А.А.Плещева, посредством этой связи деепричастие приобретает относительное значение лица и числа, являясь по отношению к подлежащему особым сказуемым⁵. Специфика его в том, что это неконечное сказуемое, употребление которого предполагает наличие в предложении и конечного сказуемого (исследователи тюркских языков отмечают крайне редкое использование деепричастий в качестве финитных сказуемых⁶).

При наличии в деепричастной конструкции своего собственного подлежащего связь деепричастия с подлежащим конечной части прерывается и деепричастие "закрывается" на своем собственном подлежащем.

Связь русских деепричастий с субъектом финитной части и их предикативный характер признавались далеко не всеми лингвистами. Так, например, в русском языке В.В.Виноградов видел в деепричастии отглагольное наречие и признавал только его способность быть обстоятельством⁷. Напротив, А.А.Шахматов писал: настоящим деепричастием называем только такое деепричастие, которое употребляется в форме второстепенного или (диалектно)

также и главного сказуемого⁸. Он акцентировал связь деепричастия с подлежащим. Эти две точки зрения нашли свое отражение и в тюркологии⁹.

Связь деепричастия с финитным глаголом лежит в основе большинства определений, данных деепричастию в тюркологии¹¹. Оно отражается также и в традиции считать его функцией обстоятельственную. Остановимся на этой связи подробнее. Большое значение имеет положение деепричастия по отношению к финитному глаголу. Оно может быть контактным и дистактным. В последнем случае деепричастие может стоять в начале или в середине (финитный глагол занимает обычно последнюю позицию в предложении¹¹). При этом деепричастие всегда имеет свое лексическое значение и является отдельным членом предложения. Следует учесть, что сложные глаголы мы рассматриваем как отдельные лексические единицы, что распространяется и на их деепричастные формы. При контактном расположении деепричастия и финитного глагола имеют тенденцию к семантическому и функциональному слиянию. Степень их спаянности может варьироваться от свободного синтаксического сочетания до полного их слияния и превращения личного глагола в аффикс, образующий видовременную форму (сарна-п-ча-м "пой" из сарна-п чадырым). Эти процессы вызвали большой интерес у целого ряда тюркологов¹², выявивших следующие критерии свободного сочетания: сохранение собственного лексического значения и деепричастием и финитным глаголом (семантический критерий), выполнение ими разных синтаксических функций (синтаксический), возможность вставки какого-либо слова (морфологический), что особенно актуально для формы на -п, так как она участвует в образовании сложных глаголов и аналитических форм.

Свободное сочетание деепричастия на -п с финитным глаголом имеет два семантических варианта: 1) они оба выражают равноправные действия, равноценные по значимости; деепричастие на -п показывает, что действие, им выраженное, каким-то образом соотносено с действием финитного глагола, но не конкретизирует характер этой связи; 2) финитный глагол выражает основное действие, а форма на -п - дополнительное, характеризующее основное с какой-либо стороны, выражая обстоятельственные отношения. В тюркологии, наряду с обстоятельственной функцией, со-

ответствующей второму семантическому варианту, исследователи выделяют и функцию однородного сказуемого, соответствующую первому семантическому варианту¹³. В русистике ряд исследователей (М.С.Валгина, Д.Э.Розенталь, М.И.Бомина, М.В.Яковлева)¹⁴ также признают у деепричастия две функции: второстепенного сказуемого и обстоятельства. Основание для их выделения те же, что и у тюркологов: два названных семантических варианта. Различие в использовании терминов для обозначения первого семантико-функционального варианта (второстепенное сказуемое в русистике и однородное сказуемое в тюркологии) объясняется тем, что в русском языке существует возможность передачи равноценных по значимости действий двумя финитными формами, а в тюркских языках Сибири практически единственным способом является использование для этой цели деепричастия на -п. Тем не менее, несмотря на некоторое несовпадение объемов референции терминов "второстепенное сказуемое" в русистике и "однородное сказуемое" в тюркологии (тюркский термин шире), они, по существу, называют одну и ту же функцию деепричастий. Эта функция соответствует первому семантическому варианту, являясь общей для русских деепричастий и для тюркского деепричастия на -п. Функцию, соответствующую второму семантическому варианту, и в русистике, и в тюркологии называют обстоятельством. Подчеркивая предикативный характер деепричастий, А.А.Падшаев предложил термин второстепенное сказуемое¹⁵. Этот термин, по нашему мнению, не отражает характера семантических отношений между действиями деепричастия и финитного глагола; кроме того, он использовался А.А.Шахматовым по отношению ко всей совокупности деепричастных функций, а М.С.Валгиной, Д.Э.Розенталь и рядом других русистов для обозначения противоположной функции, соответствующей первому семантическому варианту. Поэтому мы предлагаем термин неконечное однородное сказуемое для обозначения второго семантического варианта и термин неконечное обстоятельственное сказуемое для первого (поскольку деепричастие всегда является неконечным сказуемым). При наличии у деепричастия своего собственного субъекта, функция деепричастия на -п большинством тюркологов оценивается как 1) сказуемое первой части сложносочиненного предложения или 2) сказуемое обстоятельного придаточного предло-

жения, в зависимости от реализации того или иного семантического варианта. Строгих критериев для разграничения этих вариантов не выработано. Дело в том, что "содержательный характер отношений между действием деепричастия и доминирующего глагола... передается очень нечетко, что дает основания интерпретировать эти отношения как сочинительные (соединительные). Часто эти отношения можно интерпретировать как темпоральные (следование или одновременность). На них могут накладываться различные дополнительные оттенки (условный), причинный, целевой, уступительный), не столько следующие из формальной организации конструкции, сколько реконструируемые адресатом речи на основании лексического состава фраз, специальных лексических конкретизаторов, грамматических форм, служебных слов и т.п., а также на основе конситуации и собственного жизненного опыта"¹⁶.

По отношению к предложению в целом деепричастие выполняет второстепенную функцию – актуализации последующего финитного глагола в ущерб своей информативности"¹⁷. Оно создает как бы момент ожидания, показывает, что мысль еще не завершена. Кроме того, деепричастный аффикс служит средством связи синтетического типа неконечной и конечной частей предложения аналогично индо-европейскому союзу"¹⁸.

Теперь проанализируем структурные типы конструкций, образуемых деепричастием на -п в шорском языке, оценивая их по следующим параметрам:

- 1) соотносительность деепричастного действия с субъектом финитной части или со своим собственным, отличным от него;
- 2) выраженность или невыраженность субъекта зависимой части собственным подлежащим.

Применяя эти два критерия, мы можем охарактеризовать деепричастные конструкции с "качественной" стороны и попытаться выстроить шкалу, по которой нарастала бы степень их сложности.

Решая данную задачу, мы выделяем следующие сложности зависимой предикативной единицы (далее ЗПЕ).

1. Деепричастное действие относится к тому же субъекту, что и финитное; в предложении присутствует только одно подлежащее (односубъектная одноподлежащая зависимая конструкция

по терминологии Л.М.Гореловой)¹⁹. Оно принадлежит либо зависимой части, либо финитной. Если ЗПЕ больше, чем одна, то подлежащее может принадлежать любой из них: Олак карчы пурулуп, шык-парды – 'Мальчик, назад повернув, вышел' (ШФ, 22, 23); Четтон каннын черинде оймак чажырып, ат төрөп йсчер – 'В земле семидесяти ханов, ров заполняя, конь, родясь, растет' (ШФ, 34, 35); Уйтап – калып, мен пир-да небе укладым – 'Заснув, я ничего не слышал' (ШНМ).

2. Деепричастное действие относится к тому же субъекту, что и финитное, но и зависимая часть и финитная имеют свое собственное подлежащее (односубъектная разноподлежащая конструкция). Например: Ыр полбаан, ол када кирди парчып теерлеп парып – 'Вскоре он опять вошел, весь вспотев' (Куш); Алып төллери аттарына мүнип алып, тооза наныбысты – 'Потомки богатырей, сев верхом на коней (их), все возвратились' (ШГ, 96); Лар аттарына мүнип алып, түгезе наныбыстылар – 'Они, сев на коней, все возвратились' (ШГ, 97); Иван Кузьмич, поозыда эм ээзи пол чат калып, олок озыба писти кырарга ыстырыбысты... (КД, 64) – 'Иван Кузьмич, сам оставшись хозяином, тотчас послал за нами' (КД, 281); Алтын Кан табак чиб-алып, поюу алтын крабадына шыгып чатты – 'Алтын-Кан (пищи) поел, сам на золотую кровать, (поднявшись), улегся' (ШФ, 10).

Как видно из приведенных примеров, дубль-подлежащее выражается либо возвратным местоимением, подчеркивающим референтное тождество подлежащих зависимой и финитной частей, либо определительным местоимением ("весь, целый"), акцентирующим полноту охвата действия субъекта или группы субъектов: "весь вспотев" – полностью вспотев, целиком; "все пришли" – все без исключения пришли.

3. Деепричастное действие относится не к субъекту главной части, но своего собственного подлежащего не имеет (разносубъектная одноподлежащая или бесподлежащая конструкция). Такая разносубъектность различима только в контексте. Подобные конструкции отмечены в иганасанском языке²⁰. Например: Ыш кадынал парып, кызын пербен салдыр – '(Я) приходил к нему три раза, но он не выдал своей дочери' (ААРС, 134); Алтон аастыг кора пыргызын көк чаллыг кўрен аттын эзер пажына салып, ийги кулак аразында кагыл парча – 'О шестидесяти отверс-

тиях (ртах) медную трубу (его) положил на луку седла своего бурого с голубой гривой коня; он (конь) шел, а (она) играла (у него) между ушами (досл... трубу... положивши, (она) играя, (конь) идет' (ШГ, 281) – в данном предложении – три предикативные единицы; две из них возглавляют деепричастия на -п, третье – финитная форма глагола на -ча; в конструкции нет ни одного подлежащего, субъект финитной части выражен нулевым показателем 3-го лица при финитном глаголе, а субъекты инфинитных частей представлены имплицитно: из контекста ясно, что субъект первого действия, по-видимому, хозяин коня и дудочки а "субъектом" второго действия является уже сама дудочка.

4. Деепричастие имеет свой грамматический субъект, отличный от грамматического субъекта финитного глагола, выраженный отдельным подлежащим (разносубъектная разноподлежащая конструкция). Однако обычно два ее подлежащих являются двумя сторонами одного и того же предмета или частями одной общей картины²¹, так что подобную конструкцию называют часто "мниморазносубъектной"²², "внешне-разносубъектной"²³. Поэтому представляется необходимым остановиться поподробнее на соотношении значений подлежащего инфинитивной и финитной частей в разносубъектной конструкции, образуемой формой на -п в шорском языке.

Исходя из соотношения семантики имен, выступающих в функциях подлежащих главной и зависимой частей, мы выделяем следующие разновидности разносубъектных конструкций:

1) конструкции, подлежащие которых связаны между собой отношениями принадлежности; 2) конструкции, где подлежащими являются существительные, обозначающие природные явления; 3) конструкции, где в одной из частей подлежащим назван природный объект или явление, а в другой – существительное, обозначающее какое-либо лицо.

Остановимся на каждой из них в отдельности.

1) если подлежащие ЗПЕ и ГПЕ (главной предикативной единицы) связаны между собой отношениями принадлежности, то возможны следующие варианты.

А. Подлежащее ГПЕ – субъект обладания, подлежащее ЗПЕ – объект обладания (ийги колы нойып, ийгилезин пожатты – 'Обе руки (его) он и, обоих их выпустил?' (ШФ, 14, 15) – подле-

жащее ЗПЕ является неотъемлемой частью подлежащего ГПЕ, частью его тела;

Арыг тыны шыгып, 'бл парды – 'Чистая душа его вышла (и), он умер' (ШГ, 288); Ады полазын сурарга – удуг сагыжим шык парып-сурабадым – 'Имя – прозвище спросить, великий разум мой вышел – не спросил' (ШГ, 288); – Меен Кан Мергенин кужу артык полып, Кара Мукунин арыг тыныма чедип салзам... – 'Если моей, Кан Мергена, силы больше окажутся, и если я до чистой души Кара Мюю доберусь...' (ШФ, 94) – 'разум', 'душа', 'сила' – непосредственные составляющие личности субъекта их обладания;

Чаш Кёёк, алган кижы, алтын столдын кестинде одур кел, ийги карагынан чажы ак мунчук шени корлап одурча – 'Чаш Коок, жена его, села за золотой стол, слезы обоих глаз ее подобно белому жемчугу проливались (так сидела)' (ШГ, 288) – 'слезы' – являются непосредственным 'продуктом' тела субъекта обладания, свойством, ему присущим.

Алтын Суучу алчан кижим полып, аны аларга келдим – 'Так как Алтын Суучу моя невеста, ее забрать я приехал' (ШФ, 36) – подлежащее ЗПЕ имеет самое непосредственное отношение к подлежащему ГПЕ, но не является его неотъемлемой частью;

Нанчым келип, пис кижя айнап шыктыбыс – 'Приехал мой друг, и мы вместе пошли на охоту' (ШНМ) – 'субъект обладания' – коллективный, групповой, 'объект обладания' – один из членов этого коллектива;

Сарагар парган агаш дүрлери черге туужип, чылап агаштар, салгынга чайкамыш турчалар – 'Опадают их пожелтевшие листья, обнаженные деревья качаются от ветра' (ШГ, 285) – в данном случае в отличие от выше приведенных примеров, где субъектом обладания являлось какое-либо одушевленное лицо или группа лиц, 'субъект обладания' выражен неодушевленным существительным.

Б. Подлежащее ЗПЕ – субъект обладания, подлежащее ГПЕ – объект обладания:

Жер анданып, кыртыжы төмөн болор – 'Земля перевернется и поверхность ее будет внизу' (ААРС, 22). Подобные конструкции встречаются редко.

В. Подлежащие и в ЗПЕ и в ГПЕ являются объектами облада-

ния одного и того же субъекта, при том, что сам он остается неизменным.

Аксинин каны айры полип, көксинин каны көл полча - 'Его кровь рта превратилась в ручей, его кровь спины становится озером' (ШГ, 208) - подлежащие обеих частей обозначают неотъемлемые части известного нам из контекста субъекта, на которого указывают аффиксы принадлежности при них;

Малына мал кожулуп, чоңуна чоң кожулуп турган полтыр - 'К скоту его скот прибавился, к народу его народ прибавился' (ШФ, 16); Казанга салганы кагылып, калган чоңы тарады - '(Его) положенное в котел загремело, оставшийся народ (его) разошелся!' (ШГ, 200) - подлежащие в ЗПЕ и ГПЕ оформлены аффиксами принадлежности, они как бы 'принадлежат' хозяину пиршества, вся ситуация рассматривается через призму ее владельца: и положенное в котел - его, и пирующий народ - его. Конструкции данного подтипа обычно являются параллельными.

Характерной особенностью конструкций, подлежащие ЗПЕ и ГПЕ которых связаны отношениями принадлежности, является наличие притяжательных аффиксов при объектах обладания, выполняющих роль подлежащих.

В редких случаях аффикс принадлежности оформляет не подлежащее, а имя, выполняющее другую функцию в предложении (например, дополнение или именную часть составного именного сказуемого); но отношения собственности обязательно находят свое формальное выражение. Подобные конструкции являются общими для целого ряда типологически схожих языков²⁴.

2. Мы выделяем следующие подтипы конструкций, подлежащие ЗПЕ и ГПЕ которых обозначают явления природы, чаще всего погодные.

А. Одна из предикативных единиц описывает состояние атмосферы в целом, а вторая - какую-то из ее сторон (отношения 'часть - целое' или 'целое - часть'): Паштапкы кар чагып, соок пола перди - 'Выпал первый снег, стало холодно' (ШГ, 287); Салгын тып келип, поран пола перди - 'Ветер завыл, сделалась метель' (КД, 17, 253); Нагбур токтап, айас кун пола перди - 'Дождь перестал, наступает ясный день' (ШГ, 85) - в ГПЕ главный член выражен препозитивным именем существительным (метель, день), которое представляет событие нерасчлененно, а ЗПЕ харак-

теризует одну из его сторон ('часть - целое').

Иир полип, карашкы тужибискен - 'Вечер наставши, темнота опустилась' (ШГ, 208) - в данном предложении ЗПЕ представляет событие нерасчлененно (вечер), а ГПЕ описывает одну из его составляющих ('целое - часть').

Б. Между ЗПЕ и ГПЕ могут быть отношения типа ('часть - часть'). Этот вариант встречается гораздо чаще, чем первый. Он применяется для описания отдельных сторон общей картины. Подлежащими могут быть существительные, обозначающие погодные явления, части суток, временные интервалы, природные объекты:

Көрзөм - тегири тбзи карарыкып, чажынажа перди - 'Смотрю - горизонт почернел, стало сверкать...' (ШГ, 178) - в данном предложении присутствует и субъект восприятия (корзөм 'когда я посмотрел'), который и отмечает отдельные процессы в изменении состояния атмосферы;

Салгынга тегринин пудуттары пöхүнүп, нагбур эртип, кун карагы көрүнө перди - 'Ветер разогнал облака, дождь перестал, показалось солнце' (ШГ, 288); Анан тезе салгын кирип, симырак чабал шапаргай - 'А потом ветер налетит, и поземка злая занесет' (АВЕ, 110) - подлежащее - погодные явления. Саргарып тан адып, көлбейип кун шыкканда, керил - чажыл турганы... - 'Когда занялась заря, когда сияло солнце, потянулось' (ШГ, 296) - в предложении описывается качественный переход от одного периода суток к другому; Карашкы туннер эртежип, эртенги тан чарышты - 'Черные ночи прошли, занялась утренняя заря' (ШГ, 289) - в предложении описывается смена жизненных периодов, слова тун и тан 'ночь, заря' употреблены метафорически;

Көк ёлен ёзуп, чарыг унууг торчук көглөп калтыр - 'Зеленая трава выросла, громкоголосый соловей защебетал' (ШГ, 288) - подлежащие - объекты природы.

3. Конструкции, в которых устанавливаются отношения между каким-либо действием, произведенным производимым субъектом, или которое он может, хочет или должен и т.д. совершить, и действием времени, изменением погоды). Мы выделяем 2 подтипа: А - конструкции, в которых действие субъекта соотносится с каким-либо изменением или состоянием внешней среды; и Б - конструкции, в которых производится отсчет временного интервала от действия ЗПЕ

до момента говорения или от момента говорения до действия ГПЕ.

А. Поран пол парып, пис эмде чаткалдыс - 'Начался буря, и мы остались здесь' (ШНМ); Чабылдырак алы шурлап, кики чорчен эбес полтыр - 'Невозможно было идти из-за того, что капли дождя стекали с крыши (досл. низ крыши капал)' (ШГ, 285); Эжик ажылып, оганнар каткызы уйгыл - парды - 'Дверь открылась, послышался смех детей' (ШГ, 285).

Б. Временные конструкции имеют две разновидности: а) действие ЗПЕ является точкой отсчета временного интервала, который прошел с момента его совершения до момента речи;

Ийги алыптан кодуна кирип, одус чыл эрт-парды - 'С тех пор как он попал в руки двух богатырей, тридцать лет прошло' (ШФ, 46, 47); Аймактан кышкылып, четти чыл пол парды - 'С тех пор, как уехали из села, прошло 7 лет' (ШШП); Сен келдин кечее, ол келип ийги чыл пол парды - 'Ты приехал вчера, а он как приехал два года прошло' (КАМ) - ГПЕ ведет отсчет времени, поэтому подлежащими ее являются слова (чыл, ай 'год, месяц' и т.д.), обозначающие временной интервал. Это же значение в шорском языке передается конструкцией с формой зависимого сказуемого T_V -ган//нан ала²⁵. Ол келгеннен ала, ийги ай эрт парды - 'С тех пор как он приехал, прошло 2 месяца' (ШШП).

В. Конструкции, в зависимой части которых задается временной интервал, по истечении которого должно наступить действие ГПЕ:

Уш кун эртип, айланмаан ползам, мен ажып бйгем полар - 'Если спустя три дня я не вернусь; я, наверное, уж погиб' (ШГ, 213) - подлежащим ЗПЕ является существительное, обозначающее временной интервал. Подобное значение в шорском языке передается также причастно-последложной конструкцией с формой сказуемого ЗПЕ на Т -ган//соонда: Ийги чыл эрт парган соонда, мен келерим - 'После того, как пройдет 2 года, я вернусь' (КЛМ).

Таким образом, шорское деепричастие на -п, являясь простым²⁶, т.е. не принимающим личного оформления, имеет собственную субъектно-подлежащую валентность и образует конструкции разных структурных типов. Применяя символику, разработанную Синтаксической группой Сектора языков народов Сибири ИГиЛ СО АН СССР, попробуем отразить рассмотрение конструкции в виде формул.

1. Наиболее часто встречающаяся моносубъектная одноподлежащая полипредикативная конструкция $T_V = \pi (N_1 \leftrightarrow V_{fin})$

2. Моносубъектная разноподлежащая конструкция $(N_1 \leftrightarrow T_V = \pi) (N_2 \leftrightarrow V_{fin})$

3. Разносубъектная одноподлежащая конструкция; "слабая субъектная валентность деепричастия не является подлежащей валентностью. Она направлена за рамки фразы, в предшествующий контекст"²⁷. $\dots (N_1) \dots T_V = \pi (N_2 \leftrightarrow V_{fin})$

4. Разносубъектная разноподлежащая конструкция: $(N_1 \leftrightarrow T_V = \pi) (N_2 \leftrightarrow V_{fin})$

Из приведенных формул видно, что субъектно-подлежащая валентность деепричастия на -п проявляется по-разному. Ее можно подразделить на подлежащую и субъектную. В конструкции № 1 деепричастие на -п не реализует собственную подлежащую и собственную субъектную валентности. Конструкция № 2 характеризуется реализацией собственной подлежащей валентности формы на -п. В конструкции № 3 реализовалась собственная субъектная, в конструкции № 4 - собственная подлежащая и собственная субъектная валентности.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Деепричастие - это функциональная форма глагола; в предложении она всегда является предикатом. Деепричастная форма призвана обеспечить подчинение одного глагола другому глаголу, поэтому все предикативные категории деепричастия являются относительными.

2. В составе предложения деепричастия выполняют три разные функции: во-первых, по отношению к самой деепричастной конструкции (где оно является ведущим словом, конструктивным центром); во-вторых, по отношению к финитной части - здесь оно выступает как форма подчинения; в-третьих, по отношению к предложению в целом, где оно является выразителем определенного отношения между двумя событиями (что особенно наглядно при сопоставлении предложений с разными деепричастными формами).

3. Деепричастие на -п является простым, т.е. оно не принимает личных аффиксов. Но в шорском языке оно обладает собственной субъектно-подлежащей валентностью и образует как моносубъектные (осложненные) конструкции предложения, так и разносубъектные (собственно сложные). Зависимая часть в обоих этих ти-

пах предложений в шорском языке может иметь собственное подлежащее.

4. Соотношение значений подлежащих зависимой и финитной частей является лимитирующим фактором для построения разносубъектных конструкций. Чаще всего их подлежащие связаны между собой отношениями принадлежности (соотношения типа - 'объект обладания - субъект обладания', 'субъект обладания - объект обладания', 'объект обладания - объект обладания') или обозначают природные явления, представляющие две стороны единой картины (соотношения типа 'часть - целое', 'целое - часть', 'часть - часть'). Предложения, где единство картины события предстает резко ослабленным или вообще утрачивается, например, конструкции с временной и причинной семантикой, встречаются редко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черемисина М.И., Бродская Л.М., Скрибник Е.К. и др. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. - Новосибирск, 1986, с. 52.
2. Черемисина М.И. Специфические функции финитных и инфинитных зависимых сказуемых в языках разных систем - В сборнике: Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984, с. 36.
3. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. - Новосибирск, 1987, с. 13.
4. Яковлева М.В. Синтаксические функции деепричастий современного русского языка. - В сборнике: Подчинение в полипредикативных конструкциях. - Новосибирск, 1980, с. 115-125.
5. Падашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. - М., 1977, с. 28.
6. Там же, с. 251-255; Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. - Новосибирск, 1985, с. 77-85.
7. Виноградов В.В. Русский язык. - М., 1947.
8. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. - М.-Л., 1941, § 538.
9. Падашев А.А. анализирует существующие в тюркологии точки зрения на сущность синтаксической функции деепричастия. - Указ. соч.
10. Основные определения деепричастия приводятся в кн.: Коркина Е.И. Указ. соч., с. 10-14.

11. В редких случаях деепричастие следует за финитным глаголом.

12. Падашев А.А. Указ. соч., с. 86-133; Джамалов Д.Д. Деепричастия в кумыкском языке. - М., с. 199-226; Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. - М.-Л. 1960, с. 240-241, 264-265.
13. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык, т. II, ч. I, М., 1952, с. 460; Кононов Н.А. Указ. соч., с. 239-241; Исхаков Ф.Г. Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. - М., 1961.
14. Яковлева М.В. Указ. соч., с. 115-119.
15. Падашев А.А. Указ. соч., с. 140-142.
16. Структурные типы..., с. 145.
17. Падашев А.А. Указ. соч., с. 46-48.
18. Сауранбаев Н.Т. Семантика и функции деепричастий в казахском языке. - Алма-Ата, 1942, с. 3-68; Структурные типы..., с. 3.
19. Горелова Л.М. Модели полипредикативных конструкций в эвенкийском языке. - В сборнике: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980, с. 83/96.
20. Структурные типы..., с. 118-123.
21. Там же, с. 146.
22. Там же, с. 199.
23. Горелова Л.М. Указ. соч., с. 90.
24. Структурные типы..., с. 199.
25. Здесь и далее в структурных формулах мы применяем символику, разработанную в Синтаксической группе Сектора языков народов Сибири отдела филологии ИИЯФ СО АН СССР. См.: Структурные типы..., с. 313-314.
26. Черемисина М.И. Деепричастие как класс форм глагола в языках разных систем. - В сборнике: Сложное предложение в языках разных систем. - Новосибирск, 1977, с. 23-26.
27. Структурные типы..., с. 198.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ШФ	- Н.П.Дыренкова. Шорский фольклор. М.-Л., 1940.
ШГ	- Н.П.Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.-Л., 1941.
КД	- А.С.Пушкин. Капитанский кызы. Перевод на шорский язык И.Я.Арбачакова. Новосибирск, ОГИЗ, 1941.

- ААРС - Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий
тюркского языка. Изд. православного миссионерского
общества. Казань, 1884.
- АВЕ - А.В.Есипова. Шорские тексты и поговорки. - В сборнике:
Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков
Сибири. Новосибирск, 1986, с. 102-118.

ИНФОРМАНТЫ

- ШНМ - Шипачева Надежда Михайловна
ШЛП - Шульбаев Леонид Прокопьевич
КАМ - Кунгушева Анастасия Макаровна
КДМ - Кузыгеев Дмитрий Михайлович

СОДЕРЖАНИЕ

Черемисина М.И., Тыбыкова А.Т. О модальных формах сказуемых алтайского языка	3
Коткарёва Н.Б. Модальное сказуемое в хантыйском языке ке (на материале казымского диалекта).	33
Мартынова Е.И. Отрицание в глагольном сказуемом среднеобских говоров селькупского языка.	39
Тыбыкова А.Т. Типы именного сказуемого в алтай- ском языке.	52
Спектор Т.Р. Связки как средство отражения по- зиции говорящего в предложении.	67
Горелова Л.М. Корреляция главных членов предложе- ния в маньчжурском языке (в аспекте именного типа предикации).	74
Соловар В.Н. Семантические группы глагольных сказуемых безактантных и одноактантных предложений в казымском диалекте хантыйского языка.	82
Тыбыкова Л.Н. Синтаксические функции форм на -гандый в алтайском предложении.	88
Гришина Н.М. Употребление частицы <u>сим</u> в кетском языке.	102
Коваленко Н.Н. Модальные значения сказуемых в простом и сложном предложении (на материале нга- насанского языка).	109
Бродская Л.М. Модальность зависимого сказуемого и категория наклонения в эвенкийском языке.	118
Скрибник Е.К. Усложнённые формы зависимого ска- зуемого в бурятских темпоральных конструкциях не- дифференцированной семантики.	136
Шамина Л.А. Зависимое сказуемое с формами глаго- ла <u>бол-</u> в роли второго компонента.	143
Невская И.А. Деепричастия на -п как компонент осложнённого и сложного предложения в шорском языке. . .	154